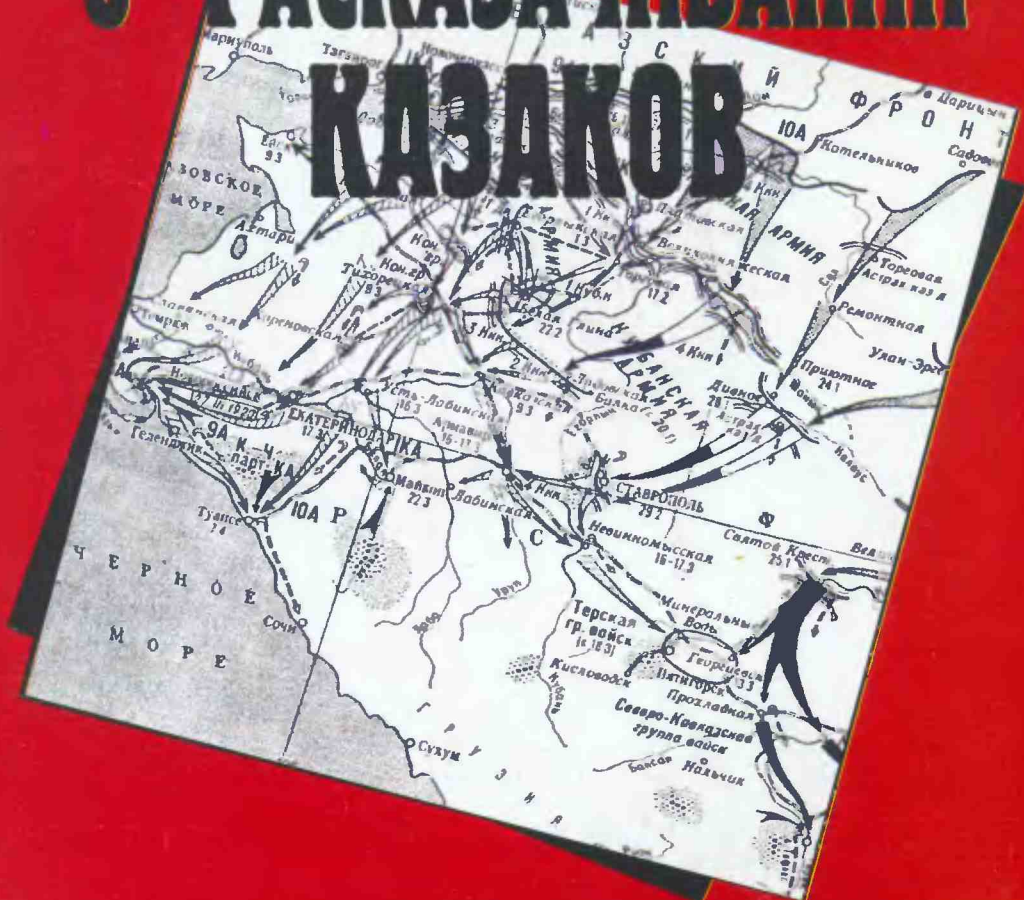

П.А.Голуб

ПРАВДА И ЛОЖЬ

О «РАСКАЗАЧИВАНИИ»

КАЗАКОВ

---

*Автор посвящает свои очерки
легендарному поколению
донских красных казаков
и тем, кто геройски сражался рядом с ними
за власть Советов на Дону*

П.А.Голуб

**ПРАВДА И ЛОЖЬ
О «РАСКАЗАЧИВАНИИ»
КАЗАКОВ**

Москва
2009

«КАЗАКИ!

**Помните,
вы не русские, вы, казаки,
самостоятельный народ.
Русские враждебны вам.
Москва всегда была
врагом казаков,
давно их эксплуатировала.
Теперь настал час,
когда мы, казаки,
можем создать свою,
независимую
от Москвы жизнь».**

*Из призыва генерала Краснова
к белоказачьей эмиграции
поддержать гитлеровскую агрессию
против СССР, России.
1942 год, Германия.*

1. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ, КАК ПОДГОТОВКА РОССИЙСКОГО ТЕРМИДОРА

Как известно, прологом российского термидора (1991—1993 гг.) — этого главного преступления XX века — явилась его идеологическая подготовка. Она выразилась в массированной атаке на советскую историю с целью ее сплошной фальсификации. Термидорианцы хорошо понимали, что прежде, чем победить на майданах, необходимо совершить переворот в головах людей. Поэтому «пятая колонна» термидорианцев, предводимая российскими квислингами — Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе, потом перманентно пьяным Ельциным, вдохновляемая и искусно управляемая их наставниками из-за рубежа, остервенело набросилась на советское прошлое, переворачивая его с ног на голову. Для достижения преступных целей ренегаты по методу Геббельса использовали и преступные средства, примешивая к кусочкам правды глыбы лжи. При этом «демократическая Фемида» предстала слепой на один глаз: она, как под микроскопом, выискивала малейшие погрешности Советской власти и коммунистов и не желала видеть их успехи всемирно-исторического масштаба, которым рукоплескало все прогрессивное человечество. Против насаждения лжи путем умолчания одних фактов и муссирования других гневно восставал великий апостол правды Л.Н.Толстой. Российские термидорианцы как раз дали хрестоматийный образец лжи путем умолчания.

Все революции, в том числе и буржуазные, прокладывая путь общественному прогрессу, вынуждены были решительно разрушать и устранять с этого пути хлам наследия старого строя. То есть в каждом глубоком общественном перевороте предстают

в диалектическом единстве разрушительные и созидательные задачи. Так, во Французской буржуазной революции конца XVIII века, ставшей важной вехой перехода человечества от феодализма к капитализму во всемирном масштабе, как известно, невиданного накала достигли красный и белый террор вплоть до возведения на эшафот короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты, тотальная мобилизация всего и вся под лозунгом «Отечество в опасности!» для отпора войскам интервентов и внутренним мятежникам, в том числе и восставшей Вандее, конфискация у населения на нужды обороны продовольствия, одежды, обуви, белья и посуды (своеобразная продразверстка по-французски) и многие другие издержки революции. При всем этом французской буржуазии хватило ума назвать свою революцию Великой и ежегодно отмечать под звуки «Марсельезы» как главный национальный праздник.

Октябрьская социалистическая революция в России, сделавшая громадный шаг вперед по пути перехода от буржуазной цивилизации к новой, социалистической, также получила наименование Великой со стороны передовых умов человечества — Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, Герберта Уэллса, Анатоля Франса и многих других выдающихся мыслителей. Но российская буржуазия, временно прорвавшаяся к власти, в отличие от буржуазии французской по причине своей исторической незрелости решила вычеркнуть Великий Октябрь из отечественной истории. Уподобившись шутам гороховым, она выставила свою глупость на всеобщее осмеяние. Ибо закрыть **Октябрь, как и закрыть Америку, никому не дано.**

В России после победы Октября особую остроту приобрели такие «болевые точки» советской истории, как подавление сопротивления свергнутых классов, Гражданская война и иностранная военная интервенция, массовый белый террор и ответный красный террор, «военный коммунизм», мучительно трудный процесс перевода многомиллионных масс российского крестьянства, в том числе и казачества, от средневекового уклада жизни к новым, прогрессивным формам хозяйствования и общественного устройства, огромные трудности коллективизации и индустриализации и другие поворотные моменты в истории Советской

страны. На эти «болевы́е точки» нашей истории, неизбежные для всякой глубокой революции, слетались, как мухи, тучи фальсификаторов.

Невиданную по масштабам и лживости атаку на советский строй, как это ни парадоксально, возглавили тогдашние правители Советской страны — пресловутая команда Горбачева и продолжатель ее «дела» поклонник Бахуса Ельцин. **Мировая история, пожалуй, не знает примеров подобного ренегатства, чтобы руководители той или иной страны подвергли ее такому наглому поношению и унижению. Это поистине достойно книги рекордов Гиннеса по разряду предательств и измен.**

Среди предводителей российских термидорианцев особо зловещую роль сыграл «агент влияния» западных спецслужб, прежде всего ЦРУ, А.Н.Яковлев. В эпоху бесславного правления Горбачева он, как главный идеолог, предстал в роли «серого кардинала», который, укрывшись за спиной этого никчемного вождя, «властителя слабого и лукавого», ловко манипулировал его действиями в духе инструкций Даллеса и Бжезинского. Пользуясь полной свободой действий, этот оборотень возглавил горбачевский агитпроп и через подчиненную этому ведомству систему организовал такую остервенелую фальсификацию советской истории, какой до того не учинял еще ни один отпетый антисоветчик. По команде западных спецслужб он распахнул все двери для идеологической интервенции в нашу страну, подкрепив ее лихорадочной антисоветской деятельностью внутренних термидореанцев. Под опекой этого агента обрел характер чумной эпидемии антисоветизм самого грубого пошиба в виде волгогоновщины, собчаковщины, жириновщины и прочих разновидностей антикоммунизма. Как хозяин агитпропа, этот термидореанец мобилизовал на дискредитацию КПСС и Советской власти телевидение, газеты, издательства, кинематограф, театры — всё, что могло служить этой низменной цели. Сам же, подавая пример всем термидореанцам, выдавал на-гора один за другим «шедевры» пещерного антикоммунизма, за которые такими же «учеными», как и он сам, был продвинут в академики. Бедная Академия Наук! Неужели там не знали, что самые выдающиеся умы человечества давным-давно определили антикоммунизм, как величайшую глупость XX века.

При оценке того, что сделал этот ренегат для временного успеха российского термидора, невольно возникает по аналогии образ его двойника, скандально известного провокатора Евно Азефа. Как известно, тот Азеф, числившийся одним из основателей партии эсеров, оппозиционной самодержавию, в то же время состоял платным агентом царской охраны, которой выдал на расправу многих своих однопартийцев. Его нынешний двойник предал не только партию коммунистов, в которой числился, но и Советский Союз, в котором родился и жил. Он внес дьявольский вклад в развал мирового коммунистического движения и содружества социалистических стран. И все это он сделал, будучи формально членом Политбюро ЦК КПСС, а фактически сотрудником западных спецслужб. Преступления того и другого Иуды несоизмеримы по масштабам, но родственны по духу. Того Азефа ЦК партии эсеров осудил на смертную казнь, но он бесследно исчез. Нынешний двойник Азефа жил в постоянном страхе в ожидании неотвратимого, но справедливого народного суда. И этот страх свел его в могилу. Но в памяти народной он навсегда останется как символ предательства и измены.

В послужном списке лжеакадемика черной полосой проходит его псевдонаучная деятельность. Ее содержанием является яростный антисоветизм. Под его началом, как по команде, в дело ревизии советской истории ринулись ренегатствующие элементы из среды так называемой научной общественности. К сожалению, любителей поиздеваться над родной историей оказалось немало как в центре, так и на местах. Им в помощь для обеспечения «генерального курса» были призваны в массовом порядке «специалисты» из-за рубежа, у многих из которых вместо дипломов ученых были удостоверения сотрудников спецслужб. Под их негласным руководством перелицовка советской истории пошла полным ходом.

Специалисты из-за рубежа подсказали своим русским коллегам создание специальных организационных центров, которые под вывеской якобы научных центров рьяно взялись перекрашивать советское прошлое в густой черный цвет. Таким учреждением в 1993 году стал Международный академический центр социальных наук (Интерцентр). Его возглавили: с российской стороны —

академик-реформатор Т.И.Заславская, с британской стороны — Т.Шанин. Стараниями г-на Яковлева в дело фальсификации отечественной истории была таким образом втянута и Российская Академия Наук. Но процесс под диктовку специалистов Запада пошел дальше. В 1994 году в рамках Интерцентра был образован Центр крестьяноведения. Его возглавили: с российской стороны — ведущий сотрудник Института Российской истории В.П.Данилов, с британской стороны — тот же Т.Шанин. Институт истории, как и Академия Наук, был также вовлечен в весьма сомнительное дело переписывания отечественной истории.

Это жалкое прогибание перед западными советниками из-за «бугра» приобрело столь неприличный характер, что даже президент-реформатор счел необходимым пожурить руководство Института российской истории за усердие не по разуму.

Названные центры разработали множество проектов подготовки якобы научных исследований по «горячим» точкам советской истории, в том числе о войне белоказаков против Советской власти в 1917—1920 годах («мироновщина»), о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1919—1921 годах («антоновщина»), о крестьянских выступлениях в Поволжье в 1919—1922 годах, крайне тенденциозный проект «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1927—1939 гг.)» и по другим проблемам. Сформированные под эти проекты бригады из сотрудников зарубежных и российских научных сотрудников и архивистов очень энергично приступили к делу. Так, над проектом о коллективизации и раскулачивании, работу над которым возглавили: с российской стороны — В.П.Данилов, с зарубежной — Р.Маннинг (США) и Л.Виола (Канада), участвовало более 30 российских историков и архивистов из Института российской истории, МГУ, периферийных вузов, центральных и местных архивов, а также исследовательских центров США, Великобритании, Канады, Австралии и Южной Кореи. Похоже, что зарубежные «искатели правды истории» проявили гораздо большую заинтересованность к ее поиску в России, чем в собственных странах. С чего бы это?

При столь мощном финансовом и кадровом обеспечении уже в 2000 году вышли три тома из запланированных пяти томов этих «исследований». Колоссальные усилия подготовителей этого «го-

рячего» издания «обличить» Советскую власть чуть ли не в геноциде против собственного народа затмила ту глубокую трагедию, которую переживает сегодня российская деревня в результате разорительных «реформ». Эта трагедия во многом превосходит то, что происходило на селе в 30-е годы прошлого века. Советские реформы, хотя и очень болезненные, имели целью вывести отсталое сельское хозяйство СССР, России на современный уровень на основе применения обобществленного труда и новейших средств производства и науки. Ныне буржуазные реформы обрекли село на деградацию и вымирание. Тысячи деревень уже исчезли с лица земли.

Финансирование публикации «обличительных» документов с готовностью взяли на себя многие зарубежные фонды. Так, фонд Сороса в числе многих других изданий оплатил публикацию документов о событиях Гражданской войны на Дону (о так называемой мироновщине). Поэтому подготовители сборника во главе с Яковлевым сочили своим долгом низко кланяться этому американскому спекулянту за поддержку: «Составители и редакторы сборника документов о Филиппе Миронове, — говорится в предисловии, — выражают признательность Международному научному фонду (фонду Сороса), на средства которого были проведены работы по выявлению и копированию большого массива архивных документов» (Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. Документы. — М., 1997, с. 24).

Г-н Сорос и подобные ему «благодетели» свои миллионы на ветер не бросают, а если платят, то лишь подготовителям изданий самой высокой антисоветской пробы. Таковым является упомянутый сборник о Ф.К.Миронове. Фолиант в 730 страниц может служить наглядным примером фальсификации путем предвзятого подбора документов по принципу «одноглазой Фемиды». И не удивительно: он подготовлен под бдительным присмотром г-на Яковлева и его подручных. Но начальник горбачевского агитпропа привык фальсифицировать советскую историю масштабно. По совету западных служб он взял в свои руки издание обширного документального сериала «Россия. XX век». Для этого был учрежден огромный издательский концерн — «Международной фонд «Демократия», разумеется, с г-ном Яковлевым во главе. На деньги

Сороса и ему подобных только в 1997 году, кроме сборника о Миронове, был анонсирован выход изданий «Катынь», «Лаврентий Берия» и «Георгий Жуков». Антисоветская направленность в этих изданиях вылезит, как шило из мешка. Сверхзадача этой пропагандистской акции — изуродовать советскую историю так, чтобы, как говорится, мать родная ее не узнала.

С подготовкой российского термидора развернулась истеричная кампания по таким «горячим точкам» советской истории, как Гражданская война (кто ее начал и кто за нее в ответе), красный террор (при полном умолчании о белом терроре, будто его вовсе не было), «расказачивании» казаков (опять же при полном умолчании о тех чудовищных злодеяниях, которые творили во время Гражданской войны верхи белоказачков во главе с атаманами Калединым, Красновым и Богаевским), и т. п.

Что касается виновников разжигания Гражданской войны, то член Политбюро партии коммунистов Яковлев обнаружил их, оказывается, в той партии, в руководстве которой сам состоял. Подобного ренегатства почти не знает мировая история. Новоявленный Азеф, вероятно, пребывая в состоянии повреждения рассудком, писал в своем сочинении под несуразным названием «По мощам и елей»: «Большевизму не уйти от ответственности перед народом за развязывание братоубийственной гражданской войны, в результате которой была разрушена страна, а в ходе бессмысленных и кровавых боев и разрушений было убито и умерло от голода, эмигрировало около 13 млн. человек» (Российские ведомости, 29 ноября 1995 г.).

Человеку в ранге академика вроде бы положено знать то, что известно школьнику. Октябрь при поддержке огромного большинства населения 150-миллионной России триумфально, в течение лишь четырех месяцев прошел от Ревеля до Владивостока. Такого динамизма не знала ни одна из предшествующих революций. При столь колоссальном перевесе сил на своей стороне большевикам не было никакой нужды начинать Гражданскую войну. Эта элементарная истина так и не пришла в голову псевдоакадемику. Не читал он, видимо, и таких сочинений вождей контрреволюции, как 5-томные «Очерки русской смуты» Деникина или «На внутреннем фронте» и «Всевеликое войско Донское» атамана Краснова,

в которых указанные авторы, не мудрствуя лукаво, чистосердечно признают, как они при поддержке западных союзников разжигали в России Гражданскую войну.

Заврался г-н академик, как непутевый школьник, и в отношении жертв террора в годы Гражданской войны. Явно с потолка взял он цифру в 13 млн., человек. Историки и белого и красного лагерей недоумевают: откуда могла появиться указанная цифра? Автору, очевидно, подсказали советники из ЦРУ. А там, как известно, врать умеют. Уточним, названные 13 млн. жертв террора г-н Яковлев, разумеется, приписал большевикам. Что в той войне был и белый террор, несравненно более жестокий и массовый, г-н академик и слышать не слыхивал. Об этом в его сочинениях ни звука. Вот вам хрестоматийный образчик лжи путем умолчания. О масштабах этой лжи говорит хотя бы такой пример: при Колчаке в его тюрьмах и концлагерях (согласно данным колчаковских архивов) томилось в несколько раз больше узников, чем в то же время во всех местах заключения Советской России. При всем этом г-н Яковлев прямо-таки беснуется, требуя предать большевиков за террор суду. Фарисейство поразительное!

Но на этом Азеф Второй не останавливается: если уж обвинять большевиков, то крупномасштабно, по-геббельсовски, и к 13 млн. жертв красного террора приплюсовывает еще ... 60 млн., якобы уничтоженных уже после той войны. Эти «научные» выкладки, сделанные академиком в подражание известному вралю барону Мюнхгаузену были встречены на ура многими его приверженцами. Началось постыдное соревнование: кто выдаст больше жертв красного террора. И вот уже г-н Солженицын и рать его поклонников надсадно кричат на весь мир о 100 млн. жертв красного террора. Наверно, барон Мюнхгаузен переворачивается в гробу от зависти врать по-хлестаковски, с легкостью необыкновенной. Не будь этой легкости в мыслях, авторы таких несуразных выкладок вовремя смекнули бы, что, будь по-ихнему, от 150-миллионной России (1917 г.) осталось бы каких-то 40—50 млн. человек. Заврались господа беспардонно! Ибо СССР встретил войну с фашизмом при численности населения (1940 г.) свыше 194 млн. человек. После этих данных хочется сказать: **господа, если вам нейдет, врите, но знайте же меру!**

С подачи яковлевского агитпропа бурную публикаторскую деятельность под антисоветским флагом развернули по периоду Гражданской войны многие издательства и редакции журналов и газет, как в центре, так и на местах. Вынырнувшие повсюду термидорианцы учинили непристойный шабаш, соревнуясь между собой в перелицовке истории той войны. Так, издательство «Голос» в серии «Белое дело» выдало 16 книг воспоминаний, дневников и других материалов виднейших вождей белого движения, книг, проникнутых, естественно, апологетикой этого движения и ненавистью к «взбунтовавшейся черни», то есть к рабочим и крестьянам в красноармейских шинелях. При всем этом новоявленные летописцы не стыдятся именовать себя демократами, то есть слугами народа. В Ростове-на-Дону группа историков яковлевского призыва (А.В.Венков со товарищи) не замедлила сочинить книгу «Белые генералы. Корнилов, Краснов, Деникин, Врангель, Юденич» (1998 г.). Авторы помещенных в ней очерков старательно прославляют казачьих атаманов и белых генералов, утрачивая при этом элементарное чувство честности и представляя дело таким образом, будто в той войне победили атаманы и белые генералы, а не конармейцы Буденного и легендарные соратники Чапаева. Такие вот метаморфозы претерпевают «демократы», восхваляя генералов-диктаторов. А некоторые одописцы даже возводят их в ранг чуть ли не национальных героев и патриотов России, хотя общеизвестно, что они стремились к реставрации свергнутого режима при помощи иностранных штыков и во имя чуждых России интересов. Признаний такого рода полно и у Краснова, и у Колчака, и у Деникина. Так, донской атаман Краснов, не стесняясь, признавался в том, что, не будь интервенции германских войск на Дону, «без них он (белоказачий мятежный Круг. — П.Г.) не сидел бы в Новочеркасске» (Дон и Добровольческая армия. — М., 1992, с. 7). А когда Германия капитулировала и главная опора Краснова рухнула, он тут же переметнулся за помощью к бывшим союзникам. В письме на имя французского генерала Франше д'Эспере Краснов опять заверял его, как ранее и германского кайзера, что без зарубежной поддержки, теперь уже со стороны Антанты, белоказакам не победить большевиков (см.: там же, с. 103). Эти признания неопровержимо доказывают, что Краснов являлся марионеткой

в руках иностранных держав. Но антинациональный характер режима Краснова в упор не видят апологеты белоказачьей контрреволюции, сочиняя о ней хвалебные гимны.

Явно по команде яковлевского агитпропа в стране развернулась агрессивная кампания нападок на большевистскую политику по казачьему вопросу. Главной мишенью нападок стала Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, в которой на основе годовичного опыта Гражданской войны на Дону определялась политика Советской власти по отношению к различным слоям казачества. Грубо извращая смысл этого документа, как и весь ход Гражданской войны на Дону, антисоветчики разных мастей и калибров явно с подсказки главного идеолога термидорианцев ринулись обвинять Советскую власть в так называемом рассказывании казаков. Установки для этой клеветнической кампании дал сам академик в упомянутом сборнике документов «Филипп Мионов. Тихий Дон в 1917—1921 гг.». Суть установок г-на Яковлева примитивно проста: все хорошее — только о белоказаках, все плохое — только о большевиках. И полное умолчание о злодеяниях белоказачьей верхушки, о ее жестокой и массовой кампании рассказывания казаков, сочувствовавших Советской власти, предпринятой задолго до принятия январской (1919 г.) Директивы Оргбюро ЦК РКП(б). Яковлевские установки подхватили газеты, журналы, радио и телевидение, следовавшие одна за другой так называемые научные конференции в казачьих районах. Каждая из них приобретала все более откровенный антисоветский характер. Доморощенным антисоветчикам по казачьему вопросу по инициативе того же Яковлева поспешили на помощь «знатоки» казачьих дел из-за рубежа, хотя многие из них о казаках не имели представления. Дружная спевка тех и других придавала «дискуссиям» все более антисоветский характер, что и требовалось термидорианцам.

Запевалами в многоголосом хоре обличителей большевиков выступили дипломированные ученые мужи из университетов бывших казачьих областей: Ростовского (А.И.Козлов, А.В.Венков, К.А.Хмелевский), Краснодарского (В.Н.Ратушняк, В.Н.Щетнев), Оренбургского (Д.А.Сафонов). Вокруг них скучковались группировки летописцев калибром помельче, готовых исполнить свою антисоветскую арию по казачьему вопросу. Еще вчера многие из них

прилежно славил достижения Советской власти в казачьих областях, но как только грянул в стране термидор, тут же, подобно известным рептилиям, поменяли свой окрас с красного на желтый и принялись вдохновенно воспевать дела казачьих атаманов и клеймить большевиков.

Особенно поразительную трансформацию подобного рода продемонстрировал доктор исторических наук, профессор А.И.Козлов. В искусстве держать нос по ветру он показал себя достойным «учеником» своих наставников Яковлева и генерала Волкоганова. Являясь многие годы заведующим кафедрой отечественной истории и деканом исторического факультета Ростовского университета, «приватизировав» таким образом историю донского края в своих руках, он на официальном уровне как бы придерживается советской методологии, а сам соображает совсем другое. Уже в 1990 году, то есть еще на подступах к термидору, он публикует в московском журнале «Родина» (№№ 6, 7) претенциозную статью «Расказачивание» и одним из первых бросает камень в сторону политики Советской власти по казачьему вопросу. Поворот на 180 градусов состоялся. Статья детонировала оголтелую кампанию извращений истории Гражданской войны на Дону и в других казачьих районах, а автор статьи откровенно становится в лагерь антисоветчиков с расчетом, что его рвение вверху заметят.

Под началом этого «первопроходца» подобную же метаморфозу проделывает и его сподвижник А.В.Венков. Кандидатскую диссертацию «Донское казачество в Гражданской войне 1917—1920 гг.» он защищает формально с советских методологических позиций, а докторскую — «Антибольшевистское движение на Юге России. 1917—1920 гг.» в 1997 году уже с противоположных позиций. Такой крутой разворот в сторону ревизионизма в лагере «реформаторов», разумеется, сразу заметили и оценили. И он становится директором Института истории, культуры и современного положения казачества. Вместе с Козловым они берут под свою опеку подготовку кадров «казаковедов», обеспечивают их определенную идейную ориентацию, словом, осуществляют на местном уровне функции яковлевского главлита, причисляя статьи и книги антисоветской гребенкой. Нечто похожее происходит в Краснодарском и Оренбургском университетах.

Клеветническая кампания по обвинению большевиков в «расказачивании» казаков и даже в геноциде против казачества возникла вовсе не случайно. Это политический заказ нынешней термидорианской власти со зловещим замыслом. Из недавней истории хорошо известно, что самодержавие использовало казачество в качестве жестокой полицейской силы при подавлении Первой русской революции. И весьма преуспело в этом. Восставшие массы рабочих, солдат и крестьян оценили заслуги перед самодержавием казаков-карателей с крайним возмущением. Это в приступе откровенности чистосердечно признал даже атаман Краснов: «Народ звал нас в «благодарность» за это палачами, oprичниками и нагаечниками» (Дон и Добровольческая армия..., с. 45).

Казачьи верхи вместе с Временным правительством воспылали желанием применить зловещий опыт палачества 1905 года по отношению к Великому Октябрю, преградив народному движению путь к социалистическому общественному устройству. Они очень желали этого, но ... крепко обожглись. На дворе уже были другие времена, другими были и рядовые казаки. Революция 1917 года прошла триумфальным маршем по всей России и завершилась установлением Советской власти в стране, в том числе на Дону и в других казачьих районах. Но казачья верхушка не смирилась с утратой огромных привилегий и навязала трудящимся жесточайшую Гражданскую войну, которая закончилась для белоказачьего воинства грандиозной катастрофой при эвакуации из Новороссийска и Крыма и тяжелейшими мытарствами рядовых казаков в эмиграции. Это была их расплата за бездумное доверие своим обанкротившимся атаманам и генералам.

Нынешняя буржуазная власть в России, памятуя о былых «заслугах» белоказачков в войне против революционного народа, провозгласила шумную кампанию под лозунгом возрождения казачества. Сегодняшние керенские хотят возродить казачество как надежную полицейскую силу против возмущенного народа, то есть опять превратить их в «палачей, oprичников и нагаечников». В этих целях безудержно восхваляется реакционное прошлое казачества, героизируется деятельность его атаманов и генералов и грубо извращается политика Советской власти по отноше-

нию к трудовому казачеству. По сути, речь идет о зловещей антикоммунистической кампании по очень острой проблеме нашей истории. Власть преднамеренно поощряет ее, бездумно заигрывая перед верхами казачества. Но она играет с огнем, рискуя возродить такую сепаратистскую силу, которая может оказаться еще более опасной, чем чеченские сепаратисты.

Под пером расплодившихся апологетов белоказачества атама-ны А.М.Каледин, П.Н.Краснов, А.П.Богаевский предстают в их па-негириках чуть ли не праведнее и святее самого Христа, а их чер-ные дела против трудового люда, в том числе и против трудящихся Дона, тщательно упрятаны в лукавых сочинениях нынешних тер-мидорианцев. Поэтому **пора отбросить глыбы нагроможденной лжи о так называемом «расказачивании» казаков и приоткрыть перед читателем жестокую правду о донской белоказачьей Вандее.**

2. ПЕРВЫЙ АНТИСОВЕТСКИЙ МЯТЕЖ ВАНДЕЙЦЕВ ДОНА (КАЛЕДИНЩИНА)

Еще до Великого Октября В.И. Ленин провидчески предсказал, что грядущей народной российской революции грозит чрезвычайная опасность со стороны русской Вандеи в лице зажиточного донского казачества. Эта опасность, по словам Ленина, коренилась в том, что привилегированные мелкие и средние землевладельцы из казачьего сословия, обеспеченного землей вдесятеро больше всей остальной массы земледельцев, не могли не противиться крестьянской революции, не могли не защищать привилегии частной собственности на землю. А в самый канун Октября вождь партии большевиков снова предупреждал сторонников революции о грозной потенциальной опасности, таившейся в недрах донского казачьего войска. «Здесь, — писал он, — можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 219).

К этой основе присоединялся политический фактор. Если большинство беднейшего и среднего донского казачества было больше склонно к демократии, то офицерство с верхами зажиточного кулачества являлось вполне корниловским (см.: там же, с. 220). Все это, вместе взятое, как показало время, заключало в себе заряд огромной контрреволюционной силы, проявившийся в ходе ожесточенной Гражданской войны на Дону и на юге России*.

---

* Примечательно, что в среде белоказачьей верхушки Дона бытовало, по аналогии с французской Вандеей конца XVIII века, осознание роли донского казачьего войска, как русской Вандеи по отношению к Великому Октябрю. Так, один из соратников атамана Краснова казачий генерал Голубинцев написал книгу «Русская Вандея» (Мюнхен, 1953), в которой хвастливо заявлял: «Если бы не было казаков, не было бы и белого движения» (с. 10).

Пожалуй, ни одно белое движение, в том числе и в других казачьих районах, не стремилось к противодействию народной революции с таким дьявольским ожесточением, как это делала донская белоказачья верхушка. Один за другим она подняла против Советской власти три мятежа — калединщину, красновщину и Вешенское восстание, переросшее в поход донских белоказачьих войск на Москву в качестве основной боевой силы армии генерала Деникина (лето и осень 1919 г.). И все это она делала, опираясь на помощь сначала германских, а затем англо-французских империалистов, то есть выступая в роли их марионетки, как сила антинациональная.

Похваляясь главной ролью, которую сыграла донская белоказачья Вандея в Гражданской войне на Юге России, начальник штаба Донской армии (при атамане Краснове) генерал И.А.Поляков вспоминал, уже находясь в эмиграции: «Главная тяжесть борьбы на Юге России все время лежала на казаках вообще и на донских преимущественно... Донцы дали под ружье 36 возрастов, иначе говоря, все мужское население от 18 до 54 лет, способное носить оружие» (Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. — Мюнхен, 1962, предисловие). Красновскому генералу невдомек, что указанной ролью донского белоказачества следует не похвалиться, а стыдиться, ибо под водительством таких казачьих генералов, как Поляков, были напрасно пролиты реки народной крови — и рабоче-крестьянской и казачьей.

Такой же политической и моральной слепотой страдал и соратник Полякова командующий Донской армией генерал С.В.Денисов. Он тоже, уже сидя в эмиграции, неумно бахвалился позорной ролью белоказачества в разжигании в России Гражданской войны: «Поднятое (белоказаками. — П.Г.) 26 октября 1917 года Белое знамя на Юге не опускалось до самого конца Белой борьбы в Европейской России» (Денисов С.В. Белая Россия. Альбом. — Нью-Йорк, 1937, с. 58). Именно дьявольскими усилиями прежде всего донского белоказачества на Юге России был создан в 1918 году главный антисоветский фронт Гражданской войны, который и в 1919 году оставался таковым, потребовав от Советской России крайнего напряжения сил и огромных человеческих жертв, а также колоссальных материальных затрат.

Русская Вандея была во многом схожа с французской Вандеёй эпохи французской революции конца XVIII века, но превзошла ее по масштабам противоборства противостоявших сил и по значению итогов победы над русскими вандейцами для судеб российской революции.

Обе Вандеи — и французская в лице отсталого крестьянства западного департамента Франции, спровоцированного роялистами и духовенством по наущению английских агентов, и российская в лице кондового зажиточного казачества Дона, поддержанного германскими, а затем англо-французскими империалистами — олицетворяли собой отчаянную попытку реакционных сил Франции и России преградить дорогу прогрессивным преобразованиям. Весь драматизм жесточайшей схватки между силами прогресса и силами реакции получил яркое художественное воплощение в романе В.Гюго «Девяносто третий год» (о французской Вандее) и в эпопее М.А.Шолохова «Тихий Дон» (о русской Ванде). Один из героев романа Гюго говорил: «Если революция погибнет, это произойдет из-за Вандеи. Вандея страшнее десяти Германий (имелись в виду вторгнувшиеся в революционную Францию войска прусского короля. — П.Г.). Нужно убить Вандею для того, чтобы Франция могла жить» (Гюго В. Девяносто третий год. — М., 1953, с. 136). И французские буржуазные революционеры беспощадно расправились с вандейцами, чтобы Франция «могла жить». В войне на Дону надо было поступить так же, чтобы не дать реакционерам погасить пламя Великого Октября. И российские пролетарские революционеры по примеру французских якобинцев эту задачу успешно решили. В каких муках рождалась эта победа, с шекспировской художественной мощью запечатлел донской казак М.А.Шолохов в «Тихом Доне».

Итак, обратимся теперь к послужному списку донской белоказачьей контрреволюции, очистим ее от фальшивой позолоты, которой разукрасили ее услужливые одописцы яковлевско-волконоговского призыва и с неопровержимыми документами в руках приоткроем перед читателями подлинное лицо донской Вандеи.

Чтобы не гадать на кофейной гуще, как это делают некоторые апологеты белоказачества, необходимо дать хотя бы краткую характеристику тех объективных условий жизни на Дону, которые

определили крайне кровопролитный характер вооруженной борьбы в этом регионе. В канун революции население области Войска Донского насчитывало, по современным подсчетам, 4 013 тыс. человек. Казачье сословие объединяло свыше 1,5 млн. человек, то есть 42,3% всех жителей области (по данным атамана П.Н.Краснова — 47%). Казаки, таким образом, составляли меньшинство населения области. Но донское казачество являлось самым крупным казачьим войском России и в Первую мировую войну было выставить на фронт более 100 тыс. обученных и экипированных воинов.

Большинство жителей области составляло неказачье население (свыше 2 250 тыс.), куда входили рабочие и прочие жители городов, шахтеры и металлурги Восточного Донбасса (около 220 тыс.), коренные крестьяне, то есть бывшие крепостные крестьяне местных помещиков (более 911 тыс.), и так называемые иногородние — выходцы из северных губерний страны, переселившиеся после реформы 1861 года на Дон в поисках лучшей доли (более 1 120 тыс. человек) (см.: Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой оккупации на Дону. — Ростов-на-Дону, 1965, с. 18—21; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. — М., 1987, с. 44; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983, с. 199).

Революционный авангард на Дону составляли рабочие Ростова, Таганрога, а также шахтеры и металлурги Восточного Донбасса (Макеевка, Гуково, Александровск-Грушевский, Сулин). Но пролетарская прослойка среди населения области была немногочисленной (всего 7%), что определяло относительную слабость пролетарского влияния на трудящееся население области, преобладание буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, насаждавшейся в массах довольно многочисленными организациями эсеров, меньшевиков, кадетов и особенно крайне воинственной верхушкой казачества.

Казачье сословие, составлявшее меньшинство населения области, однако устами своих идеологов (атаман Краснов, товарищ атамана М.П.Богаевский) было провозглашено **особой национальностью, отличной от русских**, и **единственным полноправным хозяином на донской земле**. Неказачьему большинству

населения отказывали во многих основных правах, в наделении землей и в предоставлении постоянного местожительства. Тем самым был завязан тугой узел острейших противоречий, оказавших глубинное влияние на весь ход Гражданской войны на Дону. Еще в мае 1917 года Войсковой круг образовал Донское казачье правительство и фактически учредил на Дону сословную казачью республику, направленную против неказачьего населения области, для защиты привилегий казачьих богатеев. Позже атаман Краснов без стеснения провозгласил, что он противопоставил большевизму и интернационализму — казачий шовинизм и «яркий национализм» (см.: Дон и Добровольческая армия..., с. 26). Это означало пропаганду вражды между различными частями населения области, стравливание их между собой.

Яркий образец казачьего шовинизма атаман Краснов преподавал, выступая на Войсковом круге (август 1918 г.). С металлом в голосе он вещал: «Дон — для донцов!.. Мы, только мы одни, хозяева этой земли. Вас будут смущать обиженные города и крестьяне. Не верьте им... Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни... Казаки» (там же, с. 55). В этой филиппике Краснов предстал во всем своем зловещем блеске, как **закоренелый русофоб** и **самостийник**. «Казаки, — не стесняясь, объявлял он во всеуслышанье, — отстаивали свои права от русских» (там же, с. 54—55). Именно в этой злобе по отношению к большинству неказачьего населения области коренились многие трагические события войны на Дону.

Ярость, с которой атаман Краснов защищал казачьи привилегии, объяснялась довольно просто: из земельного фонда области в 15 млн. десятин свыше 12 млн., то есть 77%, принадлежало казакам в виде станичных наделов и войскового запаса. Станичные наделы разверстывались на каждую мужскую душу, при среднем пае в 12,8 десятины на каждый двор приходилось примерно по 52 десятины (см.: Филипп Миронов..., с. 7). Однако за этой нивелирующей цифрой скрывалась кричащая пестрота в размерах земельной собственности. В то время как властная казачья верхушка из атаманов различных уровней, генералов и офицеров

владела наделами в сотни и даже тысячи десятин наиболее плодородных земель, многие казачьи трудовые хозяйства, особенно в северных округах Дона, довольствовались наделами в 2—3 раза меньшими по сравнению с общедонской нормой.

К моменту революции **капитализм довольно глубоко распахал некогда единое казачье сословие на различные имущественные группировки, вызвав значительное социальное расслоение.** По современным подсчетам, в 1917 году среди казачьих хозяйств насчитывалось 23,8% зажиточных, 51,6% — середняцких и 24,6% бедняцких. Сословная казачья солидарность при такой имущественной размежевке все больше уступала место классовому антагонизму в казачьей среде. Это четко сознавал М.А.Шолохов, показав в «Тихом Доне» острейший антагонизм между казачьей беднотой в лице Михаила Кошевого и представителями кулацкой семьи Коршуновых — отца и сына.

Среди неказачьего населения Дона наибольшую часть составляли иногородние, что на языке казачьих богатеев звучало презрительно как «чужаки». Переселенцев, бывших крепостных из северных губерний, на Дону станицы и хутора встречали откровенно враждебно. У этих бедолаг оставалась одна дорога — наниматься к казачьим богатым в батраки, день и ночь гнуть на них спину или арендовать казачьи земли на крайне невыгодных условиях. Их рабское положение характеризует удручающая статистика: 49,6% иногородних не имели посевов, 56,4% — рабочего скота. На каждую мужскую душу у них приходилось собственных и арендованных земель 0,06 десятины. Отсюда — не остывающая вражда иногородних к хозяевам, казакам-кулакам. Поэтому атаман Краснов жаловался генералу Деникину на иногородних: «Они — почти все большевики» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 342).

Не намного лучше было положение основной массы коренных крестьян. Они имели на мужскую душу в среднем 1,25 десятины земли. 20% крестьянских хозяйств были безземельными и более 40% малоземельными (около 5 десятин на двор). Поэтому основная масса крестьян выступала солидарно с иногородними против станичного кулачества.

Таким образом, на Дону сплеталось в один тугий узел множество противоречий: между казачьим сословием и неказачьим

населением области; между казачьей беднотой и зажиточной верхушкой казачества; между сторонниками и противниками революции за привлечение на свою сторону средних слоев трудового казачества, составлявших большинство казачьего сословия и определявших, в конечном счете, ход и исход вооруженной борьбы: между казачьим шовинизмом верхов с его антирусской направленностью и противостоявшей ему пролетарской идеологией интернационализма и равенства трудящихся различных наций; наконец, главное противоречие — между решимостью огромного трудящегося большинства 150-миллионной России совершить прорыв к новому справедливому общественному устройству и, с другой стороны, судорожными усилиями немногочисленной группировки донских казачьих верхов (численностью около полумиллиона) не допустить этого, сохранить капитализм с его свинцовыми мерзостями, отстоять полностью обанкротившуюся власть керенских, но прежде всего свои огромные привилегии.

Получив известие о вооруженном восстании в Петрограде, белоказачья верхушка Дона во главе с атаманом А.М.Калединым уже 25 октября 1917 года **первой** из лагеря контрреволюции подняла мятеж против власти рабочих и солдат и тем самым зажгла в стране пожар Гражданской войны. И это позорное первенство донские вандейцы удерживали за собой почти три года войны, уступив его лишь на короткое время чехословацким мятежникам (май-сентябрь 1918 г.) и колчаковцам (март-июнь 1919 г.). Остальное время Донская белоказачья армия либо самостоятельно, либо в составе вооруженных сил Деникина держала главный фронт против Советской республики.

Однако донские белоказаки лидировали не только в разжигании в стране Гражданской войны. Они **первыми** подняли черное знамя сепаратизма и раскола страны по национальному признаку. В октябре 1917 года, то есть еще до установления Советской власти, лидеры донских белоказаков созвали во Владикавказе учредительный съезд представителей так называемого Юго-Восточного союза (Дона, Кубани, Терека, горских народов Кавказа и вольных народов степей), образовали объединенное правительство во главе с соратником Каледина М.П.Богаевским, противостоящее революционным силам центра страны. Тем самым они

подали пример националистам Украины, Кавказа, Прибалтики, Средней Азии и других окраин в подрыве единства страны, в разрушении единого российского государства.

Бросив вызов народной революции, белоказачье правительство Каледина ввело на Дону военное положение и начало судорожно готовиться к карательному походу на север — против Москвы, Петрограда и других рабочих центров страны. Каледин, его генералы и офицеры решили повторить в 1917 году опыт подавления революции 1905 года. Каледин уже мечтал о лаврах палача Парижской Коммуны Адольфа Тьера, планируя столь же зверски расправиться с Российской Коммуной. Об ажиотаже, царившем в те дни в штабе калединцев, свидетельствуют сохранившиеся документы, в частности переписка между Калединым из Новочеркасска и Ставкой в Могилеве. 28 октября 1917 года Духонин секретно телеграфирует Каледину: «Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряда казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова» (Пролетарская революция на Дону. Сб. 2. — Ростов-на-Дону, 1922, с. 112).

Получив это указание, генерал Каледин распорядился: «Срочно доложить». Его штаб засуетился со сборами в карательный поход на Москву. 31 октября последовал приказ Каледина начальнику 7-й донской дивизии, располагавшейся на севере области в Хоперском округе, на границе с Воронежской губернией. В приказе говорилось: «Начальник штаба Верховного главнокомандующего просит содействия Донского войска к подавлению большевистского мятежа. По последним сведениям, города Саратов, Воронеж, Царицын в руках большевиков. В Москве, Петрограде и Киеве идет вооруженная борьба с восстанием.

В таких чрезвычайных обстоятельствах войсковое правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежем и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой... Задачу овладения Воронежем поручаю Вам. В ваше распоряжение назначаю

21-й и 41-й донские полки с 15-й батареей и 4-й донской пеший батальон» (там же, с. 110). Отряду было приказано отправиться по железной дороге Поворино, Лиски на Воронеж. В случае необходимости отряду было обещано подкрепление другими частями войск. «Приказываю вам, — подчеркивал Каледин, — принять все меры для скорейшего отправления частей, отнюдь не задерживаясь, так как помощь нужна самая быстрая и энергичная. При столкновении с вооруженным сопротивлением действовать самым решительным образом. В Воронеже и попутных пунктах в целях поддержания спокойствия можете объявлять военное положение» (там же). Атаман требовал ежедневных донесений в свой штаб и докладов командующему Московским военным округом, который был информирован об экспедиции на Москву.

Итак, атаман собрался в поход... Но гладко было на бумаге... Споткнулся он в самом начале похода: в станице Урюпинской, где размещался штаб 7-й дивизии и некоторые мелкие части, местная команда восстала против калединского карательного похода на Москву и Петроград, арестовала окружного атамана, командира запасного полка, заняла штаб дивизии и управление окружного атамана. Но вызванный по тревоге полк освободил арестованных, разоружил восставшую команду. В Урюпинской и в пунктах расположения 21-го и 22-го полков и 7-го казачьего дивизиона было введено военное положение. Освобожденный из-под стражи окружной атаман 9-го ноября доложил в Новочеркасск о случившемся (см.: там же, с. 113).

Каледин пришел в ярость. Он приказал провести строжайшее расследование беспорядков и привлечь к ответственности виновных. Начальнику 7-й дивизии было строго указано, что его действия в нужных случаях «должны быть решительны» и всякое проявление неповиновения «должно быть уничтожено беспощадно» (там же, с. 113). Однако рвение генерала Каледина исполнить приказ Ставки натолкнулось на новое, еще более серьезное препятствие. По свидетельству видных казачьих офицеров, те немногие казачьи части, которые в то время находились не на фронте, а на Дону, «морально разложились» и к роли карателей не годились. Но идея калединцев о походе на Москву и Петроград оставалась в порядке дня. Теперь ставка делалась на возвращение

с фронтов на Дон главной массы казачьих дивизий и полков. Их планировали бросить на подавление народной революции. Увы, и здесь калединских стратегов ждал полный провал (о чем речь пойдет ниже).

План разгрома восстания рабочих и солдат в центре страны, разработанный калединцами совместно со Ставкой, предусматривал взаимодействие и синхронность выступлений ряда контрреволюционных группировок — не только калединцев с Дона, но также движение корниловского 3-го конного корпуса под командованием будущего донского атамана П.Н.Краснова из района Псков-Остров на Петроград и одновременного мятежа в столице «пятой колонны» из юнкеров и прочих реакционеров, предводимых известным черносотенцем В.М.Пуришкевичем. В стране готовилась вторая корниловщина, и атаман Каледин со своим окружением играл в ней первостепенную роль.

Генерал Краснов во главе 3-го конного корпуса на пару с Керенским двинул части корпуса на столицу. Приказу о наступлении подчинилась лишь часть войск корпуса — 1-я Донская и Уссурийская казачьи дивизии. Остальные, учуяв в действиях командования подозрительные намерения, замитинговали. 27 октября казаки по приказу Краснова с ходу заняли Гатчину, 28 октября Царское Село и вышли на ближайшие подступы к столице. В тылу защитников Петрограда 29 октября вспыхнул мятеж юнкеров. Он должен был открыть ворота красновским карателям. Один из главарей «пятой колонны» Пуришкевич информировал атамана Каледина: «Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего прихода выступим всеми наличными силами». Задача калединцам была поставлена ясно: «Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами» (журн. «Красный архив». — М., 1928, № 1, с. 114).

Казалось, что торжество карателей неотвратимо. Но Российская Коммуна доказала, что она умеет защищаться. Из народных глубин поднялась колоссальная сила, которая перечеркнула все планы мятежников. Юнкерский мятеж, подготовленный меньшевистско-эсеровским «Комитетом спасения Родины и революции», метко прозванный в народе «Комитетом спасения контрреволюции», был в тот же день подавлен, агенты «пятой колонны»

арестованы. В боях у Пулковских высот красногвардейцы, матросы и революционные солдаты отразили натиск красновских казаков и отбросили их от столицы. 1 ноября революционные войска заняли Гатчину и арестовали генерала Краснова. Зловещие замыслы Краснова, как и Каледина на Дону, потерпели крах из-за нежелания основной массы рядовых казаков-фронтовиков проливать кровь тех, с кем три года просидели в окопах на фронте. Генералы бесновались, но изменить в то время ничего не могли.

Подводя итог первой вылазке белоказахьей контрреволюции против восставшего народа, В.И. Ленин по горячим следам событий отмечал: «Ничтожная кучка начала гражданскую войну. К Москве подступают каледины, к Питеру — ударники. Мы не хотим гражданской войны. Наши войска проявили большое терпение. Они выжидали, не стреляли, и сначала ударниками было убито трое наших. К Краснову были применены мягкие меры. Он был подвергнут лишь домашнему аресту. Мы против гражданской войны. Если, тем не менее, она продолжается, то что же нам делать?.. Мы спросили Краснова, подписывается он за Каледина, что тот не будет продолжать войны? Он ответил, понятно, что не может. Как же мы прекратим меры преследования против врага, который не прекратил враждебных действий?» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 53).

Итак, первая попытка калединов и Краснова внезапным комбинированным ударом разгромить начавшуюся революцию не удалась. И не потому, что Каледина и Краснова не хватило решимости это сделать, а главным образом потому, что основной массе подчиненных им рядовых казаков, в отличие от 1905 года, хватило решимости этого не делать. Об идейной разногласии, царившей среди казаков, двинутых на Петроград, свидетельствует сам генерал Краснов в своих мемуарах «На внутреннем фронте» (см.: Архив русской революции. — Берлин, 1922, № 1). По его свидетельству, в казахьей среде все громче раздавались голоса за примирение с большевиками: «Все одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?». Столкнувшись с такими настроениями в войсках, Краснов делал мрачный вывод: «Я понимал, что при таком настроении нечего было и думать о серьезном бое, да и мало было

нас...» (там же). Поэтому авантюра российских тьеров так бесславно провалилась. Приведенные свидетельства генерала Краснова очень полезно было бы усвоить многочисленным фальсификаторам нашей резолюции.

Оба предводителя донской Вандеи — Каледин и Краснов — из первого неудачного налета на Российскую Коммуну трезвых выводов не сделали. Генерал Краснов вместо тюрьмы, как государственственный преступник, был освобожден из-под домашнего ареста и отпущен на все четыре стороны. Нарушив клятвенное обещание не поднимать больше оружие против Советской власти, он бежал на Дон готовить новый антисоветский мятеж. Заверения Краснова оказались вульгарным обманом. Атаман Каледин, как и Краснов, выводов из минувших событий также не сделал, надеясь взять реванш. Он рьяно принялся за зачистку своего тыла от революционных элементов, стал собирать силы для похода против революционного центра страны. Это была его навязчивая идея. Войсковое правительство поторопилось расформировать находившиеся на Дону 11 запасных полков, в том числе в Ростове — 252-й и 255-й полки, в Новочеркасске — 272-й и 273-й, в Таганроге — 275-й и 276-й, в станице Каменской — 274-й. В массе своей они были революционно настроены и представляли большую опасность для калединского режима.

Наряду с этим, началось формирование так называемых охранных, а точнее карательных отрядов. Их возглавили такие преданные слуги режима, как есаул В.М.Чернецов, войсковой старшина Э.Ф.Семилетов, есаул Р.Лазарев и др. Поскольку казаки-фронтовики в большинстве к контрреволюционной затее правительства относились негативно, формирование подобных полицейских отрядов наталкивалось на большие трудности. В отряды шли в основном казаки старших возрастов и экзальтированная учащая молодежь, еще не нюхавшая пороха. Офицерство, покидавшее распадавшуюся армию и скоплявшееся на Юге России, изрядно деморализованное событиями в войсках, не спешило снова ввязываться в борьбу. Оно хотело оглядеться и понять, куда ветер дует в смысле перемен. Как вспоминал генерал Деникин, «донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонялось вовсе от борьбы; в донские

партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества» (Белые генералы..., с. 199). Демократический настрой массы казаков-фронтовиков до времени сдерживал воинственный пыл офицерства.

Между тем в среде реакционных офицеров и генералов старой армии, не принадлежавших к казачьему сословию, основная ставка в реставрации свергнутого режима делалась на донское казачество, самое крупное казачье войско России. Атаман Каледин при благоприятных обстоятельствах мог поставить на поле сражения свыше 100 тыс. хорошо обученных, организованных и экипированных воинов. Поэтому в планах всероссийской контрреволюции Дон был избран главным сборным пунктом противников Октября. Ему ходом событий было предназначено стать русской Вандеей. Поэтому сюда под крыло к Каледину слетались отовсюду все, кто жаждал реставрации прежней власти — старорежимные генералы и безработные офицеры, видные буржуазные политики, уцелевшие в первых боевых столкновениях петроградские, московские и киевские юнкера, буржуазная учащаяся молодежь. Все они стремились на Дон, как в антисоветскую Мекку.

Одним из первых прибыл тайно в Новочеркасск генерал М.В.Алексеев. За ним последовал бывший Верховный главнокомандующий русской армии генерал Корнилов, бежавший из Быховской тюрьмы при содействии Ставки. К ним вскоре присоединились генералы Деникин, Лукомский, Марков и другие видные военачальники. Так что военное руководство, причисляя сюда и генерала Каледина, на Дону было в сборе. Нужна была только массовая контрреволюционная армия, чтобы донская Вандея заявила о себе. Над собиранием такой армии усиленно работали слетевшиеся на Дон генералы. К концу февраля 1918 года Добровольческая армия собрала под свои знамена около 3 700 человек, в том числе 2 350 офицеров, более 1 000 юнкеров, студентов, гимназистов, кадетов, 235 рядовых (из них 169 солдат) (см.: там же). Войсковое правительство Каледина встречало стекавшихся на Дон противников Советской власти, как своих верных союзников. Упомянутый начальник штаба Донской армии генерал Поляков,

находившийся в гуще тех событий, в ответ на критику Деникиным действий донского руководства по отношению к формированию Добровольческой армии зло укорял: Добровольческая армия обязана Дону «в значительной степени как зарождением, так и самим существованием в течение около года» (Поляков И.А. Указ. соч., предисловие).

Вслед за высшим генералитетом в русскую Вандею поспешили и многие именитые политики контрреволюционного лагеря: лидер партии кадетов П.Н.Милюков, кадетский идеолог П.Б.Струве, видные кадетские функционеры М.М.Федоров, князь Г.Н.Трубецкой, В.А.Степанов, вождь октябристов М.В.Родзянко и прочие сторонники реставрации. К ним присоединился со своими миллионерами донской миллионер Н.Е.Парамонов.

Наплыв на Дон высокопоставленных генералов и наиболее известных политиков однозначно подчеркивал ту первостепенную роль, которую придавали белоказачьему Дону сторонники свергнутой власти. Здесь усиленно приготавлилась белоказачья Вандея. Для этого же сбежавшие на Дон генералы и политики образовали в декабре 1917 года «Донской гражданский совет» — орган, претендовавший на роль общероссийского белогвардейского правительства. Его возглавили генералы Алексеев, Корнилов и Каледин. Военный характер этого самозванного правительства подчеркивал его нацеленность на вооруженную борьбу против триумфально шествовавшей по стране революции. Замысел генералов сводился к установлению в стране военной диктатуры. Корнилов хотел переиграть свой провалившийся заговор. Каледин с ним был вполне согласен, о чем он открыто заявил, еще выступая на Государственном совещании. Генерал Алексеев был единомышлен с обоими соратниками. Так что составленный по древнеримскому образцу триумvirат из трех генералов вскоре обещал стране черные дни.

За спиной генеральского триумvirата замаячили фигуры представителей военных миссий Франции, Англии и Америки. Одним из первых в Новочеркасске объявился французский полковник Гюше, сообщивший генералу Алексееву, что Франция выделила на содержание антисоветских сил Юга России 100 млн. франков (см.: Белые генералы..., с. 194). Финансирование началось без промедления.

Как зафиксировал в своей записной книжке генерал Алексеев, уже 2 января 1918 года от французской военной миссии было получено 25 000 франков, 3 января — 100 000, 10 января — 130 000 франков (см.: Архив русской революции, 1922, т. 5, с. 352). За французами поспешили на помощь русской Вандее военные миссии Англии и США. 28 ноября 1917 года в Тифлисе собрались для выработки плана оказания помощи антибольшевистским силам на Юге России американский консул в Тифлисе Смит, глава британской военной миссии на Юге России генерал Шор, военные представители Франции полковники Шардиньи и Гюше. Такой план был выработан и одобрен правительствами Великобритании, Франции и США. В донесении госсекретарю США Лансингу консул Смит подчеркивал, что при надлежащей помощи армия, организованная Калединым и Алексеевым, «уже сейчас могла бы начать операции по захвату Тамбова, Саратова и Самары». Это, по мнению Смита, послужило бы важной предпосылкой к созданию единого антибольшевистского фронта на Юге России (см.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia. — Washington, 1932, v. 2, p. 588).

Получив эту обнадеживающую информацию от Смита, Лансинг спешно сообщил о ней президенту Вильсону: «Создание сильного русского правительства в настоящее время может быть осуществлено путем установления военной диктатуры» (The Lansing Papers, 1914—1920. — Washington, 1939, v. 2, p. 343). И дополнял: «Наиболее организованной силой, способной покончить с большевизмом и учредить правительство, является группировка генерала Каледина... Ее разгром будет означать передачу всей страны в руки большевиков» (Ibid., pp. 343—344). Надо, заключал Лансинг, укрепить у каледиинцев веру в нашу поддержку. Вильсон полностью согласился с этим и разрешил Нью-Йоркскому банку передать Каледину с помощью английских агентов 500 тыс. долларов. Таким образом, над Доном грозно сгустились тучи внутренней и внешней контрреволюции.

В это же время **трудящиеся Дона с горячим сочувствием встретили известия о победе вооруженного восстания в Петрограде.** Оно вызвало ликование среди рабочих Ростова, Таганрога, шахт и заводов Восточного Донбасса, массы иногородних батра-

ков, а также среди значительной части возвращавшихся с фронтов рядовых казаков. Уже 26 октября Ростовский Совет рабочих и солдатских депутатов с участием представителей от фабзавкомов, профсоюзов и солдатских комитетов восторженно поддержал восставших рабочих и солдат Петрограда, создал Военно-революционный комитет, который направил своих комиссаров в государственные учреждения и воинские части. По примеру Ростова в конце октября установили Советскую власть трудящиеся Таганрога, ряда городов и поселков Донбасса. Посланцы Дона на Втором Всероссийском съезде Советов проголосовали в Петрограде за переход государственной власти к Советам. За это историческое решение от имени трудящихся области проголосовали делегаты Дона М.П.Жаков, В.С.Ковалев, Е.А.Щаденко, В.М.Бажанов, К.Ф.Гроднер, Г.Д.Малашенко, С.М.Засько, К.В.Мамонтов, С.Т.Лихацкий, С.И.Кудинов.

Революционные силы Дона все более активизировались, и это очень нервировало каледицев. В области фактически начало складываться двоевластие. Войсковое правительство этим было сильно озабочено. И до похода на север, которого оно не отменяло, начало старательно, искоренять «красную крамолу» в своем тылу. Сильную головную боль у Каледина вызывали рабочие Ростова, как знаменосцы революционных перемен в области, а также шахтеры и металлурги Восточного Донбасса. Белоказачий журнал «Донская волна» приводит весьма примечательный разговор между Калединым и руководителем Добровольческой армии генералом Алексеевым:

«Каледин. Трудновато становится. Главное — меня беспокоит Ростов и Макеевка.

Алексеев. Церемониться нечего с ними, Алексей Максимович. Видите ли, вы меня простите за откровенность, по-моему, много времени у вас на разговоры уходит, а тут, если сделать хорошее кровопускание, тут и делу конец.

Каледин. Так, так... А на какие силы опереться? Вы ведь знаете, что у меня есть» (журн. «Донская волна», Новочеркасск, 1919, № 5, с. 6).

По подсказке генерала Алексеева Каледин устроил рабочим и солдатам «хорошее кровопускание». В этом ему помогли 400

алексеевских добровольцев (см.: Пролетарская революция на Дону. Сб. 4. — М.-Л., 1924, с. 228).

Помогли генералам устроить кровавую баню для ростовских сторонников Советской власти и местные «социалисты» — меньшевики и эсеры. Они втянули большевиков в опасное соглашательство, добившись замены большевистского ВРК так называемым «Комитетом объединенной демократии». Вошедшие в него «демократы» очень услужили Каледину, парализовав мобилизацию революционных сил перед лицом готовившегося нападения калединских вандейцев. Большевики осознали допущенную ошибку, воссоздали свой ВРК, но время было упущено. 2 декабря калединцы при поддержке добровольцев захватили Ростов, учинив на улицах города жестокое побоище.

Позже, выступая на декабрьском казачьем круге, Каледин признал ожесточенность ростовских событий: «Была пролита кровь. И радоваться (тут) нечему» (журн. «Донская летопись», Белград, 1923, № 2, с. 150). О зверствах калединцев гораздо откровеннее высказалась на второй день после захвата Ростова городская дума Ростова и Нахичевани. Дума, «самым энергичным образом протестуя против насилий, обрушившихся главным образом на рабочее население обоих городов (произвольные обыски и аресты, непринятие мер против самосудов и расстрелов и т. д.) ... считает необходимым снятие военного положения, прекращение обысков и арестов и прекращение дел, начатых в связи с гражданской войной...» (Пролетарская революция на Дону. Сб. 4., с. 7).

За Ростовом пала власть рабочих в Таганроге. Здесь калединцам тоже помогли озверевшие каратели Добровольческой армии. Штормовой волной прокатились аресты и расстрелы по городам и рудничным поселкам Восточного Донбасса. На примере расправ над шахтерами и металлургами этого района вандейцы Каледина наглядно показали всем, какой порядок собираются они принести в Москву, Петроград и другие революционные центры страны. За короткое время палачи из отрядов Чернецова, Лазарева и прочих карателей на Ясиновском руднике убили 117 рабочих, разгромили Берестово-Богодуховский рудник, расстреляли здесь группу большевиков и беспартийных шахтеров. Около 90 рабочих было

убито в Таганроге (см.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия..., с. 249).

Стон стоял в селениях Восточного Донбасса от истязаний, творимых опричниками Каледина. Об этом сообщает сохранившийся протокол объединенного собрания представителей Советов Боково-Хрустальского, Ровенецкого и Чистяковского горных районов, а также профсоюзов, казаков 10-го Донского полка и посланцев окружающих сел и волостей. Делегаты собрания нарисовали жуткую картину саботажа предпринимателей, бедствий сотен рабочих семей, оставленных без продовольствия и заработанных денег, преследования активистов. Воспользовавшись введенным Калединым военным положением, шахтовладельцы и заводчики поднимают волну репрессий. «При посредстве некоторых шпионов от администрации и предпринимателей начинают производиться казаками обыски, аресты, отобрание у населения оружия. Тут же происходит и убийство председателя (ревкома) Боково-Хрустальского района тов. Переверзева». Собрание потребовало «немедленно отменить военное положение, освободить рабочих от преследования Войскового правительства во главе с Калединым» (Пролетарская революция на Дону. Сб. 4., с. 212).

В ответ на бесчинства полицейских отрядов калединцев 50 рудников Боково-Хрустальского района поднялись на забастовку протеста против расстрела председателя ревкома Переверзева. К протесту боковцев присоединились другие районы. Весь Донбасс был охвачен мобилизацией на отпор карателям. Рабочие создавали ревкомы, деятельность которых объединил Центральный штаб Красной гвардии Донбасса под председательством Д.И.Пономарева (см.: Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. — Київ, 1987, с. 588).

Сомкнув воедино против калединцев силы Восточного и Западного Донбасса, рабочие начали восстанавливать в городах и заводских поселках власть Советов, объединившихся в конце января 1918 года в Донецко-Криворожскую Советскую республику. Отпор полицейским отрядам белоказаков типа отряда есаула Чернецова многократно возрос. В горячей революционной атмосфере тех дней многие рядовые казаки-фронтовики полевых полков, посланные на умирение восстающего Донбасса, отказывались

быть усмирителями и присоединялись к рабочим и красногвардейцам. В одном из своих приказов разгневанный Каледин назвал это мятежом. «Наши казачьи полки, — заявил атаман в крайнем раздражении, — подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами Красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красноармейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого подлого и гнусного дела рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество» (журн. «Донская летопись», 1923, № 2, с. 156).

В итоге карательный поход Каледина в бурлящий Донбасс закончился провалом. Его янычары, вроде озверевших чернецовцев, были оттуда изгнаны, и горняцкий край стал под красное знамя Советов. Но атаман Каледин не оставил навязчивую идею о походе на Москву. Он ждал прихода с фронта на Дон основной массы казаков-фронтовиков. Это была его «kozyрная карта». Каледин вступил в сговор с украинской Центральной радой о срочном и беспрепятственном пропуске через Украину на Дон казачьих дивизий и полков. Весь ход событий тех дней подтверждал и с военной, и с политической, и с внешнеполитической точек зрения, что для пролетарской революции опасность становилась все более зловецей.

Народная власть на вопиющий вызов вандейцев Дона ответила 25 ноября 1917 года возванием «Ко всему населению». В нем она призвала всех своих сторонников выступить на подавление контрреволюционного мятежа Каледина, Корнилова, Дутова и украинской Центральной рады. «Революция в опасности, — говорилось в возвании, — нужно народное дело довести до конца, нужно смести прочь преступников, врагов народа, нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики — казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Советское правительство заявило: «Вожди заговора объявляются вне закона... Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго калединых, корниловых и дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти» (Газета Временного рабочего и крестьянского правительства, Петроград, 26 ноября 1917 г.).

Выполняя свои обещания, Советское правительство делало важные шаги навстречу чаяниям рядовых казаков и других слоев трудящихся казачьих областей. В обращении «Ко всему трудовому казачеству» от 12 декабря 1917 года оно объявило, что своей ближайшей задачей ставит разрешение земельного вопроса в казачьих областях «в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах». Напомним: справедливого решения земельного вопроса настойчиво и постоянно требовали местные крестьяне и иногородние казачьих областей, а также широкие слои казачьей бедноты. Категоричное требование справедливого наделения землей заявил крестьянский съезд Донской области, состоявшийся еще до Октября, в мае 1917 года в Новочеркасске.

В декабрьском обращении также сообщалось о ряде важных постановлений Совнаркома, принятых по казачьим делам. В частности, отменялась военная повинность казаков, их постоянная служба заменялась краткосрочным обучением при станицах. Обмундирование и снаряжение призванных на военную службу принималось на счет государства. Отменялись еженедельные дежурства при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря (см.: там же, 12 декабря 1917 г.). Эти меры давали огромное облегчение жизни трудового казачества. Ведь даже атаман Краснов характеризовал принудительную службу казаков как «тяжелую повинность». Советская власть ее отменяла.

Тем временем приближалась развязка калединского мятежа, причем с неожиданным для его организаторов результатом. К концу 1917-го — началу 1918 года почти все казачьи дивизии и полки вернулись с фронта на Дон. И тут, к ужасу атамана и его правительства, выяснилось, что многие казаки вернулись с войны во многом другими, чем они уходили на фронт. Преступная человеческая бойня, затеянная правительствами ряда стран, с реками пролитой народной крови и ужасами страданий миллионов, оказалась для рядовых казаков и солдат очень суровой, но незаменимой жизненной школой. Прежде благонамеренные, белые казаки за время войны очень «покраснели». Часть фронтовиков открыто приветствовали революцию, клавшую конец бесчеловечной

бойне и провозгласившую справедливое решение коренных вопросов о земле и мире. Другая часть фронтовиков по той же причине заняла по отношению к Октябрю позицию доброжелательного нейтралитета. И лишь казачье кулачество затаило тупую злобу к бурно шествовавшей по стране народной революции. Но изменить ход событий оно в то время не могло, хотя и очень желало.

Участник тех драматических событий высокопоставленный казачий генерал Поляков так характеризовал тогдашнюю обстановку на Дону: «В период атаманства Каледина поддержание порядка в области, а затем и оборона границ Дона от большевистского нашествия, как известно, сначала возлагалась на казачьи части (8-я казачья дивизия и другие части), случайно очутившиеся на Дону. Когда же эти части, вследствие морального разложения, стали неспособны в боевом отношении, Донское правительство льстило себя надеждой, что казачьи полки, возвращавшиеся с фронта, послужат надежной опорой Донскому краю. Однако и это не оправдалось. Фронтовики оказались настолько деморализованными, что ген. Каледин вынужден был отдать приказ об их демобилизации, надеясь, что в обстановке родных станиц, влияния семьи и стариков, они быстро излечатся от большевистского угара» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 102—103).

Каледину не оставалось другого выхода, как объявить приказ о формировании добровольческих казачьих частей. Но добровольцами записалось крайне мало. В итоге Каледин и его генералы оказались без армии. У них дело сложилось по народной поговорке: собирались (в поход на Москву) — веселились, посчитали (записавшихся) — прослезились. В своем последнем приказе к донским казакам (28 января 1918 г.) атаман, впадая в бессильную ярость, нарисовал удручающую картину распада казачьих войск: «Большинство из остатков уцелевших полковых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края» (там же, с. 108—109). А на следующий день на заседании правительства атаман признал провал своих планов формирования добровольческих казачьих частей: «В моем распоряжении находится 100—150 штыков» (там же, с. 110). Мятеежники потерпели полное фиаско.

Столь же безрадостную картину нарисовал верный союзник Каледина вождь Добровольческой армии генерал Алексеев. В письме из Новочеркасска во французскую военную миссию в Киеве он откровенно признавал: «Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения собственного достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области» (Пролетарская революция на Дону. Сб. 4., с. 228).

У калединовцев и их приверженцев почва буквально ускользала из-под ног. Оказавшись в столь безнадежном положении, калединовцы решили привлечь на выручку своего режима иногородних, то есть большинство неказачьего населения Дона, хотя знали, что этот «пришлый» люд за годы своего батрачества на казаков-кулаков в значительной своей части проникся сочувствием к большевикам или открыто поддерживал их. Но иного пути к спасению у калединовцев не было. Утопающие буквально хватались за соломинку, хотя наперед знали, что иногородние их спасти не будут. Это тревожное предчувствие вскоре полностью подтвердилось.

29 декабря 1917 года в Новочеркасске был созван съезд неказачьего населения области. На нем было намечено решить два основных вопроса: 1) создание объединенного правительства с допущением в него представителей иногородних с целью подкрепления власти калединовцев; 2) отношение к формированию на Дону Добровольческой армии, что вызывало в рядовой казачьей массе опасность вовлечения области в гражданскую войну. Этому особенно опасались казаки-фронтовики, только что вернувшиеся с войны, которой они были сыты по горло.

Появление на съезде Каледина и товарища атамана М.П.Богаевского делегаты встретили взрывом возмущения и криками: «Палачи!», «Долой контрреволюционеров!». Делегаты властно потребовали освободить из тюрем массы арестованных, отменить в области военное положение (см.: Борьба с калединовщиной (по документам белых). — Таганрог, 1929, с. 5). Обстановка на съезде вначале была весьма нервной.

На предложение калединцев дать своих представителей в Войсковое правительство по принципу паритета иногородние выдвинули довольно радикальные условия: «1. Освободить всех политических, не исключая и большевиков; 2) расформирование Добровольческой армии; 3) заключение перемирия с большевиками; 4) уход казачьих частей с рудников и фабрик; 5) неприкосновенность демократических организаций; 6) равное число казацких и казачьих членов правительства; 7) лишение атамана права veto и 8) дела казацкого населения должны решаться только казацкой частью правительства» (Донские ведомости, Новочеркасск, 3(16) января 1919 г.).

Атаман Каледин в своем докладе, обосновывая необходимость объединенного правительства на принципе паритета, сразу же пошел с козырной карты — решил купить примирение и поддержку казацкого населения за крупную взятку. Он пообещал (только пообещал) раздать им 3 млн. десятин лучшей земли. Атаманы щедроты безмерно восславили его помощник М.П.Богаевский и якобы «социалист» П.М.Агеев. Все трое в один голос, когда, как говорится, припекло, призвали иногородних к примирению и дружбе «на вечные времена». Но делегаты, наученные горьким опытом прошлого, зная хищный нрав волков в овечьей шкуре, лживым заверениям их не поверили, хотя 7 своих представителей по принципу паритета в правительство выделили (журн. «Донская летопись», 1923, № 2, с. 162—163).

Калединцы возликовали, считая, что их уловка удалась, объединение казацкой и казацкой части Дона достигнуто и власть Каледина теперь укрепитя. Но радовались преждевременно. В правительстве соединили две несоединимые части. Посланцы иногородних в нем не стали помогать калединцам в их контрреволюционных замыслах и крепко связали им руки. В итоге правительство лишилось всякой дееспособности и превратилось в бесконечную говорильню, на что постоянно жаловался Каледин. А после него атаман Краснов буквально стонал от ярости за допущение в правительстве принципа паритета, погубившего, по его словам, правительство Каледина. Иногородние инстинктивно не поверили лукавым посулам калединцев насчет дарования земли. И правильно сделали, что не поверили. В августе 1918 года при

атамане Краснове Войсковой круг принял закон о конфискации частновладельческих земель (явно в противовес ленинскому Декрету о земле). В нем получение земли иногородними даже не упоминалось. Коренным крестьянам и казачьей бедноте кое-что обещали, но так до конца своего правления на Дону ничего им не дали, пока иногородние и казачья беднота из красных кавалерийских соединений Буденного, Думенко и Блинова не прогнали их в эмиграцию.

Вторым важным вопросом на декабрьском съезде иногородних был вопрос о Добровольческой армии. Делегаты внесли резолюцию о разоружении ее и роспуске, как воюющей против революции. Но калединыцы пошли на уловку: они призвали на съезд генерала Алексеева, которому путем лукавых измышлений с трудом удалось уговорить делегатов не принимать решения о роспуске Добровольческой армии, а оставить ее под контролем войскового правительств. Но если в ней обнаружатся контрреволюционные элементы, то удалить их (см.: там же, с. 163). То есть поручили судить об этом такому же контрреволюционному органу, как и Добровольческая армия. Подобные решения наглядно обнаруживают политическую незрелость руководителей иногородних.

Интересны суждения, опубликованные белоказачьим эмигрантским журналом «Донская летопись» (1923, № 2) о движении иногородних на Дону в период Гражданской войны. Орган белоказачьей исторической комиссии вслед за многими видными белоказачьими деятелями той поры признал, что вхождение иногородних в Войсковое правительствo привело к созданию не объединенного, а разъединенного правительствa. «В связи с этим, — писал журнал, — надежда на привлечение в ряды защитников Дона иногородних совершенно отпала» (там же, с. 182—183). Действительно, больше таких бессмысленных попыток белоказачья власть не делала. До конца своих дней она находилась с этой большей частью населения области в состоянии то скрытой, то открытой войны. И тем нагляднее всего доказала свою антинародную сущность, о чем апологеты белоказачества лукаво помалкивают.

Журнал справедливо отмечал, что иногородние и местные крестьяне с самого начала революции страдали слабой организованностью, хотя представляли большинство населения области.

«Крестьянский съезд (май 1917 г.) не оставил после себя компетентного органа, с которым можно было бы вершить переговоры с казачеством...

Путь соглашения с организованным крестьянством был впоследствии пройден. Но он не дал никаких результатов, успеха не имел. Крестьянство оказалось неорганизованным, к соглашению с казачеством не пришло, сохранив враждебное к нему отношение. Венец этой политики — паритет» (там же, с. 105). Слабой организованностью и политической незрелостью крестьян зажиточное казачество воспользовалось в полной мере.

Но дискриминация иногородних порождала с их стороны ответ вандейцам. Тот же журнал позже писал: «Расхождение между казаками и иногородними доходило до того, что во время гражданской войны многие иногородние ... становились в ряды красногвардейцев и боролись против казаков с оружием в руках, надеясь из рук большевиков получить то, что им не дают казаки. Те же, которые не шли к большевикам, все же стояли в стороне от борьбы с недоверием к казакам, с надеждой на большевиков» (журн. «Донская летопись», 1924, № 3, с. 114). В такой позиции иногородних одна из важных причин провала первого антисоветского мятежа белоказачков, как и последующего краха всей донской Вандеи. За годы революции и Гражданской войны неказачье население Дона пережило по вине белоказачьей верхушки много черных дней, и нет плакальчиков об их горькой судьбе, только слышны причитания о «трагедии» и «страданиях» этой верхушки.

Между тем обстановка на Дону к концу 1917-го — началу 1918 года круто изменилась. И не в пользу правительства Каледина. Главная надежда на казаков-фронтовиков рассеялась окончательно. Атаману пришлось расстаться с сокровенной мечтой о карательной экспедиции против Москвы и Петрограда, которая подспудно еще сохранялась. О терзаниях мятежного атамана рассказал белоказачий журнал «Донская волна». В статье «Поход на Москву» сообщалось, что в атаманском дворце Каледин собрал несколько генералов во главе с Алексеевым для обсуждения вопроса о походе на Москву. Оказывается, такой план еще не был похоронен. Некоторые горячие головы выступили — «за». Но условия для похода абсолютно отсутствовали, и верх взял здравый

смысл. «Распоряжения свои о походе на Москву и Воронеж отмечая», — подытожил Каледин (журн. «Донская волна», 1918, № 9, с. 7). Атаману пришлось думать, как спасти свою власть в Новочеркасске, и пока забыть о походе на север.

Собравшиеся на Дону к началу 1918 года фронтовые казачьи части, которые, по свидетельству генерала Алексеева, да и самого Каледина, были в массе своей заражены большевизмом или сочувствовали ему, представляли грозную силу, враждебную Войсковому правительству. Поэтому атаман срочной демобилизацией фронтовиков спешил избавиться от этой внушительной силы. Фронтовики же в лица своей наиболее сознательной части решили избавиться от мятежного правительства, втравившего Дон в преступное противоборство с многомиллионной Советской Россией. Теперь встал вопрос: кто — кого?

Особенно разительную картину перемены настроений фронтового казачества явил съезд представителей фронтовых частей, состоявшийся в станице Каменской 10—11 января 1918 года. На съезд прислали своих делегатов 23 казачьих полка и пять батарей общей численностью более 700 человек. Съезд постановил: низложить Войсковое правительство Каледина и взять власть на Дону в свои руки. Делегаты избрали казачий Военно-революционный комитет (председатель — подхорунжий Ф.Г.Подтелков, секретарь — прапорщик М.В.Кривошлыков). ВРК призвал к формированию отрядов красного казачества.

Состоявшийся в станице Каменской митинг бурно приветствовал решение о свержении мятежного Войскового правительства. Пять тысяч собравшихся на площади единогласно, под ликующие возгласы приняли резолюцию, которую заключали требования: «Долой контрреволюционеров Каледина, Богаевского и всю свору их прихвостней. Вся власть Советам казачьих, рабочих и крестьянских депутатов!» (Борьба с калединщиной (по документам белых)..., с. 10).

В это же время в правительственном лагере идет судорожная мобилизация сил, чтобы остановить агонию разлагающегося режима. Как следует из правительственных документов, Каледин 14 января издает приказ о вознаграждении казаков, воюющих против большевиков: участвующим в походах — по 1-му рублю

суточных, участвующим в боях — по 3 рубля за каждый день. Генерал-корниловец Потоцкий спешно телеграфирует в Новочеркасск: «В полку партизанская сотня не формируется ввиду отсутствия желающих». Хоперский окружной атаман шлет 14 января тревожное известие из ст. Урюпинской: «Прибывающие части не вполне надежны... Защита Дона может быть обеспечена только молодежью и стариками, организациями партизанского характера». Добровольческий полковник Кутепов требует немедленно прислать 16-й полк для обороны Матвеева Кургана, иначе он снимает с себя ответственность за удержание Таганрога (см.: там же, с. 13—15). Удержать город, увы, не удалось: 17 января им овладели восставшие рабочие. Дон неудержимо советизировался.

19 января казачий ВРК объявил о признании Советской власти и о формировании на Дону органов этой власти. Под руководством ВРК первые красные казачьи части, объединившись с прибывшими им на помощь из центра отрядами красногвардейцев, матросов и солдат, повели наступление на мятежное правительство Каледина. Испытывая банкротство по всем направлениям, оно доживало последние дни.

29 января атаман Каледин собрал свое правительство и признал: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно» (Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 220). Ввиду полного краха антисоветского мятежа Каледин предложил правительству уйти в отставку, а сам заявил о сложении с себя атаманских полномочий и в тот же день, 29 января 1918 года, покончил с собой.

Сменивший Каледина новый атаман А.М.Назаров сгоряча объявил поголовную мобилизацию казаков и призвал Добровольческую армию поддержать калединцев. Но мобилизация фактически провалилась. На нее откликнулась лишь незначительная часть казаков старших возрастов, а добровольцы Корнилова, видя полный крах мятежа, объявили о спешном отбытии с Дона на Кубань.

Наступал заключительный акт донской драмы, учиненной вандейцами Каледина. Против остатков мятежных сил перешли в наступление красные казачьи части, руководимые казачьим ВРК, и прибывшие им на помощь из Центральной России отряды крас-

ногвардейцев, матросов и солдат под командованием В.А.Антонова (Овсеенко). Революционные войска с разных направлений двинулись к центрам калединской власти — Новочеркасску и Ростову. Из Донбасса от Горловки наступала колонна Р.Ф.Сиверса, от Луганска — колонна Ю.В.Саблина, от Миллерово — отряд Г.К.Петрова, с юга, от Тихорецкой — части А.И.Автономова.

Высокий наступательный порыв царил среди красных казачьих войск. Один из участников тех событий вспоминает, что выборный командир 27-го казачьего полка на митингах постоянно напоминал, что он «войдет со своими казаками в Новочеркасск, разгонит Войсковой круг, собственноручно сорвет погоны с атамана Назарова» (Первые бои Добровольческой армии. — М., 2001, с. 191). Действительно, красные казаки-фронтовики пылали ненавистью к белым вождям, что особенно наглядно проявилось при взятии Новочеркасска, в освобождении которого они сыграли заглавную роль. Смятые напором революционных войск, жалкие остатки охранных отрядов калединцев и поредевшие отряды добровольцев капитулировали. 23 февраля (н. ст.) был освобожден от мятежников Ростов, 25 февраля — Новочеркасск. Уцелевшие в боях калединские «партизаны» числом около 1 500 штыков и сабель под началом походного атамана П.Х.Попова ушли в Сальские степи зализывать раны. Примерно 3 700 добровольцев под командой генералов Алексеева и Корнилова устремились на Кубань.

Первый мятеж донских вандейцев провалился.

3. ВТОРОЙ АНТИСОВЕТСКИЙ МЯТЕЖ ВАНДЕЙЦЕВ ДОНА (КРАСНОВЩИНА)

Весна 1918 года пришла на Дон под флагом Советской власти, как пора глубокого обновления, перехода к новому общественному устройству, от войны к миру. В марте во всех округах прошли съезды Советов. Народная власть утверждалась не только в городах, но и в станицах, хуторах, слободах. **23 марта 1918 года областной ВРК провозгласил создание Донской Советской республики, как составной части РСФСР.**

Первый съезд Советов казачьих, рабочих и крестьянских депутатов Дона (9—14 апреля) объявил себя верховной властью республики, избрал ЦИК Советов республики во главе с большевиком-казаком В.С.Ковалевым и Совнарком республики под председательством казака-фронтовика Ф.Г.Подтелкова. Новая власть в условиях наступившего мира приступила к преобразованиям казачьего края на новых общественных началах. Казалось, с войной теперь покончено, наступила пора созидания. Но на Тихий Дон пришла лишь короткая мирная передышка. Со всех сторон сгустились тучи новой, еще более ожесточенной войны.

3 марта 1918 года Советская Россия подписала мирный договор с Германией. Однако германская интервенция продолжалась по сговору с украинской Центральной радой и приближалась к территории Донской Советской республики. 8 мая германские интервенты захватили Ростов-на-Дону и остановились в 12 верстах от Новочеркасска. Ими были оккупированы также Таганрог, Миллерово, Чертково — всего около трети территории Донской Советской республики, входившей в состав РСФСР. Это было грубое нарушение мирного договора, поэтому Совнарком РСФСР и правительство Донской Советской республики решительно протестовали против произвола германской военщины.

Однако по-иному, торжественно, с хлебом-солью встречала приближавшиеся германские войска белоказачья Вандея, повсеместно выползавшая из подполья. Кулацкая верхушка донского казачества почувствовала, что в войне против Советской России у нее впервые появился очень могущественный союзник в лице кайзеровских войск. Отсюда необычайный всплеск ее контрреволюционной активности и агрессивности. Подобного союзника у нее не было в период каледищины, и ее мятеж тогда захлебнулся. Теперь вандейцы, озлобленные и озверевшие, рассчитывали взять реванш. Вождей белоказачьего Дона не смущало то, что **они брали себе в союзники векового лютого врага России — германскую военщину и тем самым совершали национальное предательство.** А их предводитель атаман П.Н.Краснов, как показало время, был сначала чуть скрытым, позже и совсем открытым, **слугой германского империализма.** Тогда, в 1918 году, Россия еще не успела похоронить всех русских, павших на войне с Германией, а верный слуга кайзера Вильгельма верноподданно твердил: «Без немцев Дону не освободиться от большевиков» (Архив русской революции. — М., 1991, т. 5, с. 206). Это признание означало, что у предводителей белоказачьей Вандеи было недостаточно собственных сил для захвата и удержания власти. Нужны были иностранные, то есть германские, штыки, за что Краснов расплачивался с кайзером национальным достоянием и национальным суверенитетом. Недаром герmanoфила Краснова так ненавидел даже такой противник большевиков, как генерал А.И.Деникин.

Гром орудий германской армии, приближавшейся к пределам Донской Советской республики, эхом отозвался на донской земле рядом антисоветских восстаний кулацких элементов казачества. Первые мятежи, вспыхнувшие еще в марте 1918 года, не получив прямой поддержки немцев, были довольно легко подавлены отрядами красного казачества и красногвардейцев. Так, мятежники, захватившие Новочеркасск в первых числах апреля, вынуждены были его оставить под напором революционных войск. И только в конце апреля, когда германские войска вплотную подошли к казачьей столице и красные войска вынуждены были оставить город, мятежники снова вернулись в Новочеркасск. То же повторилось

в станице Урюпинской — центре Хоперского округа. 1 апреля белоказаки под командованием прапорщика Дудакова захватили станицу, но были выбиты революционными войсками.

Кулацкий характер мятежей четко определялся тем, что его главную базу составляли нижнедонские станицы, окружавшие Новочеркасск и населенные особенно богатым казачеством. Среди трудовых казаков и иногородних они получили презрительную кличку — «черкасся». Именно этот элемент был «руководящей и направляющей» силой мятежа. После первого неудавшегося налета на Новочеркасск мятежники отступили в ст. Заплавскую и устроили там так называемое «заплавское сидение». Но они не сидели сложа руки, а развили бешеную энергию по организации мятежных сил. Было образовано Временное донское правительство и начато формирование мятежной Донской армии. Весть о мятеже благодаря активизации кулацкой прослойки распространялась по области, как огонь по сухой соломе в сухую ветреную погоду. Напористость и уверенность в себе у главарей мятежа объяснялись тем, что они чувствовали за своей спиной всю мощь наступавших германских войск.

Мобилизационный и боевой опыт казачества, как военного условия, позволил руководителям мятежа в кратчайший срок создать внушительную белоказачью армию. К концу апреля 1918 года в ней уже насчитывалось до 10 тыс. штыков и сабель. Она состояла из трех основных группировок: Северной (командующий — войсковой старшина Семилетов), Южной (командующий — генерал Денисов) и Задонской (командующий — полковник Быкадоров). Особую группировку составил отряд походного атамана Попова, вернувшийся из Сальских степей. Южная группировка генерала Денисова совместно с прибывшей с Румынского фронта бригадой добровольцев под командованием полковника М.Г. Дроздовского 8 мая вошла в Ростов-на-Дону. В дальнейшем она стала основным ядром формировавшейся Донской армии, а ее руководитель генерал Денисов — ее командующим.

Наряду с военной, шла чрезвычайно мобильная политическая мобилизация в мятежном лагере. Уже 11 мая в Новочеркасске восставшие станицы и войсковые части через своих делегатов в спешке собрали так называемый «Круг спасения Дона». Крайняя

спешка привела к неполноте представительства на нем. Как признался Краснов, Круг «не мог говорить от всего войска, потому что далеко не от всех станиц были на нем представители» (Дон и Добровольческая армия., с. 6). Круг был фактически нелегитимным. Но это не помешало Кругу говорить от имени всего населения Дона, приступить к решению общегосударственных задач, что делать он был неправомочен. Советская власть на Дону была установлена демократическим путем, волей подавляющего большинства трудящихся, а кучка мятежников решила эту волю перечеркнуть. Вот такое «народоправство» нес Дону мятежник Краснов. Попирая все демократические принципы, он буквально ринулся ликвидировать Советскую власть и заменять ее белоказачьей военной диктатурой.

Диктатора долго искать не пришлось, он объявился на Круге как раз вовремя, в лице генерала Краснова, вынырнувшего из подполья, где ждал своего часа. Мятежная «черкассня» увидела в Краснове своего человека, доказавшего, что он по всем статьям подходит на роль вождя белоказачьей Вандеи. Он на ура выдвигается Кругом в атаманы, но свое согласие генерал обусловил жестким требованием принять подготовленный им свод законов, круто разворачивавших Дон в дореволюционное прошлое. Круг эти законы с энтузиазмом принял, и новоиспеченный атаман получил, по его собственному признанию, «почти диктаторские полномочия». Закон «Об атаманской власти» гласил: «1. Власть управления Войском **во всем ее объеме принадлежит войсковому атаману в пределах всего Всевеликого войска Донского.** 2. Атаман утверждает законы, и **без его утверждения никакой закон не может иметь силы...** 4. Атаман есть высший руководитель всех сношений Всевеликого войска Донского с иностранными государствами. 5. Атаман есть верховный вождь Донской армии и флота» (газ. «Донской край», Новочеркасск, 10(23) мая 1918 г.; выделено мной. — П.Г.). Как видим, демократией здесь и не пахло, атаман предстает, как неограниченный диктатор, без всяких оговорок — «почти».

Государственное устройство на Дону Краснов планировал построить, по его словам, «на тех же основаниях, как существуют Эстония, Финляндия, Грузия», то есть отдельно от России, не только

советской, но и буржуазной, что привело его к активному содействию национальному сепаратизму и враждебному отношению к России, как национальному государству.

Главным орудием утверждения своей диктатуры новый атаман видел в формировании «армии старого режима, повинующейся законам и строго дисциплинированной» (Дон и Добровольческая армия..., с. 7—8). Это была неприкрытая угроза беспощадно подавить в казачьем войске демократические начала, порожденные войной и революцией. И строгое предупреждение в адрес еще фрондировавшего фронтового казачества.

Выступая перед Кругом, Краснов дал ясно понять, кому мятежная «черкассня» обязана своим успехом. «Без них (немецких оккупантов. — П.Г.), — разоткровенничался атаман, — он (Круг. — П.Г.) не сидел бы в Новочеркасске» (там же, с. 7). Теперь и самым непонятливым стало ясно, кто по большому счету посадил Краснова на власть. Поэтому в первый же день вступления в должность атаман направил непомерно льстивое письмо кайзеру Вильгельму, в котором заверял его в самых верноподданных чувствах, в том, что «Войско Донское не находится в войне с Германией», и «просил о помощи оружием», обещая взамен щедро расплатиться продовольствием и сырьем (см.: там же, с. 19). Так заклятый враг России, проливший реки русской крови, был объявлен Красновым его главным союзником. За частоколом германских штыков вандейцы Краснова почувствовали себя на коне в прямом и переносном смысле и повели бешеную атаку на Советскую власть и ее сторонников. Кровь на донской земле полилась потоками, стоны истязаемых были слышны далеко за ее пределами. Заполыхал второй мятеж донских вандейцев.

Атаман Краснов развил сатанинскую энергию при формировании Донской армии «старого образца». Под ружье было поставлено 25 возрастов казаков, взято в станицах и хуторах все, что можно было поставить в строй, хозяйства остались без рабочих рук и тягловой силы. Летом 1918 года в армии уже состояло 27 тыс. пехотинцев, 30 тыс. кавалеристов, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронепоезда (см.: там же, с. 64). Германское командование в избытке снабдило Донскую армию вооружением и боеприпасами.

Амбициозные планы Краснова поддержала казачья генерально-офицерская верхушка, чем-то напоминая табун застоявшихся донских рысаков, лихо рванувшихся в атаку на сторонников Советской власти. Среди ближайших сподвижников атамана были казачьи генералы С.В.Денисов, И.А.Поляков, К.К.Мамонтов, А.К.Гусельщиков, А.П.Фицхелауров, З.А.Алферов, И.Ф.Быкадоров, А.С.Секретев, М.М.Иванов и многие другие. Эти ревностные защитники огромных привилегий казачьих верхов во главе с атаманом придали Донской армии крайне агрессивный характер. Они с головы до пят были обрызганы рабоче-крестьянской и казачьей кровью, на их счету были тысячи изрубленных, повешенных, расстрелянных патриотов.

Итак, донские вандейцы, опираясь на германскую военщину, сумели в короткий срок организовать почти 60-тысячную армию и к середине августа 1918 года овладеть почти всей территорией Донской области. Советская власть, избранная большинством трудящегося населения Дона, была свергнута, многие тысячи ее сторонников зверски убиты и искалечены, заточены в тюрьмы или угнаны на каторжные работы. Советские войска, как местные (из красных казаков и иногородних), так и прибывшие им на помощь из Центральной России, еще находившиеся в стадии полупартизанских формирований, не могли противостоять хорошо организованной, обученной и вооруженной мятежной армии и с тяжелыми боями отошли к границам Воронежской и Саратовской губерний. Здесь **образовался Южный фронт, ставший с осени 1918 года главным фронтом Гражданской войны в России.**

Известный на Дону красный казак Ф.К.Миронов, находившийся в гуще тех событий и на собственном опыте испытывавший все жестокости диктатуры Краснова, писал тогда по свежим следам событий: «К концу апреля (1918 г.) на Дону появился генерал Краснов. Начались повальные расстрелы, аресты, ссылки фронтовиков в шахты, пытавшихся еще протестовать против того ужаса, в который ввергли Дон слуги буржуазии. Тюрьмы быстро наполнялись лучшим казачеством. Контрреволюция подняла голову и повела планомерное наступление на одиноко разбросанные кучки красногвардейцев, действовавших при этом партизанским способом. О долгом сопротивлении не могло быть и речи» (Филипп

Миронов. Документы..., с. 249). Дон постепенно был целиком захвачен контрреволюцией.

Что же определило успех мятежа и создание многотысячной армии, которой не было у Каледина? Главная причина указана самим Красновым — это германская интервенция. Но, наряду с этой основной, были и другие веские причины. С установлением диктатуры Краснова красное казачество и сочувствовавшие ему казаки в значительной мере побледили. Фронтовики в основной массе состояли из середняков. По своей природе середняк — это труженик и собственник в одном лице. По этой причине он подвержен политическим колебаниям: то за красных, то за белых. **Казачья беднота (24,6%), как правило, твердо держала сторону Советской власти. Она дала основную массу бойцов в красноармейские части Буденного, Думенко, Блинова, Миронова.** По современным подсчетам, в 1918 году в Красную Армию вступило 18—20% боеспособных казаков (см.: Белые генералы..., с. 149). Даже генерал Деникин называл войска Буденного «полуказачьими» (см.: Дон и Добровольческая армия..., с. 335). И генерал Шкуро, с содроганием вспоминая сокрушительные атаки конармейцев Буденного, писал уже в эмиграции: «Конница его (Буденного) состояла преимущественно из изгнанных со своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона конях» (там же, с. 239).

Что же касается середняцкой части казачества (51,6%), которую в основном составляли фронтовики, победившие калединщину, то в ее умонастроениях при Краснове произошли существенные перемены. Главную роль в этом сыграла, конечно, германская интервенция. Она коренным образом изменила соотношение сил в пользу мятежного кулачества, бурно активизировала его натиск на умонастроение казаков-фронтовиков. Чтобы избежать кошмарного конца калединщины, фронтовиков стремились всеми способами превратить из красных в белые, то есть приобщить к мятежу. И вандейцам Краснова это в значительной мере удалось, хотя и не полностью.

Как это делалось, рассказал в своих воспоминаниях начальник штаба Донской армии генерал Поляков, один из активных участников «промывания» мозгов фронтовикам. Кампания состояла из ряда этапов. Первый этап имел целью задеть «чувства казака-собственника, накопление у него ненависти к красным», власть которых объявлялась чуждой станичникам. На втором этапе казаки готовились к свержению Советской власти в главных пунктах области. «Третья фаза казачьего настроения, — отмечал Поляков, — характеризовалась постепенным ростом сознания, конечно, под непосредственным давлением руководящего центра — Донской власти, что освободить свою станицу от большевиков еще мало, надо помочь то же самое сделать соседнему хутору и станице». Постепенно это сознание властью углубляется в казачестве, приводя его к убеждению, что пока красные где-либо в области, невозможно перейти к мирному труду. В пятой стадии казачьей массе прививается мысль о необходимости «овладеть большими пограничными центрами, лежащими вне области», якобы для обеспечения полного успокоения края. И, наконец, «внедрение в казачью массу целей общерусских», то есть якобы ее обязанность свергнуть Советскую власть в России. Подытоживая, генерал писал: «Только при последовательном переходе казачьего самосознания из одной фазы в другую можно было надеяться, что процесс пройдет безболезненно. Приходилось чрезвычайно следить за оттенками настроений казачества, дабы своевременными мерами парировать неожиданности и сглаживать шероховатости» (Поляков И.А. Указ. соч., 230—231).

И надо отдать должное искусству политиков Краснова: они умело и своевременно принимали меры по насаждению среди середняцкой массы фронтовиков, то есть более половины казачьего населения Дона, антисоветских настроений. В результате кулачеству путем обмана и грубого насилия удалось перетянуть в стан мятежников большинство казаков-середняков и тем создать против сторонников Советской власти на Дону серьезный перевес сил.

Этому способствовала слабость только что установившейся в станицах и хуторах новой Советской власти. Ей еще очень недоставало ведущего и организующего пролетарского влияния,

чем в полной мере воспользовалась кулацкая прослойка казачества. Участник тех событий командующий Донской армией генерал Денисов свидетельствовал: «Казачья власть на местах в это время почти не подверглась изменению по существу своему. Выборные станичные атаманы (за немногим исключением) остались на своих местах» (Денисов С.В. Гражданская война на Юге России. 1918—1920. — Константинополь, 1921, кн. 1, с. 45). Это же подтверждает и ближайший соратник атамана Краснова Г.П.Янов: «В станицах произошла «гримировка» под Советскую власть...». В Советы зажиточное казачество продвигало своих людей, на посты председателей местных Советов, станичных комиссаров зачастую становились те же станичные атаманы, «казаки крепкие, стойкие» (журн. «Донская летопись», 1924, № 3, с. 18). Ясно, что такие кадры могли только всемерно содействовать мятежу.

Как красновское окружение обеспечивало себе перевес сил, хорошо видно из сообщения штаба Донской армии, опубликованного в правительственной газете «Донской край». «Большевистский недуг, — говорится в нем, — глубоко поразивший значительный процент казаков, представлял серьезное препятствие, которое нужно было во что бы то ни стало смыть с казачьего лица. Требовалась неугомонная энергия для поднятия станиц и хуторов, оставшихся под флагом нейтралитета; требовалось раздуть искру восстания казаков в пламя, способное охватить Дон сверху донизу» (Донской край, 25 июля (7 августа) 1918 г.). Очень наглядная картина того, как вандейцы Краснова «раздували» искры мятежа, втягивали в него трудовых казаков, державшихся нейтралитета.

Такому ходу событий не смогло противостоять неказачье большинство населения Дона по причине своей политической отсталости, слабой организованности, особенно в военном отношении, а также из-за ряда ошибок, допущенных местными органами Советской власти по продовольственному и земельному вопросам. И эта власть временно пала.

Весьма сильное влияние на колебание средних слоев казачества оказало проведение на Дону, как и в других хлеботорговых районах России, продовольственной диктатуры. Весной 1918 года

страну поразил жестокий голод, подготовленный предшествующей политикой царского и Временного правительств. Чтобы спасти рабочие массы от голодной смерти и обеспечить формируемую Красную Армию продовольствием, Советская власть **вынуждена** была ввести продразверстку. Эта чрезвычайно гуманная и в то же время очень болезненная мера не понравилась там, где крестьяне имели большие запасы хлеба. Донская область относилась к таким богатым продовольствием районам. Казачье кулачество встретило продразверстку в штыки, причем во многих случаях в прямом смысле. Используя казачью сословную спайку, оно яростно втягивало в войну против красных продотрядов все казачество, в том числе и середняков, которые на Дону были более богатыми, чем родственные им слои в других губерниях, а потому легче поддавались антисоветской агитации и втягиванию в мятежную армию. Вандейцы Краснова, утопая в продовольственном изобилии, оставались, как Гобсеки, жестокосердны и глухи к страданиям миллионов голодных. Но зато со страстью и злобой разжигали враждебную кампанию против большевиков, стремясь представить их продовольственную политику, как якобы врожденную их склонность к грабежу чужого богатства. На этот обман, к сожалению, поддались немало трудовых казаков.

Но вскоре **режим Краснова саморазоблачился, начав вводить собственную продразверстку**. Как сообщали местные газеты, урожай на Дону в 1918 году был ниже среднего уровня. Это подхлестывало стремительный рост цен на продукты. Правительственная газета «Донские ведомости» под кричащим заголовком «Дороговизна» сообщала о «бешеной спекуляции», о мучительных переживаниях простого обывателя, «изголодавшегося, раздетого, разутого», который раньше ждал даров от Германии, а теперь — от союзников. Ждет «с упорством маньяка». И, очевидно, режиму Краснова до страданий этого люда дела не было. Газета издевательски утешала: так плохо будет долго, и не надо питать иллюзий (см.: Донские ведомости, 22 декабря 1918 г. (4 января 1919 г.).

Хлебные запасы на Дону, конечно, были велики, но они находились в основном в закромах у казачьих богатеев. Они отпускали хлеб на рынок только по крайне завышенным ценам. Жажда

наживы порождала опасный для армии, общества и власти продовольственный кризис. И собравшийся в августе 1918 года Большой войсковой круг поставил его обсуждение в порядок дня. Выступая на Круге, Краснов в плохо скрытой форме высказался в защиту интересов казаков-кулаков о свободной торговле. «Буюсь, — подчеркнул он, — что не спасет нас запроецированное министерство продовольствия от того кризиса, в котором ныне находится дело продовольствия». При этом он выразил озабоченность предстоящими радикальными мерами: «Придется затем взять на учет у нас весь скот и хлеб, а потом забрать его насильно по твердым ценам» (газ. «Приазовский край», 1(14) сентября 1918 г.). В обмен на хлеб и скот нужны товары, которых нет, сокрушался атаман.

Итак, вопрос о продразверстке встал как неизбежная необходимость во время Гражданской войны, как мера обязательная и для красных, и для белых режимов, только с противоположной социально-политической направленностью. Этой политикой широко воспользовались еще якобинцы в эпоху Великой французской буржуазной революции. Поэтому перед угрозой продовольственного кризиса режим Краснова должен был прибегнуть по исторической традиции к спасительной продразверстке. Большевикам же он в таком праве отказывал, всячески извращая их политику.

31 августа 1918 года Большой войсковой круг принял постановление «Об организации продовольственного дела на Дону». В нем говорилось: «Немедленно создать особый продовольственный отдел (министерство), которому подчинить интендантство; привлечь станичные, хуторские, волостные и сельские общества к участию в деле продовольствия; произвести учет и установить твердые цены на все предметы первой необходимости... немедленно разработать организацию по продовольствию» (Донские ведомости, 6(19) октября 1918 г.).

5(18) сентября Краснов, «согласно воле Круга», то есть уступая его требованию, распорядился образовать Отдел (министерство) продовольствия, своего рода «казачий наркомпрод», которому подчинялись все продовольственные органы. Затем появилось утвержденное Кругом «Положение об управляющем Отделом продовольствия». Ему предоставлялись диктаторские

полномочия. Его распоряжения подлежали исполнению всеми правительственными учреждениями, общественными организациями и всем населением. Он предлагал правительству твердые цены на все продукты и предметы первой необходимости и нормы на них, ведал учетом заготовок и распределением продуктов между войсками, промышленными районами, городами и всем населением (см.: Донские ведомости, 13(26) октября 1918 г.).

Затем последовал 18 октября (ст. ст.) главный распорядительный приказ атамана о введении продразверстки в действие. В нем говорилось: «Все количество хлеба, продовольственного и кормового урожая 1918 г., прошлых лет и будущего урожая 1919 г., за вычетом запаса, необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает (со времени взятия на учет) в распоряжение Всевеликого войска Донского и может быть отчуждено лишь при посредстве продовольственных органов» (Белые генералы..., с. 149). Но еще до вступления этого приказа в силу местные органы власти уже действовали в указанном направлении. Так, 5(18) октября черкасский окружной атаман Попов распорядился: «Для успешности продовольствия армии Большой войсковой круг постановил все продовольственные запасы в области считать собственностью войска... За сокрытие населением продуктов и фуража и за препятствие атаманам к заготовке таких буду виновных предавать суду, как врагов армии, скрытые же продукты и фураж будут конфисковаться в пользу войск без всякого вознаграждения» (Донские ведомости, 7(20) октября 1918 г.).

Итак, продовольственная политика режима Краснова формально как будто копировала большевистскую политику, но ее классовая направленность была совершенно иной. Она ограждала интересы казаков-кулаков и основную тяжесть возлагала на крестьян и на средних и беднейших казаков, не обладавших значительными хлебными запасами. Отсюда последовал ее неизбежный провал. Уже через месяц после введения продразверстки по-красновски появились тревожные сообщения о ее резко отрицательных результатах. Газета «Донские ведомости» в статье «Хлебная монополия на Дону» сообщала, что прежняя система снабжения городов хлебом по вольным ценам дезорганизована хлебной монополией. Было сразу видно, заявляла правительст-

венная газета, что введение монополии для городов «будет резко отрицательным» (Донские ведомости, 15(28) ноября 1918 г.).

Через неделю тот же орган информировал: на заседании биржевого и торгово-промышленного комитетов «признано, что монополия и ограничения свободной торговли хлебом должны быть отменены, все запрещения должны быть сняты» (Донские ведомости, 23 ноября (6 декабря) 1918 г.). Командующий Донской армией «ввиду малого поступления от Отдела продовольствия в запасы интендантства фуража и продовольствия» разрешил покупать их по рыночным ценам, то есть в обход продразверстки (см.: Донские ведомости, 28 ноября (11 декабря) 1918 г.). Съезд представителей районных рудничных продовольственных комитетов в начале января 1919 года «констатировал полное отсутствие фуража и продовольствия на рудниках». Хлебный паек горнякам было решено уменьшить с 2 до 1 фунта. А некоторые рудники объявили расчет рабочим из-за отсутствия продовольствия (см.: Донские ведомости, 10(23) января 1919 г.).

Поскольку продовольственный кризис в области углублялся, красновский «наркомпрод» созвал в январе 1919 года съезд представителей общественных организаций и ведомств и пришел к выводу, что дело снабжения продуктами продовольствия фронта и тыла находится в тяжелом положении. Политику, проводимую по принципам монополии, «осуществить в жизни не удалось». Съезд признал необходимым в ближайшем будущем отказаться от принципа монополии, постепенно перейти к принципам свободной торговли. Наряду с этим было высказано предложение, может быть, ввести карточную систему с целью сокращения потребления продовольствия (см.: Донские ведомости, 30 января (12 февраля) 1919 г.).

Вандейцы Краснова умышленно кричали о нехватке продовольствия на Дону. На причину кризиса указывали не там, где она коренилась. Продовольственных запасов на Дону было достаточно, но они в основном находились в закромах казаков-кулаков, которых очень заботливо опекало правительство Краснова, ибо это была его опора. Безжалостный нажим оно делало на местных и иногородних крестьян и трудовых казаков. Эти слои стонали от непосильных тягот и поборов.

Как агенты Краснова превращали продразверстку в бесшабашную «грабилровку», показала в своих докладах всезнающая контрразведка Добровольческой армии, то есть свидетель вполне объективный. В сводке за январь 1919 года о настроении крестьян Таганрогского округа она сообщала: «Рабское положение по отношению к казачеству заставляет крестьянина ненавидеть казака от всего сердца и надеяться на что-то лучшее. Будучи далек от большевистских идей (что опроверг сам атаман Краснов. — П.Г.), он под влиянием агитации невольно обращает свой взор в ту сторону, рассчитывая при посредстве большевиков избавиться от ненавистного ига. Казак берет сейчас в деревне все, что угодно. Реквизируется скот, хлеб, масло. Реквизируется не только властью, это само собой, а каждый отдельный приезжий казак считает себя вправе взять от мужика все, что ему заблагорассудится» (выделено мной. — П.Г.). Иногороднее население округа, кроме того, было обязано поставить 800 парных подвод с соответствующим количеством лошадей и упряжи, что, по утверждению контрразведки, вызывало среди крестьян негодование. Информатор рекомендовал командованию Добровольческой армии оградить крестьян от подобных насилий, иначе такая политика «послужит к окончательному повороту крестьянского населения в сторону большевизма» (Южный фронт. Сб. документов. — Ростов-на-Дону, 1962, с. 292).

С возмущением отзывался о красновской продразверстке генерал Деникин, знавший о грабилровке донских крестьян не понаслышке. Он писал: «В районах преимущественного расселения иногородних — Ростовском, Таганрогском и Донецком округах крестьянские села стонали под бременем самоуправства, реквизиций, незаконных повинностей, поборов, чинимых местной администрацией» (Белое движение: начало и конец. — М., 1990, с. 189).

Как видим, даже деникинская сторона, сама далеко не безгрешная в таких делах, была шокирована столь грубой «обираловкой» донских крестьян. Сцен такой разнузданной грабилровки, написанных почти с натуры, немало на страницах шолоховского «Тихого Дона». Особенно впечатляет сцена, когда старик Мелехов в сопровождении невестки Дарьи реквизирует в одном из крестьян

янских хозяйств все, что попадало под руку, до банного котла, вывороченного из банной плиты.

Малейшее сопротивление крестьян вандейцами подавлялось беспощадно, вплоть до угрозы травить бунтующих ядовитыми газами. Так, в ноябре 1918 года газета «Приазовский край» опубликовала приказ командующего Донской армией генерала Денисова атаману Таганрогского округа. В нем говорилось: «Объявите населению Таганрогского округа о том, что мною выделяются химические команды и в случае противодействия законным властям против восстающих будут применены **удушающие газы без всякого сожаления и снисхождения к мольбам о помощи.** Денисов» (Приазовский край, 14(27) ноября 1918 г.; выделено мной. — П.Г.). В ряде случаев против непокорных пускалось в ход вооруженное насилие. Так, о зверской расправе над жителями слободы Степановка рассказал в своих воспоминаниях начальник штаба Донской армии генерал Поляков. В слободу явился казачий карательный отряд. Его встретила вся слобода с оружием в руках. Один каратель был убит, двое ранено, начальника отряда, офицера, взяли в заложники. Получив это известие, командарм Денисов тут же распорядился: «За убитого казака приказываю в слободе Степановка повесить 10 жителей, наложить контрибуцию в 200 тысяч рублей, за пленение офицера сжечь всю деревню. Денисов» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 233). Контрибуция была собрана, зачинщики «на месте повешены».

Подобные расправы на почве реквизиций и мобилизаций происходили во многих местах. «Там, где были крестьянские слободы, — признавался атаман Краснов, — восстания против казаков не утихали» (Дон и Добровольческая армия., с. 54). Вандейцы Краснова обвиняли большевиков в жестокостях против кулачества, срывавшего prodразверстку, но то, что они применяли против крестьян и иногородних Дона, вплоть до отравляющих газов, превосходило карательные меры, применявшиеся советскими prod-отрядами.

Для вовлечения средних слоев казачества в антисоветский мятеж режим Краснова также использовал извращенное толкование советской земельной политики. Ленинский декрет «О земле» пропагандисты режима жульнически выдавали за намерение

Советской власти лишить поголовно всех казаков привилегий в землепользовании. Тем самым казачья верхушка, стремясь парализовать влияние ленинского декрета «О земле» на малоземельные слои донского казачества и крестьянства, совершала грубый обман. Согласно декрету, конфискации подлежали обширные земельные владения донских помещиков (их насчитывалось тогда свыше 4 300 хозяйств) и крупных землевладельцев из казачьих верхов, владевших зачастую сотнями, а то и тысячами десятин плодородных земель. Что касается трудовых казаков, то есть в большинстве своем середняков и бедняков, то советский декрет четко гласил: «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 26).

Скрывая правду о советском декрете о земле, вандейцы Краснова сумели грубым обманом втянуть в мятеж многих трудовых казаков. Для нейтрализации влияния ленинского декрета на трудовых казаков они вынуждены были сделать ответный шаг. Собранный в августе 1918 года Большой войсковой круг принял свой декрет о земле под наименованием: «Положение о принудительном отчуждении частновладельческих (помещичьих, офицерских, дворянских и др.), церковных и монастырских земель в войсковой земельный фонд». Более жалкого противопоставления советскому декрету о земле было трудно придумать. Главное: в красновском «законе» о земле никакой национализацией земли и не пахло. Казачья верхушка просто пополняла свой и без того огромный земельный фонд. То есть богатые становились еще богаче, трудовым казакам и крестьянам выдавали — дырку от бублика. В качестве мелкой подачки обещали за счет этого фонда удовлетворить малоземельных казаков, а также коренных крестьян, но только при условии, если они не участвовали в борьбе против казачества, а таких было более чем мало. Иногородние крестьяне в законе даже не упоминались (см.: Донские ведомости, 3(16) октября 1918 г.). Обещание малоземельным казакам и коренным крестьянам дать хотя бы крошечную добавку земли так и осталось обещанием.

Пустые посулы атаманов в земельном вопросе, как и жульнические проделки с продразверсткой, отозвались в трудовой казачьей среде и крестьянстве, особенно иногороднем, усилением

недовольства этих слоев политикой вандейцев, ростом дезертирства из мятежной армии, антиправительственными выступлениями иногородних, пополнением добровольцами советских кавалерийских частей.

Казачья верхушка во главе с атаманом Красновым ясно сознавала, что она захватила власть против воли большинства населения Дона, провозгласившего Донскую Советскую республику. Раздавить эту волю большинства можно было только особенно жестоким террором в сочетании с вооруженной поддержкой со стороны германских оккупантов. Поэтому режим Краснова с первого дня своего воцарения обрушивает на сторонников Советской власти поток свирепых указов, угрожавших им тюремными застенками, каторгой и арестантскими исправительными отделениями. Еще до вступления Краснова в должность атамана его соратник походный атаман Попов приказывает во всех округах мобилизовать казаков переписей с 1916 по 1912 год включительно в ряды мятежной армии. «Уклоняющиеся от мобилизации дезертиры, — предупреждал генерал Попов, — а равно все ведущие преступную агитацию против борьбы за свободу Дона, будут считаться изменниками родины, предаваться «Суду защиты Дона» и караться со всей строгостью законов военного времени» (Донской край, 4(17) мая 1918 г.). Это наглядное опровержение хвастливых заявлений Краснова, будто в поддержку мятежа валом валило все казачество. И якобы не было никаких угроз неповиновущимся.

Затем наступила эпоха террористического правления самого Краснова. 4(17) мая 1918 года он вступил в управление областью. И его приказы один свирепее другого посыпались как из рога изобилия. В первый же день своего «воцарения» атаман, действуя как неограниченный диктатор, издал приказ, которым он ввел в действие свод основных законов, который он навязал «Кругу спасения Дона», в том числе и главный из них — «Об атаманской власти». Краснову, видимо, показалось мало диктаторских основных законов, и он дал всем отделам (министерствам) специальные указы, как действовать. Военному отделу — всемерно форсировать формирование мятежной армии — главного орудия подавления сопротивления мятежу; Отделу иностранных дел — крепить союз

с германскими оккупантами; Отделу юстиции — «восстановить и вернуть к жизни все существовавшие раньше судебные установления и добиться того, чтобы ни одно преступное деяние не оставалось без возмездия». Свой мятеж, грубо поправший выбор большинства населения Дона, предводитель вандейцев «преступным деянием» не считал. Отделу внутренних дел атаман повелел приступить к созданию наемной милиции из лучших офицеров, урядников и казаков; «установить неослабное наблюдение за внутренним порядком в войске, немедленно арестуя и предавая суду тех казаков и граждан, которые будут возбуждать народ к насильственным действиям и неповиновению. Составить списки казаков и граждан, которые будут оказывать противодействие войсковым частям, служить в Красной гвардии и принимать участие в братоубийственной войне на стороне большевиков, для суда над ними и отобрания от них земли» (Донской край, 10(23) мая 1918 г.). Так главный мятежник цинично ратовал за наведение на Дону кладбищенского порядка и спокойствия и против «братоубийственной войны».

Под стать атаману действовало и руководство Донской армии. Начальник штаба армии генерал Поляков признавался, что он наряду со штабной работой исполнял роль одного из главных полицейских области, уделяя «добрую половину своего времени и во всяком случае не менее, чем фронту, на поддержание образцового порядка в тылу, **зорко следя за настроением в нем и всемерно стремясь в корне задушить случайный бесшабашный разгул** и ввести жизнь в нормальную колею» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 232—233).

14(27) мая 1918 года последовал установочный приказ Краснова о наказаниях противников мятежа. Рассвирепевший атаман повелевал в нем предавать пленных красногвардейцев и гражданских лиц из казаков и иногородних к длительному тюремному заключению, принудительным работам, отдаче в арестантские исправительные отделения, а также на каторжные работы, для чего были открыты каторжные тюрьмы и вводились специальные каторжные команды особого назначения. Жертвами красновской диктатуры стали тысячи противников мятежа (см.: Приазовский край, 17(30) августа 1918 г.).

О том, что представляла собой каторга при власти Краснова, дает представление утвержденное его правительством «Положение о каторжных работах в местах заключения Всевеликого войска Донского». В нем указано, что заключенные, признанные годными к каторжным работам, направляются «либо в каторжное отделение областной тюрьмы, либо в особые каторжные тюрьмы, либо в формируемые каторжные команды особого назначения». Не способные к каторжным работам по возрасту (70-летние и старше) направляются для отбытия наказания в тюрьмы общего устройства, «но содержатся на положении каторжных». Как видно, тюремщики Краснова не давали пощады даже престарелым узникам.

Но верхом садизма режима явилась следующая его установка: **«Каторжные арестанты содержатся в ножных оковах»**. В примечаниях к этому пункту подписавшие этот документ глава красновского правительства генерал Богаевский и министр юстиции Захаров добавили: **«Женщины, осужденные к каторжным работам, также содержатся в оковах ножных, но менее тяжелых»**. Палачи, «обувшие» женщин в оковы, облагодетельствовали их более легкой «обувкой». Жестокость здесь выступила в отвратительной смеси с цинизмом. Но, сделав «облегчение» для женщин-каторжанок, главные тюремщики поспешили с оговоркой: «на прочих (каторжан) сия мера усиления наказания не распространяется» (Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого войска Донского (далее — СУР правительства ВВД), вып. 3 и 4. — Новочеркасск, 1919, с. 205; выделено мной. — П.Г.).

В этом чудовищном по жестокости документе много и других изобретений тюремщиков Краснова. «Снятие оков, когда сие необходимо для производства работ, — говорится в нем, — разрешается начальником тюрьмы лишь на время производства работ». Арестанты на тяжелых работах трудились 12 часов, на более легких — 14 часов, получая за этот каторжный труд 1/10 часть заработка. Ослушники железного распорядка каторги получали наказание: одиночное заключение до 6 месяцев или темный карцер от двух недель до одного месяца, или наложение оков до 6 месяцев и еще более зверские меры за побег.

Все каторжане поступали в разряд так называемых испытуемых. Для осужденных на бессрочную каторгу срок испытаний был 8 лет, для осужденных на 20 лет и более — 5 лет, для осужденных на срок от 15 до 20 годов — 4 года. Только после этого срока, который могли выдержать лишь единицы, каторжане поступали в разряд исправляющихся и освобождались от оков (там же, с. 205—206). Затем каторжане, отбывшие свой срок, должны были поступить на 5 лет под надзор общества. И только после всего этого бывший каторжанин мог покинуть территорию Войска, но без права возвращения в него. Как будто могли объявиться безумцы, прошедшие все эти круги ада, которые захотели бы вернуться на Дон снова.

Приведенный документ показывает, что, пожалуй, ни один из белых режимов **не мог сравниться по бесчеловечности с режимом атамана Краснова**, цинично именовавшим себя «народоправством». Женщина, осужденная на годы каторжных работ и закованная в оковы — этот трагический образ мог бы выразительнее всего служить визитной карточкой каторжного режима Краснова. Жестокость буквально пропитывала все приказы атамана и акты его правительства, направленные на подавление сопротивления мятежникам. «Ввиду исключительности переживаемого момента» Краснов 26 мая (ст. ст.) 1918 года распорядился учредить **военно-полевые суды** во всех полках и более крупных воинских соединениях, а также в гарнизонах и округах. Густую сеть этих чрезвычайек возглавили «тройки» из самых верноподданных лиц. Судить было приказано без лишних формальностей вроде предварительного следствия, при закрытых дверях. Приговор исполнять не позже, чем через сутки. Суду подлежали не только гражданские лица, враждебные режиму, но и пленные красноармейцы. Красновская Фемида была очень щедрой на «меры пресечения» — на каторжные работы сроком от 4-х до 20(!) лет с лишением всех прав состояния, исправительные арестантские отделения от 1 года до 6 лет, арестантские отделения от года до 6 лет, заключение в тюрьму от 2-х месяцев до 2-х лет (см.: СУР правительства ВВД, вып. 1. — Новочеркасск, с. 38—39).

Уже в первый месяц мятежа красновская охранка нахватила такое количество лиц, «арестованных в несудебном порядке

по обвинению в большевистском восстании», что областная судебно-следственная комиссия не справлялась с разбором дел. И атаман 25 июня распорядился учредить судебно-следственные комиссии во всех округах (см.: там же, с 116). И этот разбухший карательный аппарат заработал безостановочно.

Неописуемая ярость охватывала атамана, когда он узнавал о дезертирстве казаков из действующих частей мятежной армии. Утверждая приговор Старочеркасской станицы об исключении из казачьего сословия 22-х таких казаков, лишении их всех прав состояния и высылке за пределы области, атаман сопроводил приговор припиской: «Предупреждаю, что общественные приговоры об исключении из казачьего сословия за дезертирство будут мною утверждаться незамедлительно, а виновные сверх того предаваться военно-полевому суду» (Донской край, 20 июня (3 июля) 1918 г.). Свои угрозы Краснов подтверждал многократно, о чем еще будет речь.

Главу донских вандейцев лишала сна и покоя мысль, что в тылах его режима укрывается много лиц, сотрудничавших с Советской властью. Более того, они пользуются поддержкой со стороны станичников. И правительственный «Донской край» публикует разгневанный приказ атамана: «По имеющимся сведениям, в станицах и хуторах области продолжают не только укрываться, но и пользоваться гостеприимством лица, состоявшие на службе у большевиков. Усматривая в этом одинаковую преступность как со стороны укрывающихся, так и укрывателей, приказываю всем окружным атаманам, под их личную ответственность, а также обязываю станичные и хуторские общества незамедлительно принять меры к розыску всех таких лиц, и по задержании препроводить их в г. Новочеркасск в распоряжение дежурного генерала Всевеликого войска Донского» (Донской край, 3(16) июля 1918 г.). Приказ спровоцировал мерзкую кампанию доносительства и сыска, в результате которой в руки карателей попала не одна сотня противников мятежа.

Подобные же «зачистки» по приказу Краснова последовали в войсках и с тем же печальным результатом для подлинных патриотов. Атаман угрожающе предупредил: ему «доподлинно известно, что в войсках до сих пор остаются на службе офицеры

и казаки, служившие ранее Советской власти» (СУР правительства ВвД, вып 2. — Новочеркасск, 1918, с. 119). И последовала новая волна доносов и арестов.

Как же вело себя трудовое казачество в условиях железной диктатуры вандейцев? Если большая часть казаков-середняков из бывших фронтовиков поддалась антисоветской агитации казачьей верхушки и как бы добровольно взялась за оружие, то другая часть, правда, меньшая, вступила в мятежную армию под зверским напором режима. Она, хотя и подчинилась режиму, но в кризисные моменты открыто фрондировала ему, в чем проявились неизжитые еще настроения, приобретенные на фронтах Первой мировой войны. Эта часть сопротивлялась поголовной мобилизации в армию, выступала против авантюрной и агрессивной политики Краснова, пополняла ряды дезертиров, давала кадры добровольцев в Красную Армию, выводила с боевых позиций целые казачьи полки в знак протеста против продолжения преступной войны против Советской России, как то было в январе-феврале 1919 года в Верхне-Донском округе.

Самодержец Краснов сочинял мифы, будто его мятеж поддержало поголовно все казачество. Но Краснова разоблачил ... сам Краснов. В своих амбициозных воспоминаниях он, сам того не желая, признал, что после молебствий и призывов к мятежу «выходило на фронт очень много. Но по пути **многие отдумывали, других отговаривали жены. Многие останавливались под предлогом «прикурить маленько», отставали и возвращались тихонько домой. Шли больше старики и зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа»** (Дон и Добровольческая армия..., с. 58; выделено мной. — П.Г.).

Как видим, картина хода мобилизации, нарисованная атаманом, не столь уж благостная и вовсе не похожа на всенародный подъем, как о том вещал повсюду Краснов. Весьма примечательна его оговорка насчет казаков-фронтовиков: они вовсе не рвались добровольно вступать в мятежную армию, а «ждали приказа», то есть делали это по принуждению. Трудовой казак, прежде чем взяться за оружие, крепко чесал в затылке, раздумывая: а зачем ему нужна эта война, с которой он может и не вернуться. А когда таких «мыслителей» атаман и его генералы загоняли в строй,

у мобилизованных рядовых казаков широкое распространение получил так называемый «станично-хуторской» патриотизм, главивший: свои станицы и хутора оборонять будем, наступать за их пределы — нет. Краснов обошелся с такими патриотами весьма круто. Он писал о себе в третьем лице, на манер знаменитых древних писателей: «Атаман суровыми мерами расправился с митинговавшими полками, предал полевому суду самовольцев...» (там же, с. 72). Немало «самовольцев» поплатилось за свое упорство тюрьмами, а самые стойкие попали в число тех, кого террористический режим Краснова отправил на вечное упокоение.

Трудовое казачество, втянутое в мятеж либо обманом, либо жестоким нажимом, в значительной своей части испытывало серьезные колебания. Об этих колебаниях доверительно поведал начальник штаба Донской армии генерал Поляков: «Борьба становилась ожесточенной и беспощадной, — вспоминал он о поведении так называемой Заплавской группировки мятежников. — Однако настроение казаков Заплавской группы, нельзя сказать, что было особенно устойчивым. То они горели желанием победить врага или умереть, то вдруг в минуты утомления такая решимость сменялась малодушием. Тогда они глухо ворчали и говорили **о ненужности и бесцельности борьбы с большевиками, которых все равно не победить, ибо за ними стоит вся Россия. Случались и худшие моменты, когда они не прочь были «замириться» с красными и выдать им своих старших начальников.** Такие колебания станичников от нас не укрывались. Приходилось поэтому направлять ум и энергию не только на ведение боевых действий, но зорко следить за настроением дружинников. Надо было все время поддерживать в них бодрость духа и решительно устранять причины и явления, могущие на них действовать отрицательно» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 178; выделено мной. — П.Г.).

У атамана Краснова и его вандейцев при оценке отношения казачества к мятежу явно не сходятся концы с концами. С одной стороны, они укоряют Деникина за то, что он со своими офицерами-добровольцами ведет против большевиков войну классовую, а вот они подняли, в отличие якобы от деникинцев, поголовно все

донское казачество на войну национальную, общеказачью. И Краснов, впадая в патетику, рисует в воспоминаниях «Всевеликое войско Донское» фальшивую картину якобы всенародного подъема в поддержку мятежа. «Все отдавалось за свободу родины — жизнь и достояние, — вещает атаман. — Все лошади были отданы или в строй, или в обозы, коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье и белье» (Дон и Добровольческая армия., с. 98). Но документы той поры, прежде всего приказы, написанные рукой самого атамана, безжалостно разрушают картину, нарисованную им во славу себе и своему режиму.

Карающая рука диктатора Краснова дотянулась и до иногородних, не скрывавших своей вражды к его режиму. Атаман хотел заставить этих постоянно унижаемых на Дону людей защищать интересы казачьих богатеев. Еще в июне 1918 года он приказал призвать иногородних Черкасского, 2-го Донского и Донецкого округов в мятежную армию. Но многие крестьяне Донецкого округа отказались исполнить его приказ. Это вызвало у атамана взрыв ярости. Он объявил всех уклоняющихся изменниками. «Приказываю всех отказывающихся исполнить свой долг перед родиной крестьян вместе с их семьями выселить за пределы области, а имущество их конфисковать в Донскую казну» (СУР правительства ВвД, вып. 3 и 4. — Новочеркасск, 1919, с. 171).

Чересчур лукавил атаман, обвиняя уклонистов в измене родине, ибо белоказачий Дон был для иногородних не матерью-родиной, а злой мачехой.

Нежелающих служить мятежному атаману оказалось немало и в Таганрогском округе. Всюду на Дону жизнь иногородних была горькой. И таганрогцы тоже ответили на приказ Краснова отказом. В своем очередном приказе (конец октября 1918 г.) предводитель мятежа, впадая в истерику, заявлял, что иногороднее население Таганрогского округа недостойно-де высокой чести служить под донскими знаменами. Атаман рвал и метал: «Угар большевизма, как видно, не прошел еще в населении этого округа... Были случаи массового дезертирства и даже уноса оружия, были случаи злостной агитации. Виновные понесли тяжелую, но справедливую кару — они преданы смертной казни...».

Разъяренный атаман отменил призыв иногородних переписи 1918—1920 годов в округе, заменил его военным налогом в 250 руб. с каждого призываемого и, кроме того, назначением на государственные принудительные работы. Налог было велено «взыскать с беспощадной строгостью». А население округа предупреждалось, что если к будущему набору оно «не выздоровеет от большевизма», то все те семьи, в которых окажутся призывники-уклонисты, «будут лишены права на землю, имеющиеся у них земли и имущество будут отобраны в войско.., а сами они будут высланы из пределов войска Донского» (Донские ведомости, 25 октября (7 ноября) 1918 г.).

Начальник штаба Донской армии генерал Поляков высказался об отношении местных крестьян к мятежной армии столь же гневно: «Все казаки до 52-х лет были на фронте... Оставались еще крестьяне Донской области преимущественно старших возрастов. Но рассчитывать на их помощь не приходилось. Искони настроенные к казакам враждебно, они были крайне ненадежны. При первых неудачах они ... расплылись, предавали своих соседей и уводили к красным командный состав. В этом отношении особенно выделялся Таганрогский округ — угольный район. Крестьяне этого округа, призванные в армию, явно проявили свое отрицательное отношение к казачьей борьбе с большевиками. Случаи массового дезертирства с уносом оружия и злостная агитация вынудили донское командование заменить им службу военным налогом и назначением на принудительные тяжелые работы» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 310).

Об изгнании с донской земли иногородних крестьян и конфискации их имущества, как о весьма обычном деле, генерал даже не упоминает. Современные сочинители панегириков о донских вандалях тоже делают вид, что ничего не знают об их проделках. Но они старательно муссируют малейшие факты из архивов о решении советских органов относительно высылки с Дона контрреволюционно настроенных главарей белоказачков и переселении туда сельской бедноты и рабочих из других губерний, хотя эти решения по военным обстоятельствам остались почти нереализованными. Но комья грязи против Советской власти певцы белоказачь-

их «доблестей» не преминули бросить. Такая вот объективность у этих господ-сочинителей.

Итак, мятежники под водительством атамана Краснова и при всесторонней помощи германских оккупантов в течение апреля-августа 1918 года прошли как вандалы по территории Донской области, оставив за собой кровь, смерть и разрушения. Они совершили государственное преступление — свергли народную власть, установленную по воле большинства населения Дона — рабочих, местных и иногородних крестьян и передовой части трудовых казаков. Вандейцы Краснова превратили Дон в одно огромное поле кровавого сражения. Террор против сторонников Советской власти приобрел такой накал и такие масштабы, что в эту ситуацию, крайне трагическую, вынуждено было вмешаться Советское правительство РСФСР. Нарком иностранных дел России Г.В.Чичерин направил 25 августа 1918 года ноту протеста хозяевам Краснова — германскому генеральному консульству в Москве. В ноте говорилось: **Донская область вошла в состав Российской Федеративной Советской Республики волею «подавляющего большинства донского населения, до сих пор остающегося на стороне Советской власти.** Так называемое донское правительство мятежников против Советской власти могло усилиться лишь **благодаря посторонней помощи, давшей ему возможность производить насильственные действия в Донской области, где им уже расстреляно свыше 30 000 приверженцев Советской власти** и где организуемые им при помощи извне банды угрожают сообщениям Российской Республики с Югом» (Документы внешней политики СССР, т. 1. — М., 1957, с. 434—435; выделено мной. — П.Г.). Однако протест был нагло проигнорирован, и преступления вандейцев продолжались.

Патриоты, уцелевшие от рук озверевших палачей Краснова, заполняли донские тюрьмы. Как следует из обзора деятельности Отдела (министерства) юстиции по тюремной части мятежного правительства, только за период с августа 1918 года по февраль 1919-го численность заключенных в тюрьмах Краснова представит в следующем виде (см. в Государственном архиве Российской Федерации: Обзор деятельности Отдела юстиции по тюремной части с августа 1918 г. по февраль 1919 г., с. 13):

Наименование тюрем	Штатное число мест	Среднее число арестантов
Новочеркасская новая	425	2 106
Новочеркасская старая	348	в двух тюрьмах
Донецкая	997	1499
1-я Донская	110	172
2-я Донская	119	216
Ростовская	398	778
Сальская	42	248
Таганрогская	192	628
Усть-Медведицкая	98	803
Хоперская	98	634
Итого:	2827	7084

Как видно из приведенных данных, тюрьмы области были переполнены арестантами в два с половиной раза. Что касается общей численности заключенных (7 034 человека), то эта цифра не отражает количества всех тех узников, которые прошли через руки жестоких тюремщиков за указанное время, так как арестованные постоянно пополняли тюрьмы, а часть их угонялась на каторжные работы или же умирала от невыносимых условий, хотя средняя численность тюремного населения оставалась почти одинаковой. Так что общее количество лиц, попавших в руки тюремщиков за указанный период, было значительно больше, чем указанная цифра в 7 084 человека. Кроме того, к этой цифре необходимо добавить, как минимум, столько же арестованных в первый период мятежа (с апреля по август 1918 г.), когда террор доходил до белого каления. Таким образом, общее число заключенных при Краснове достигало по меньшей мере 14—15 тысяч.

В отчете тюремного отделения вскользь сказано о военнопленных, пополнявших места заключения: «Эти военнопленные, оборванные, грязные и полуголодные, месяцами не видевшие бани, пришли в тюрьму уже зараженные тифом». Здесь их ждали

адские условия, о которых в отчете сказано: «Так как численность арестантского населения значительно превысила нормальное число, то пришлось разместить арестантов в находящихся при тюрьме бараках — кирпичных сараях. При этом тюрьма (Новочеркаска. — П.Г.) еще не была приспособлена для содержания арестантов. В ней не было освещения, водопровода, канализации; одиночный корпус не имел даже временных печей, не везде были замки, стекла в окнах. Часть камер не имела полов, баня не функционировала» (там же, с. 14). Короче, правительство Краснова очень «забылось» о том, чтобы как можно больше своих противников отправить туда, откуда возврата нет. За отчетный период в тюрьмах Дона заболело сыпным тифом 542 узника, умерло 129, возвратным тифом заболело 1 254, умерло 200 человек (см.: там же, с. 15).

В заключение отчета даже свирепый тюремщик обронил слезу сострадания: «В переполненных тюрьмах находятся дети арестованных, ничем неповинные и вынужденные переносить ту же жизненную обстановку...» (там же, с. 18).

Подлинность указанных фактов засвидетельствовал управляющий Отделом (министерством) юстиции Захаров, чтобы апологеты белоказаков, вроде Козлова и Венкова, не вздумали их опровергать.

Самым боевым противником казачьих мятежников были пролетарии Ростова, Таганрога, шахтеры и металлурги Восточного Донбасса. Против мятежников особенно доблестно сражались шахтеры Александровска-Грушевского. Их героизм в защите Советской власти поверг в изумление даже поднаторевших в расправах красновских генералов. Трижды белоказаки предпринимали атаки против шахтерского города, и безуспешно. «Неудачные атаки этого пункта «Северной группой» при содействии наших частей, — вспоминал один из казачьих генералов, — уже подорвали у казаков веру в победу здесь. Неуспешные операции против Александровска-Грушевского следует объяснить не только ошибками и неумением командования «Северной группы» согласовать атаки по времени, но и еще упорством шахтеров. Они здесь защищали свои дома, свое имущество, и проявляли редкую устойчивость» (Поляков И.А. Указ. соч., с 187).

Красный Александровск-Грушевский в Донбассе, как красный Царицын на Волге, продолжал с изумительным мужеством противостоять мятежникам. «На севере, в расстоянии двух переходов от Новочеркасска, — вспоминал генерал Поляков, — еще держался оплот большевиков город Александровск-Грушевский, служа источником неисчерпаемых резервов красных, осевших на ближайших подступах к городу с этой стороны» (там же, с. 205). Против немногочисленных сил защитников города был брошен крупный отряд войск мятежников в составе 6 пеших и 2 конных казачьих полков при 7 орудиях и 16 пулеметах под командованием отличавшегося особой жестокостью полковника Фицхелаурова. В кровопролитных боях янычары Фицхелаурова сумели наконец сломить сопротивление шахтеров и только 25 апреля (ст. ст.) овладеть городом, а потом прошлись, как гунны, по всему угольному району.

Особенно масштабную карательную операцию вандейцы Краснова провели против передовой части казачества под флагом ... «расказачивания». Эта акция своим острием была направлена против тех, кто, вернувшись с фронта на Дон, приветствовал народную революцию и ее исторические декреты, принимал прямое или косвенное участие в разгроме калединского мятежа, в установлении на Дону Советской власти и ее защите от озверевшей казачьей верхушки. Эта изуверская кампания, втянувшая в свой безумный омут десятки тысяч передовых борцов за лучшее будущее трудового казачества, доказала неопровержимо, что казачьего сословия, как единого целого, уже нет, что оно давно раскололось на антагонистические части, что его господствующая верхушка готова бешено сопротивляться грядущим переменам, любой ценой отстаивая свои привилегии, обрекая лучшую часть трудовых казаков и их семьи на безмерные человеческие страдания.

Данная кампания — ничто иное, как геноцид в казачьей среде, о котором апологеты белоказачества вот уже почти 90 лет хранят гробовое молчание. Эти истые макиавеллианцы делают вид, будто этих черных страниц в истории казачества не было. Увы, были! И господам Тряпичкиным этого не утаить. Перед нами пожелтевшие страницы документов, над которыми время не властно. Источник абсолютно достоверный — печатные органы мятежного белоказачьего правительства «Донской край» и «Донские

ведомости» за период господства атамана Краснова. Их дублирует ценнейшими сведениями о той трагической кампании газета «донской общественности» — «Приазовский край», в голосе которой все же угадывается эсеровская ориентация ее издателей. Организация эсеров, как партии якобы социалистической, была категорически запрещена мятежной властью.

Собравшийся в начале мая 1918 года в Новочеркасске так называемый «Круг спасения Дона» — орган мятежных донских станиц и казачьих полков, — среди важнейших постановлений, означавших крутой поворот к прошлым дореволюционным временам, принял постановление о «рассказачивании» красных казаков. В нем говорилось: «Всех казаков, участвующих в советских войсках и большевистских организациях, исключить из казачьего сословия по приговорам подлежащих станичных обществ» (Донская летопись, 1924, № 3, с. 57; Донские ведомости, 4(17) октября 1918 г.). Напомним тем, у кого отшибло память насчет злодеяний мятежных атаманов: это постановление появилось на свет почти за год до издания известной директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года. И никаких истерик со стороны якобы поборников правды истории, царит полное безмолвие, как на кладбище.

С тех пор на основе указанного постановления, выражавшего интересы зажиточных слоев казачества, многие станицы и хутора принимали так называемые приговоры об исключении из казачьего сословия поименованных казаков и их семей и лишения их прав и льгот. До начала сентября 1918 года, когда открылся Большой войсковой круг, занявшийся деталью разработкой закона о «рассказачивании» красных казаков, в отдел внутренних дел поступило по группе исключаемых из казачества 1 400 приговоров (см.: Приазовский край, 20 сентября (3 октября) 1918 г.).

Для примера приведем содержание приговоров, принятых на собраниях станичных сборов Усть-Медведицкой и Владимирской станиц: «На основании постановления Круга спасения Дона от 1 мая (1918 г.) и приговоров Усть-Медведицкого и Владимирского от 8 и 5 августа с. г. за №№ 8 и 226 исключить из казачьего сословия с лишением паевых довольствий следующих лиц, сражающихся в рядах Красной гвардии и находящихся в большевистских организациях: 1) **Усть-Медведицкой станицы** — есаул Илларион

Сдобнов с сыном Иваном, казак Николай Венифатьевич Карпов с женой Дарьей Ананьевной, Даниил Петрович Дьяконов с женой Феодосией Алексеевной, Кирилл Скрябин с женой Лукерьей Степановной, Семен Скрябин (один), Лазарь Авдеев с женой Анной Ивановной, Егор Дормидонтович Александров с женой Прасковьей, Петр Григорьевич Пастушков (один), **Филипп Кузьмич Миرون**ов с женой Степанидой, Яков Зиновьевич Лагутин, Николай Яковлевич Лагутин, выросток Федор Яковлевич Лагутин, казак Филипп Пивоваров, Андрей Тимофеевич Савидов, Ваня Григорьевич Хохлачев, выросток Степан Васильевич Хохлачев и 2) **ст. Владимирской** — казак Иван Иванович Ганан, Яков Иванович Изварин, Иван Васильевич Долгополов, Василий Данилович Чеботарев, Василий Ефимович Кравцов и Георгий Никитович Кошманов с их семьями... Донской атаман генерал от кавалерии Краснов. Управляющий Отделом внутренних дел генерал-майор Каледин» (Донские ведомости, 4(17) октября 1918 г.).

Подобных станичных приговоров, утвержденных атаманом Красновым, с мая 1918 года по начало января 1919-го, было опубликовано в правительственных газетах 54 (из 1 400 приговоров). В них значилось около 1 140 казаков и членов их семей, исключавшихся из казачьего сословия. Учитывая важность вопроса о расказачивании красных казаков, приводим суммарные сведения о станичных приговорах по этому вопросу, утвержденных атаманом Красновым и опубликованных в газетах «Донской край» и «Донские ведомости» за 1918 год (см. *таблицу*).

Что касается остальных сведений о приговорах, поступивших из станиц к началу октября 1918 года в правительство Краснова (общим числом 1 400 единиц), то с начала 1919 года они в печати уже не публиковались. Видимо, атаману Краснову было уже не до подобных публикаций. Его звезда уже закатывалась. Заседавший в то время Большой войсковой круг специальным указом признал переход в массовом порядке рядовых казаков на сторону красных. Отдельные белоказачьи полки подняли восстание на Воронежском участке фронта против авантюрной политики Краснова и ушли с позиций на Дон, а сам атаман со своим окружением, чувствуя провал своих амбициозных планов, приближение своей отставки, наверно, печатно решил не «дразнить гусей», но своих противников продолжал преследовать жестоко и неотступно.

№ п/п	Станицы	Кол-во исключенных из казачьего сословия	№ п/п	Станицы	Кол-во исключенных из казачьего сословия
1	Камышловская	2	19	Мигулинская	1
2	Гундоровская	2	20	Распопинская	9
	Гундоровская	27	21	Романовская	1
	Гундоровская	14	22	Кагальницкая	46
	Гундоровская	1	23	Егорьевская	54
3	Генерал-Ефремовская	1	24	Казанская	1
4	Богаевская	1	25	Семикаракорская	11
5	Усть-Медведицкая	23	26	Цимлянская	47
	Усть-Медведицкая	9	27	Чертковская	1
6	Владимирская	8	28	Каргальская	220
	Владимирская	5	29	Аксайская	19
7	Баклановская	71		Аксайская	10
8	Иловайская	12	30	Алексеевская	63
9	Терновская	102	31	Константиновская	40
10	Гниловская	1	32	Вешенская	1
	Гниловская	16	33	Каменская	9
11	Ермаковская	6	34	Новоалександровская	15
12	Кутейниковская	2		Новоалександровская	21
13	Великокняжеская	40	35	Нижнекундрюченская	37
	Великокняжеская	5	36	Гирковская	7
14	Раздорская	23	37	Грушевская	1
	Раздорская	1	38	Старочеркасская	22
15	Митякинская	2	39	Ногаевская	32
16	Феодосьевская	6	40	Голубинская	56
	Феодосьевская	1	41	Старогригорьевская	13
17	Есауловская	5	42	Еланская	1
18	Зотовская	16			

Итого: по 42 перечисленным станицам было принято 54 приговора, по ним исключено из казачьего сословия 1140 казаков.

Таким образом, имея 54 опубликованных приговора и зная численность поименованных в них красных казаков (1140), можно определить среднее число таких казаков, приходящихся на один приговор. Следовательно, в 1400 приговорах, принятых в станицах, их насчитывалось 29 400 человек. Разумеется, эта цифра не претендует на абсолютную точность, но близкой к реальной она, несомненно, является.

Полученные данные шокируют! Они свидетельствуют о масштабах гонений, чинившихся вандейцами Краснова против сторонников Советской власти на Дону. Еще больше шокирует то, что эта античеловеческая кампания апологетами вандейцев обошлась полным молчанием. Для них не существовало тех страданий и слез гонимых, то есть передовых казаков и членов их семей, в том числе и малолетних детей, подвергавшихся дикой травле со стороны кулацких элементов станиц. Попавшие в черные списки «расказаченных» были лишены казачьих прав и льгот, средств к существованию, окружены стеной враждебности и провокаций, угрозой беспричинных арестов, судов, тюремных заключений.

Как свидетельствуют документы, многие станицы, наряду с «расказачиванием» передовых казаков, принимали решения о высылке за пределы Дона и иногородних. У них была во многом общая судьба с трудовыми казаками. Таких приговоров к началу октября 1918 года, как сообщает газета «Приазовский край», поступило около 300 (см.: Приазовский край, 20 сентября (3 октября) 1918 г.). Это, отмечала газета, было сложное дело, ибо речь шла уже не только о высылке отдельных лиц или групп лиц, но и целых поселений. Словом, в данном случае действительно **имел место геноцид в чистом виде**. Поэтому в связи с неутихающей злобной кампанией донских вандейцев и их наемной адвокатуры по обвинению большевиков в «расказачивании» казаков хочется задать этим господам законный вопрос — **А СУДЬИ КТО?**

Продолжая кампанию гонений против передовой части казаков, Большой войсковой круг, собравшийся 28 августа 1918 года, уделил вопросу преследования «красных казаков» весьма пристальное внимание. Под это беззаконие он выработал соответствующий «закон». Делегаты Круга от кулацкой части казачества дали выход лютой ненависти по отношению к казакам — сторон-

никам Советской власти. Они потребовали исключения из сословия «целых поселений». Страстно дебатировался вопрос «об отобрании у выселяемых их недвижимого имущества, в одних случаях в пользу казачьих семейств, пострадавших от войны, в других случаях — в пользу войска». Столкнулись противоположные мнения и о том, куда высылать «порочных» казаков. Ссылать в ближайшую Екатеринославскую губернию — бесполезно. Они возвратятся обратно, навредят еще больше. Многие требовали направлять их в исправительные рабочие батальоны. «Так они и свободы будут лишены, и польза от них будет хоть какая-нибудь» (Донские ведомости, 20 сентября (3 октября) 1918 г.).

После длительных и пристрастных обсуждений Круг утвердил этот злополучный документ под характерным названием — «Закон о принятии в донские казаки, об исключении из донского казачества и выселении из пределов Донского войска». Правом исключения из казачьего сословия наделялись станичные и хуторские общины, войсковое правительство и суды. Для такого приговора основанием служили политические мотивы: «Исключаются из казачества: а) проявившие активное участие в рядах Красной армии против донского казачества и б) оказывавшие разлагающее влияние на население пропагандой среди него большевизма». Особо позаботились законодатели по части наказания «порочных» казаков. «Определяемое станичными и волостными сходами наказание — выселение за пределы войска Донского, — за невозможностью таковое осуществить на практике, заменяется назначением принудительных работ, срок и порядок производства которых устанавливается Войсковым правительством» (Донские ведомости, 4(17) октября 1918 г.). Иначе говоря, каждый «расказаченный» должен был либо подвергнуться вместе с семьей изгнанию из родных мест, лишившись всякого имущества, либо в качестве арестанта отбывать тяжелые принудительные работы на Дону. Так мстила кулацко-казачья верхушка тем более чем 30 тыс. казаков, которые в станицах и хуторах оказали упорное сопротивление мятежу вандейцев.

Но злобная кампания «расказачивания» захватила и армию. Уже с осени 1918 года начало проявляться ее перенапряжение в непосильной войне против многомиллионной России. Белоказачьи

войска несли огромные потери. Казачья масса истекала кровью, не зная во имя чего. В начале октября 1918 года атаман Краснов издал мрачный приказ, в котором жаловался, что за последние два месяца в армии выбыло из строя 40% рядовых казаков и 80% офицеров (см.: Донские ведомости, 24 октября (6 ноября) 1918 г.). Втянув казачество в несправедливую и непосильную войну против Советской России, побитый атаман Краснов панически метался в поисках пополнения для основательно поредевших войск. Казачьи резервы уже были почти истощены. Поэтому атаман распорядился провести генеральную «зачистку» правительственных учреждений от укрывшихся в них от фронта казаков, а также тыла от скрывавшихся в станицах и на хуторах казаков-дезертиров. Атаман бесновался: давно распорядился это сделать, но приказы его не исполняются. И он снова гневно повелевал станицам и хуторам разоблачать уклоняющихся от отправки на фронт. Чувствовалось, что перенапряжение режима достигает предела (см.: Донские ведомости, 25 января (7 февраля) 1919 г.).

В поисках выхода из тупиковой ситуации Краснову пришлось прибегнуть к мобилизации в армию местных и пришлых (иногородних) крестьян, хотя он неоднократно признавал, что почти все они — большевики. Но другого выхода у мятежного атамана не было. И он издал в октябре приказ о мобилизации неказачьих офицеров «ввиду острой нужды в офицерах на фронте». Не подчинившиеся приказу, неистовствовал Краснов, «будут мною рассматриваться, как дезертиры, и подлежат высылке за пределы Всевеликого войска Донского» (Донские ведомости, 9(22) октября 1918 г.). Вслед за этим последовал столь же угрожающий приказ атамана о поголовной мобилизации военнообязанных крестьян Дона переписей 1910—1915 годов, чтобы пополнить поредевшие ряды казачьих полков. И снова угрозы в адрес непокорных: «Уклоняющиеся от призыва будут преданы военно-полевому суду и после отбытия наказания высланы за пределы войска вместе с их семьями» (Донские ведомости, 25 января (7 февраля) 1919 г.). Ярость Краснова возрастала вместе с ростом напряженности в обществе.

На почве тяжелейших потерь в войсках множились случаи невыполнения боевых приказов, дезертирства и перехода наиболее

сознательных казаков на сторону Красной Армии. У многих наступало прозрение. Преступная война, развязанная Красновым, оказалась для них жестокой, но полезной жизненной школой. С фронтов поступали все более тревожные сообщения о разложении в войсках.

Уже в начале сентября 1918 года генерал Фицхелауров докладывал Войсковому кругу о брожении среди казаков Усть-Медведицкого округа, что сделало их «совершенно небоеспособными». В докладе сообщалось, что «казаки Раздольской, Малодельской, Сергиевской и Етеревской станиц отказались выполнять приказ о вступлении в Саратовскую губернию», «причем, по донесениям войсковых начальников, казаки этих станиц кричали: «Да здравствует Миронов!». Как отмечал генерал, и казаки, и фронтовики, и старики станиц Иловлинской и Качалинской «проявили в отношении наших частей еще большую мерзость и предательство, — они заявляют, что не знают, за что борются, и что им с Красной гвардией лучше жилось, и по отношению войск вели себя вызывающе». Фицхелауров просил Круг о «принятии соответствующих мер против таких изменников и предателей всего нашего казачества» (Южный фронт / Сб. документов..., с. 136—137).

Но число «изменников» и «предателей» в казачьих войсках неуклонно росло. Вскоре после Фицхелаурова перед Кругом выступил командующий мятежной армией генерал Денисов (3 октября 1918 г.). Он забил тревогу по поводу множившихся случаев перехода на сторону красных не только в Усть-Медведицком округе, но и на других участках фронта. Круг тут же отреагировал принятием указа против «изменников» казачьему делу. В нем говорилось: «Войсковой круг по заслушивании доклада командующего Донской армией о том, что в последнее время на разных участках фронта были отмечены факты перехода отдельных казаков и групп на сторону советских войск, каковое явление особенно широко наблюдается в войсках Усть-Медведицкого округа, причем Миронов немедленно мобилизует перешедших на его сторону казаков, и они в рядах красных дерутся против верных сынов Дона, постановил: 1. Признавая переход на сторону врага изменой родине и казачеству, карать изменников по всей строгости закона

применением к ним мер, полагающихся по закону. 2. Если такого рода преступники временно не могут быть достигнуты непосредственной карой, немедленно постановлять приговоры **о лишении их казачьего звания**. 3. К имуществу их **применять беспощадную конфискацию с обращением конфискованного в казну** на предмет пособия пострадавшим от гражданской войны гражданам» (Донские ведомости, 22 сентября (5 октября) 1918 г.; выделено мной. — П.Г.).

Так, к более чем 30 000 казаков, «расказаченных» в тылу, в станциях и хуторах, добавились тысячи тех, кто подвергся этой экзекуции на фронте за переход на сторону советских войск. К ним и случайно попавшим в плен вандейцы Краснова относились с диким озверением. Как свидетельствует начальник штаба Донской армии, «пленным казакам пощады не давали. Были случаи, когда отец сына или брат брата приговаривали к смертной казни» (Поляков И.А. Указ соч., с. 275).

Упорно сопротивлялось мятежу неказачье большинство населения Дона и самый многочисленный его отряд — иногородние (более 1 200 тыс. человек), в основном поддерживавшие Советскую власть. Это подтвердили в своих мемуарах атаман Краснов и генерал Деникин. С этим своим внутренним врагом режим Краснова находился в постоянной конфронтации, то скрытой, то открытой. Корень не остывающей вражды между иногородними и белоказаками лежал в несправедливом распределении между ними донской земли. Свое право на равное с казаками наделение земель иногородние крестьяне заявили во весь голос еще до Октябрьской революции, в мае 1917 года, на областном крестьянском съезде. В резолюции по земельному вопросу съезд постановил: «Земля, как воздух и человек, ничья, является созданием матери-природы и лишь в силу неправильно сложившихся исторических условий она захвачена отдельными лицами и группами, что противно нравственному чувству и сознанию трудового народа... Поэтому съезд постановил, что все земли, включая и казачьи надельные, должны войти в областную часть общенародного земельного фонда, право пользования которым распространяется на всех граждан государства — на казаков, крестьян и иногородних безразлично» (Филипп Миронов. Документы..., с. 8).

На этот крик обездоленных о восстановлении справедливости атаман Краснов, как уже указывалось нами, отвечал с крайним раздражением: «На Дону хозяева только мы, только мы одни... казаки». Эти слова, сказанные во всеуслышание с трибуны Большого войскового круга, отозвались своей несправедливостью в сердцах иногородних. Тем самым Краснов и его вандейцы поставили иногороднее население Дона в лагерь своих врагов. Такая эгоистическая политика верхов казачества естественно привела к плачевным для них результатам. Об этом вынужден был признаться сам Краснов: «Дон раскололся в это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне за малым исключением были большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север Войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Батайск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собою донских офицеров» (Дон и Добровольческая армия..., с. 54). Атаман обронил слезу сострадания в адрес своих преторианцев, но лукаво умолчал о жертвах рабочих и крестьян, потери которых были в 10 раз больше, чем у красновских карателей.

Особенно жестокий характер режима Краснова по отношению к иногороднему населению Дона подчеркнул даже генерал Деникин, союзник белоказаков в войне против Советской России. Он-то знал о положении дел в «царстве» Краснова не понаслышке. «В массе иногороднего населения, — вспоминал Деникин, — большевизм был далеко еще не изжит и только притаился перед силой... По всему краю, как отклик перенесенных бедствий, вспыхнуло чувство мести к большевикам, которыми казаки искренне считали всех иногородних — крестьян и рабочих. Оно проявлялось не только в некультурной массе казачества произволом и дикими самосудами., но и в политике управления внутренних дел, в практике администрации, в работе полиции, знаменитых карательных отрядов Икаева и Судиковского, «наводивших ужас и панику на

население», в деятельности «Суда защиты Дона» и полевых судов» (Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 3., с. 65).

Деникинскую характеристику режима Краснова, как репрессивного и террористического, подтвердил в слегка смягченном виде председатель Большого войскового круга Дона кадет В.А. Харламов. От имени комиссии законодательных предположений Круга он заявил: «В совместном заседании правительства мы указывали на то, что **преследование отдельных лиц по обвинению в большевизме переходило часто в политическую или личную месть, что деятельность карательных отрядов Икаева и Судиковского наводит ужас и панику на население, что печать придушена, что административные посты заменяются часто без разбора, нередко жандармами и полицейскими. Все это не сплывает население вокруг правительства, но окружает власть атмосферой враждебности и отчуждения ...** и на не вызываемое обстоятельствами пользование осадным положением, мы полагали, что необходимость в последнем может ощущаться только в прифронтовой полосе, где выявлена симпатия к большевизму» (Донские ведомости, 6(19) февраля 1919 г.). Такая негативная оценка режима Краснова была высказана как итог его деятельности уже после отставки с поста атамана.

По тылам «царства» Краснова рыскали его карательные отряды. Ростов был терроризирован карательным отрядом войскового старшины Икаева. Градоначальство было буквально завалено жалобами на беззакония, творившиеся чинами этого отряда. Градоначальник полковник Греков, который, по характеристике Деникина, был анекдотической личностью, вынужден был издать приказ, в котором признал: «Много было жалоб на разные незаконные действия чинов отряда войскового старшины Икаева, все жалобы разобраны, виновные наказаны, мною приняты меры, чтобы незаконные действия не повторились бы. Широко оповещаю: никакие вымогательства чинами отряда недопустимы, никакие обыски без моего ордера этими чинами недопустимы» (Приазовский край, 9(22) декабря 1918 г.).

Выведенный из равновесия бесчинствами икаевских стражей порядка, ростовский градоначальник в другом приказе укорял Икаева: «Надоели мне жалобы на вас, надоели мне сплетни,

надоели и слухи о том, что вы грабитель, а я ваш соучастник» (Вечернее время, г. Ростов-на-Дону, 3 января 1919 г.). При всем этом градоначальник оставил Икаева в должности начальника отряда и лишь отстранил его от должности председателя военно-полевого суда при градоначальнике, как отпетого грабителя.

На почве повальных реквизиций продовольствия и разного имущества, а также нескончаемых свирепых мобилизаций между иногородним и местным крестьянством, с одной стороны, и режимом Краснова, с другой стороны, скрытая борьба взрывалась открытым противостоянием. Атаман подтверждал это: «Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали». Выше говорилось о восстании крестьян слободы Степановка и других селений Таганрогского округа, ряда сел во главе со слободой Федоровка того же округа, объединявших население в 50 тыс. человек и выставивших отряд повстанцев общей численностью до 3 тыс. человек, о нескончаемом противоборстве с казаками крестьян севера Донской области, где они преобладали над казаками (см.: Очерки истории партийных организаций Дона / 2-е изд. — Ростов-на-Дону, 1973, с. 484).

Казачьи верхи во главе с атаманом Красновым хорошо понимали опасность противостояния иногородних и коренных крестьян зажиточному казачеству Дона. Ведь крестьяне области составляли большинство ее населения и в силу бесправного положения аккумулировали в себе большой протестный потенциал, угрожавший режиму. Вандейцы Краснова сознавали эту опасность и стремились ее устранить, но прибегали к негодным средствам. Еще в мае 1918 года на «Круге спасения Дона» они приняли постановление о принятии в казачье сословие иногородних, поддерживавших мятеж белоказаков. Но таких лиц оказалось очень мало. Когда была объявлена запись в казачье сословие иногородних за активное участие в борьбе с Советской властью, то с мая 1918 года по 15 января 1919-го, по сведениям Отдела внутренних дел, таких лиц записалось всего 1 068 человек, в том числе 114 офицеров, при общей численности иногороднего населения свыше 1 200 тыс. человек (см.: Отчет о работе Отдела внутренних дел Всевеликого войска Донского за время между 1-й и 2-й сессиями Круга., с. 36). Эти цифры подтверждают, что иногородние проигнорировали

призывы властей вступать в казачье сословие, не доверяя заявлениям вандейцев. Наряду с этим шел процесс выселения иногородних, как и красных казаков, из области за активное противодействие мятежу. К началу октября 1918 года в Отдел внутренних дел поступило около 300 приговоров на выселение иногородних из области (см.: Приазовский край, 20 сентября (3 октября) 1918 г.).

Заманиванием иногородних вступать в казачье сословие нельзя было устранить кричащее противоречие между казаками и иногородними. Надо было менять принцип распределения земель на Дону, на что указал крестьянский съезд Дона еще до Октябрьской революции, потребовав уравнивать все население области в землепользовании. Но этого как раз категорически не хотела казачья верхушка. Именно эта порочная политика вандейцев питала неистребимую вражду между верхами казачества и иногородними, и эта вражда со временем все более усиливалась.

Это понимали более дальновидные политики казачьего сословия. Так, выступая в конце сентября 1918 года на заседании Большого войскового круга, его председатель кадет В.А.Харламов, говоря о взаимоотношениях между казаками и иногородними, подчеркнул, что считает данный вопрос «самым важным для всего казачества, в частности для донского». «Мы, — признал он, — пережили величайшее землетрясение, величайший переворот, опрокинувший вверх дном всю Россию. Волна большевизма захлестнула и Дон. Им были заражены и казаки и крестьяне, последние — больше, так как у них было больше причин к тому...». «Не вечно же казаки и крестьяне будут стоять друг против друга, присматриваясь друг к другу и выжидая случая, чтобы сцепиться» (Донские ведомости, 20 сентября (3 октября) 1918 г.).

Но когда Круг перешел к обсуждению Положения об отчуждении частновладельческих земель, то иногородние крестьяне вообще не попали в списки на получение дополнительных участков из этих земель, а иногородним только пообещали добавки, но до конца нахождения у власти так и не дали. Страсть к умножению богатства взяла у вандейцев Краснова верх над опасностью потерять все.

Противоречия между режимом Краснова и иногородними еще более обострилась осенью и зимой 1918—1919 годов в связи с тяжелыми потерями Донской армии. Их взаимоотношения стали откровенно враждебными. Командование армии стремилось быстрее восполнить массовую убыль личного состава, но казачий ресурс был почти полностью исчерпан. Пришлось обращаться за пополнением к враждебно настроенному иногороднему населению. Летние приказы Краснова о призыве иногородних окончились провалом.

Атаман упорно ждал, когда иногородние «выздоровеют» и начнут массами вступать в армию. Но не дождался. Упомянутый кадет Харламов, выступая перед закрытием Круга (начало октября 1918 г.) с тревогой отметил опасность нарастания вражды между казачеством и крестьянством Дона. Это, полагал он, «один из самых главных и наиболее острых (вопросов), от правильного решения которого зависит успешность дальнейшего внутреннего строительства на Дону». Он подчеркивал, что «в наши дни великих потрясений эта отчужденность стала еще более ощутимой, ибо указанные выше причины не только не уничтожены, но выявились в еще более обостренной форме» (Приазовский край, 21 сентября (4 октября) 1918 г.).

Краснов, страдавший манией величия, на эту опасность смотрел свысока и продолжал пополнять свою изрядно потрепанную армию взрывоопасным людским материалом. Последовали его истеричные приказы о поголовной мобилизации ряда возрастов крестьян, как коренных, так и иногородних, о «зачистке» тыла от уклоняющихся от мобилизации и другие распоряжения мобилизационного характера (см.: Донские ведомости, 25 января (7 февраля) 1919 г.). Но, как отметил в приказе преемник Краснова атаман Богаевский, все усилия Краснова приостановить разложение армии оказались безрезультатны. «Принимавшиеся до сего времени Военным отделом меры по борьбе с дезертирством не дали желательных результатов» (Донские ведомости, 23 февраля (3 марта) 1919 г.).

Сопrotивление иногородних белоказачьей контрреволюции, при всей его разобщенности и стихийности, было важным фактором отпора мятежникам, хотя и оплачено большой кровью иного-

родних. Начальник штаба Донской армии генерал Поляков свидетельствовал: «Что касается неказачьего населения области, то, право, смешно говорить о каком-то среди него воодушевлении (в поддержку мятежа. — П.Г.). Наглядной иллюстрацией высказанного служат хотя бы слободы Орловка и Мартыновка, превращенные иногородними в своеобразные цитадели, о которые в течение долгого времени разбивались все казачьи атаки» (Поляков И.А. Указ. соч., с 231).

Тем временем возмущение авантюристической политикой Краснова все шире охватывало войска на фронте. На Воронежском участке фронта восстал ряд полков, которые самовольно покинули позиции и ушли домой на Дон. Атаман бесновался, издавая один за другим грозные приказы, но остановить развал в войсках уже был бессилен (см.: Донские ведомости, 13(26) января 1919 г.). Выступая 1(14) февраля 1919 года на открытии Большого войскового круга, неудавшийся казачий Наполеон Краснов, скрепя сердце, признал: «Доблесть казачья заколебалась, опустились руки бойцов, угас их дух. Казаки отходят без боя, и почти половина области захвачена большевиками» (Донские ведомости, 2(15) февраля 1919 г.). Это был финал авантюристической политики Краснова, о чем властолюбивый атаман, разумеется, умолчал. Будто к этой катастрофе он и не был причастен. Но за него это сделал Большой войсковой круг, отправив Краснова в отставку сочинять на досуге хвастливые и фальшивые мемуары.

* * *

Вернемся, однако, к завершению «царствования» Краснова, о чем сам атаман сочинил много небылиц, а его апологеты пропагандируют их.

Итак, к концу августа 1918 года мятежные войска Краснова при всесторонней поддержке германских интервентов почти полностью захватили территорию Донской Советской республики и вторглись в пределы Воронежской губернии (Богучарский уезд). Чтобы узаконить беззаконие, в конце августа 1918 года собрался Большой войсковой круг. Атаман намеревался предстать перед Кругом триумфатором. Имея за спиной такого могучего покровителя, как

германские оккупационные войска, он не сомневался, что атаманский пернач вручат ему вторично. Но на пути к этой цели у него оказалось много преград. «У меня, — признавался Краснов, — четыре врага: наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, — мой самый страшный враг — генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники и большевики» (Дон и Добровольческая армия., с. 17).

Что касается немцев, то атаман примитивно лгал, ибо они были его главной опорой, что он засвидетельствовал в посланиях кайзеру. Мощную оппозицию атаману составляла интеллигенция, державшаяся англо-французской ориентации. Она имела сильное влияние в лице кадетской фракции войскового круга, которую возглавлял кадет Харламов, а щедрым финансистом ее был член кадетской партии казачий миллионер Н.Е.Парамонов. Оппозиция упорно подкапывалась под Краснова, яростно обличая его за прогерманскую ориентацию.

Глубокую неприязнь питал Краснов к Деникину, считая его помехой на пути к осуществлению своих честолюбивых замыслов возглавить поход на Москву. Он похвалялся тем, что в числе своих врагов ставил и генерала Деникина. «Генерал, быть может, сам того не понимая, работал на разрушение Донского войска, рубил сук, на котором сидел» (там же, с. 30). Деникин отвечал атаману тем же. Вражда между генералами передавалась личному составу Донской и Добровольческой армий. Донцы прозвали добровольцев «странствующими музыкантами». Из штаба Добровольческой армии им ответили столь же невежливо: «Войско Донское — это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит» (имелись в виду немцы). На что командующий Донской армией не менее язвительно ответил: «Если войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий на ее содержании» (там же, с. 29).

Атаман Краснов категорически отвергал претензии генерала Деникина подчинить Донскую армию своему командованию, мотивируя тем, что Донская армия намного превышала численность воинства Деникина. Поэтому атаман разными хитроумными комбинациями хотел удалить Добровольческую армию с Дона и юга России и толкнуть ее на захват Царицына и Камышина —

городов Саратовской губернии, затем на соединение с мятежным чехословацким корпусом, наемным войском Антанты. Это поставило бы Добровольческую армию под удар немцев.

Деникин разгадал замыслы Краснова и на его уловку не поддался. «Каким образом немцы, — возмущался Деникин, — могли допустить снабжение Добровольческой армии, присоединившейся к Восточному противонемецкому фронту, я не мог понять». Краснов, подчеркивал Деникин, хотел таким образом избавиться и от Добровольческой армии, которая причиняет ему много беспокойств и волнений (см.: там же, с. 260). Он указал на главный побудительный мотив в замыслах атамана: «Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России». Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском, в качестве верховного вождя Южной Российской армии брал на себя задачу — ее руками освободить Россию от большевиков и занять Москву» (там же, с. 210).

Но этого же очень хотел и Деникин. Амбиции двух белых генералов столкнулись, да так, что порой от их столкновения ослепительно искрило, как при коротком замыкании. Распри между ними основательно раскалывали единство действий антисоветских сил на юге России.

Краснов шел к поставленной цели прямо-таки напролом. При полной поддержке своих хозяев — германского командования он в сентябре 1918 года был повторно избран на Круге атаманом. Оппозиция, за спиной которой стояли Добровольческая армия и англо-французские союзники, не смогла помешать этому — продвинуть в атаманы своего человека — генерала А.П.Богаевского. Накануне голосования представитель германского командования майор Кохенгаузен в телеграмме на имя командующего Донской армией осудил происки оппозиции и выразил твердую уверенность в избрании Краснова атаманом. В противном случае, говорилось в телеграмме, германское командование будет вынуждено «воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами» (там же, с. 324). Это был фактический ультиматум Кругу, решивший исход голосования в пользу Краснова. Германский ставленник остался на посту служить и дальше своим хозяевам.

Заветной мечтой атамана стала подготовка к походу на Москву. С этой целью он добился принятия Кругом постановления о переходе границ Войска Донского и захвате городов Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач Саратовской и Воронежской губерний РСФСР (см.: Донские ведомости, 6(19) октября 1918 г.). Это означало объявление белоказацким Доном захватнической войны против РСФСР, что заставляло ее адекватно ответить на агрессию.

С августа и до конца 1918 года на территории Воронежской и Саратовской губерний шли жестокие бои. Командующий Донской армией генерал Денисов, генералы Мамонтов, Фицхелауров, Гусельщиков, Иванов и прочие, возглавлявшие фронты и группировки белоказачков и не менее, чем Краснов, заряженные антисоветизмом, безжалостно гнали казаков в наступление на север. Генерал Краснов вспоминал: «Весь север Войска кипел войною. Орудия непрерывно гремели от Воронежа к Камышину и от Камышина к Царицыну. Два раза здесь казачьи части ген. Мамонтова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить» (Дон и Добровольческая армия..., с. 98). Мобилизуя все и вся, атаман Краснов и его воинство смогли захватить Богучар, Новохоперск, Калач, Бобров, Павловск и были уже в 35 верстах от Воронежа. Особенно яростно белоказаки Мамонтова рвались к Царицыну, были в 12 верстах от Камышина. Так атаман Краснов создавал стратегические позиции для будущего похода на Москву.

Атаман, при всей своей амбициозности и наполеоновских замашках, все же понимал, что одной только Донской армией ему большевиков не победить. По оценке деникинцев, у Краснова на конец 1918 года имелось около 100 тыс. боеспособных казаков, тогда как Красная Армия на начало 1919 года насчитывала уже свыше 1 500 тыс. бойцов. При этом, как замечал Деникин, боеспособность советских войск в результате реформирования во второй половине 1918 года намного возросла. Краснов попытался привлечь себе в союзники Деникина с его Добровольческой армией, но на вторых ролях. «Атаман Краснов, — признавался Деникин, — желал подчинить (себе) или устранить со своего пути Добровольческую армию, какими средствами — безразлично»

(там же, с. 211). Но этот ход у Краснова не прошел. Два генерала разошлись в глубокой взаимной враждебности.

Выручить Краснова поспешили его хозяева — немцы. Будучи связаны Брест-Литовским мирным договором, они не могли в открытую пойти войной против большевиков, но стремились сделать это руками белоказаков Краснова. Для этого они решили помочь Краснову сформировать так называемую Южную русскую армию из монархических элементов, в основном из офицеров, застрявших на Украине после развала фронтов Первой мировой войны. «Генерал Деникин, — жаловался Краснов, — усмотрел в этой армии злой умысел, каверзу, придуманную немцами для того, чтобы ослабить Добровольческую армию и не пускать в нее офицеров из России, задерживая их на Украине» (там же, с. 83). Так в действительности оно и было.

Тем временем формирование Южной армии было перенесено с Украины в захваченные уезды Воронежской и Саратовской губерний. Немцы и Краснов запланировали создать Южную армию в составе трех корпусов: Воронежского, Саратовского и Астраханского, рассчитывая развернуть каждый из них в армию. Но гладко было на бумаге... Краснов с прискорбием подытоживал: «Идея эта успеха не имела. Генерал Деникин препятствовал этой организации» (там же, с. 86). Он отказался дать для этой армии опытные кадры, хотя в Екатеринодаре резерв таких офицеров был переполнен. Поставленный Красновым во главе Южной армии бывший командующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И.Иванов оказался человеком немощным и, по словам Краснова, с расстроенными умственными способностями. Другие командные должности несуществующих полков, штабов и служб заняли люди, стремившиеся увильнуть от фронта. Из 2-тысячного состава Воронежского корпуса боеспособных было не более половины, остальные — это «герои тыла». Краснов более половины офицеров «повыгнал», попросил Деникина заменить их добровольцами, но тот отказал. Пополнение Южной армии рядовым составом тоже обстояло из рук вон плохо, ибо, как отмечал Краснов, «воронежские, харьковские, саратовские и т. д. крестьяне не только не воевали с большевиками..., но шли против казаков». Подводя итог созданию Южной армии, на которую было столько надежд, Краснов

признал, что немцы вручили ему готовый материал, «но материал этот оказался гнилым, и армия распалась, ничего для России не давши» (там же, с. 88).

Зато эта армия «прославилась» зверским обращением с мирным населением. О походе личного состава Воронежского корпуса, штаб которого располагался в Кантемировке, атаман вынужден был сказать: «Вся эта публика наполнила Кантемировку шумом и скандалами. Семенов (генерал, один из руководителей корпуса. — П.Г.) начал водворять по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством. Это так не согласовывалось с обещаниями атамана и его программой, так не соответствовало вожделениям населения, что возбудило общее неудовольствие, вылившееся местами в бунты, усмирять которые приходилось казакам» (там же, с. 91). Военный губернатор Богучарского и Новохоперского уездов генерал Семенов потребовал от местного населения уплатить налоги за прошлый и 1918 год. Даже белогвардейцы оценивали отношение Южной армии к местному населению, как «ужасные» (см.: Белые генералы..., с. 140).

Краснов, конечно же, умолчал о том, что одновременно делали его казаки, но это сделала за него местная газета «Воронежский красный листок». Она писала со слов бежавших от красновских карателей из Богучарского уезда: «В настоящий момент в уезде предназначено к расстрелу 700 человек, для чего прибыл южный казачий отряд в 3—4 тысячи человек, интеллигенция ссылается на 15 лет каторги, крестьяне расстреливаются, население от 15 до 45 лет взято на учет для рытья окопов и для армии. В Богучаре, Павловске, Кантемировке казаки работают в контакте с немцами. Казаки и немцы беспощадно избивают население плетьюми, приговаривая: «Вот вам земля и воля». Во всех местностях, занятых Красновым, помещики восстановлены в правах, которые обложили всех жителей ближайших сел налогом в 3 000 рублей с каждого. Казачий карательный отряд истребляет весь сознательный элемент, матросов истребляют поголовно. Подводы для казаков берутся от плуга, почему поля большей частью остаются незасеянными. У Краснова имеется список со всех местностей, приле-

гающих к фронту, советских работников, которые выступают на митингах. Как передают, население местностей, занятых Красновым, изъявило готовность умереть за Советскую власть, чем быть под казачьим игом» (Южный фронт..., с. 172—173).

Краснов признавался, что рядовая казачья масса не желала переходить границы Войска Донского, и красновским генералам удавалось заставить их наступать «ради добычи, ради грабежа» (там же, с. 75). Станицы отряжали на фронт в свои отряды нескольких «общественных деятелей», которые распределяли добычу, взятую у неприятеля. «Добыча, из чего бы она ни состояла, — свидетельствует атаман, — считалась собственностью отряда и сейчас же шла — одежда и оружие — на пополнение отряда, а остальное отправлялось в станицу, к себе, в дома, или в общую станичную казну» (там же, с. 60). Генерал Деникин считал этот «грех» для казаков традиционным. Иностранные источники подтверждали: «Никакие войска не вели себя более жестоко во время гражданской войны, чем донские казаки, занимающие иногородние деревни» (Белые генералы..., с. 238).

Мятежный атаман Краснов преуспевал, пока его режим опирался на мощь германского оккупационного войска. Но вот грянул гром — ноябрьская революция в Германии и капитуляция кайзеровской армии. И режим Краснова сразу же зашатался. Стало ясно, что это — марионеточный режим, подпираемый иноземным войском. В конце 1918 года германские войска покинули территорию Донской области, и 600-верстная западная граница области оказалась открытой для вторжения со стороны Украины, где разворачивались бурные революционные события и союзник Краснова гетман Скоропадский доживал последние дни. Атаману пришлось спешно снимать войска с фронта для прикрытия западной границы. С уходом немцев Донская армия лишилась регулярно-го снабжения вооружением и боеприпасами. Поражение Германии очень болезненно отразилось на моральном состоянии Донской армии, которая лишилась в лице германской армии своего главного союзника. Германский ставленник Краснов судорожно метался, ища выход из тупиковой ситуации.

Надо отдать Краснову должное: в критический момент он продемонстрировал верх политической изворотливости и из право-

верного германофила мгновенно превратился в пылкого поклонника Антанты. Он ловко пускал перед союзниками слезу, будто поклонником кайзера он стал не по убеждению, а ввиду крайней необходимости. Но ему так и не поверили и измену союзникам не простили. В пример верности союзникам поставили генерала Деникина с его Добровольческой армией и ему отдали все предпочтения. Но амбициозный атаман не хотел смириться с тем, что его звезда уже закатывалась. Его расчет на благожелательность союзников основывался на том, что он возглавлял самое крупное и боеспособное казачье войско и держал в то время главный фронт против большевиков. Эту свою козырную карту Краснов умело пускал в ход на переговорах с англо-французами. Но никакое искусство изворотливости уже не могло помочь ему удержаться на своем посту.

Тем временем приближалась пора, когда Краснову и его генералам предстояло держать ответ за свои действия перед Большим войсковым кругом. Но отчитываться атаману и его окружению, по большому счету, было нечем: фронт, как признал сам Краснов, переживал катастрофу, войска были деморализованы и на ряде участков покидали фронт. Белоказачий Дон от огромного перенапряжения в затеянной им преступной войне против Советской России буквально трещал.

О катастрофе на фронте управляющий Военным и Морским отделами в отчете Большому войсковому кругу (январь 1919 г.) указывал: «В декабре месяце (1918 г.) начался отход наших войск из пределов Воронежской губернии, сначала под давлением противника, а позже и без всякого давления 28-й Верхне-Донской, Мигулинский и Казанский полки бросили позиции и разошлись по своим станицам. Преступный пример частей, забывших свой долг перед родиной, нашел себе последователей. К 25 декабря (ст. ст.) нами были не только очищены вся Воронежская губерния, но на нашем фронте образовался громадный прорыв, так как Верхне-Донской округ не был прикрыт войсками. Этим самым войска Хоперского округа были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение» (Отчет управляющего Военным и Морским отделами и командующего Донской армией и флотом. — Новочеркасск, 1919, с. 11).

Военное командование, виновное в катастрофе на фронте, в отчете Кругу сказало о ней далеко не всю правду, она была еще более удручающей. Атаман Краснов, впав в бессильную ярость, разразился по поводу катастрофы на фронте гневным приказом: «Мигулинский, Казанский и Вешенский полки самовольно покинули фронт, вошли в переговоры с большевиками и предали своих соседей — честных казаков. Они привели с собой агитаторов-красноармейцев и слепо исполняют их приказания» (Донские ведомости, 13(26) января 1919 г.). Атаман угрожал «изменникам» карми, особенно красным казакам Миронова, но изменить ситуацию уже не мог. Так пассивное сопротивление казаков-фронтовиков преступной войне, развязанной Красновым, начало перерастать в активные формы.

При таких «достижениях» своего правления Краснов шел на негодовавший Большой войсковой круг, как на Голгофу. Чувствуя это, он в письме генералу Деникину робко намекнул о возможности своей отставки. «Может быть, — писал он, — оставаясь на своем посту, я приношу более вреда, нежели пользы для Войска, и настало время уйти» (Дон и Добровольческая армия., с 359). Деникин, конечно же, был за уход Краснова, но свое мнение он изложил в вежливой дипломатичной форме: «Это личное дело атамана с Кругом, и вмешиваться в него он не будет».

На Круге выступили Краснов и командующий Донской армией генерал Денисов. Атаман не мог обойти катастрофическое положение на фронте, но его истинные причины и главных виновников постарался скрыть за завесой пышных славословий в адрес Добровольческой армии и союзников, которые вот-вот придут Дону на помощь. Основной гнев Круг обрушил против руководства Донской армии в лице генералов Денисова и Полякова. Речи выступавших генерал Деникин прокомментировал так: «Если в востуме круга в отношении ген. Краснова можно было видеть прежде всего осуждение его общей политики, то враждебность, проявленная всем кругом чрезвычайно остро и ярко к Денисову, была основана в значительной мере на личных его качествах: этот человек обладал исключительной злобностью и самомнением, вооружавшим против него людей».

Оппозиция возлагала главную вину за катастрофу на фронте на военное руководство армии, но включала сюда и атамана. Да он и сам не отрицал своей вины: «Недоверие, выраженное генералам Денисову и Полякову, принимаю на себя как верховный вождь Донской армии... — отметил Краснов. — Мы побеждены болезнью, которая разъела нашу армию...» (там же).

Атаман и его окружение старались оправдаться, сваливая вину за катастрофу на фронте на переутомление фронтовиков, большевистскую агитацию и неприход обещанной помощи союзников. Но Круг, по свидетельству Деникина, поставил в вину Денисову и Полякову, косвенно и атаману, «недостаточную осведомленность о фронте... легковесную самоуверенность... трения с Добровольческой армией... убеждение в период успехов, что справятся собственными силами, и делить победу с кем бы то ни было не хотелось... оповещение фронта о скором прибытии (не прибывшей) союзной помощи...». Наконец, непосещение фронта, «невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии и т. д. и т. д.» (там же, с. 332).

Старания атамана и его ближайших генералов отвести от себя обвинения за катастрофу на фронте не удалось. Баллотировкой все они были отправлены в отставку. Мятежный режим Краснова оставлял после себя в войсках многочисленные и бессмысленные потери, разруху и моральный надлом. Одобрил отставку Краснова и генерал Деникин. Перед выступлением на Круге Краснов униженно умолял Деникина высказаться за оставление его, атамана, на своем посту, уверяя Деникина, что «круг подчинится всякому вашему слову» (там же, с. 360). Но Деникин, выступая перед кругом, дипломатично обошел вопрос об отставке атамана и «того слова, которое хотел услышать генерал Краснов, я по совести сказать не мог...». Неприязнь к Краснову глубоко засела в сознании Деникина. Поэтому тиражирование апологетами Краснова вымысла, будто он по своей воле ушел со своего поста, а не по воле Круга, является очередной фальшивкой.

Итак, черная полоса террористической диктатуры Краснова бесславно закончилась. 2(15) февраля 1919 года генерал издал свой последний, «прощальный» приказ об уходе со своего поста.

Приказ завершался фальшивой мольбой к донцам: «Не поминайте (меня) лихом» (там же, с. 363). Такой пассаж главы донских вандейцев, видимо, был продиктован тем, что атаман хорошо сознавал, как много «лиха» натворил он для Дона и для всей России, за что раньше или позже придется держать ответ.

Но даже в такой момент диктатор Краснов был озабочен тем, чтобы длинный ряд совершенных его режимом преступлений дополнить еще одним — введением на Дону **концлагерей**. Получилось знаменательное совпадение: приказ об этом был опубликован в одном номере газеты с «прощальным» приказом Краснова. Похоже, атаман опасался, чтобы донцы не забыли, что учинением еще одного «лиха» они обязаны ему, Краснову.

Белые режимы всюду вводили концлагеря в связи огромным переполнением тюрем. Так было и на Дону. Поначалу вандейцы Краснова обходились при использовании военнопленных кустарным способом — на манер устройства **восточных базаров работорговли**, как то было в далеком средневековье. Заявки на их использование публиковал Отдел (министерство) торговли и промышленности. В одном из таких объявлений говорилось: «Ввиду избытка военнопленные отпускаются партиями до 1 000 и более человек». Режим Краснова решил усовершенствовать этот средневековый способ и по примеру колчаковского и других белых режимов прибегнуть к организации концлагерей. Приказ об этом назывался — «Об организации использования военнопленных». В приказе сообщалось, что при Отделе торговли и промышленности создается Центральная комиссия по распределению военнопленных. Атаман приказал: «Организовать концентрационный лагерь — в пункте по моему указанию — под общим наблюдением Заведующего военнопленными, которому выработать инструкцию по организации лагеря и с заключением Центральной комиссии представить мне на утверждение» (Донские ведомости, 2(15) февраля 1919 г.).

Завершив этим актом свое тираническое правление на Дону, генерал Краснов отбывал в дальние края, оставляя после себя тяжелейшее наследие. Дон был обескровлен преступной войной против Советской России. Донская армия в результате крупных поражений на фронте сократилась с 60 000 до 15 000 штыков и

сабель и пребывала, по признанию самого атамана, к моменту его отставки в глубоком кризисе. Донская область к концу февраля 1919 года была на 3/4 освобождена от его режима. Итог для крайне честолюбивого генерала, мечтавшего взять Москву, был более чем плачевный. За отставным атаманом тянулся в эмиграцию длиннейший ряд преступных деяний, совершенных им в России и против России.

Еще в октябрьские дни 1917 года он и атаман Каледин **первыми подняли мятеж** против Советской власти, положивший начало Гражданской войне в нашей стране, и потому **первыми** в ряду других **несут ответственность за ее чудовищные жертвы**. Краснов поддержал акт Каледина об отделении Дона от России, образование под эгидой белоказаков Дона Юго-Восточного союза (Дон, Кубань, Терек, горские народы Северного Кавказа и Ставрополье), противостоявшего Центру. Это дало **мощный импульс распаду России, как единого государства**, вызвав цепную реакцию появления сепаратистских режимов на Украине, в Молдавии, Прибалтике, на Кавказе и в других национальных районах. Только триумфальное шествие Советской власти не дало завершить образование Юго-Восточного союза. Но в 1918 году Краснов, придя к власти, опять взялся за свои черные сепаратистские дела: провозгласил создание в противовес центральным районам страны независимой Донской казачьей республики и с новой энергией взялся за сколачивание против Советской России блока враждебных ей буржуазных государств под названием Доно-Кавказского союза, то есть старого Юго-Восточного союза под новой вывеской. Против этой сепаратистской затеи резко выступил даже генерал Деникин.

Весной 1918 года Краснов и его вандейцы возглавили на Дону второй антисоветский мятеж, в результате которого народная власть, установленная на Дону волей подавляющего большинства населения области, была свергнута и буквально утоплена в крови ее сторонников. По неполным данным, около 45 000 ее защитников было зверски истреблено (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия., с. 200; Альманах «Белая гвардия». — М., 2005, № 8, с. 7); десятки тысяч советских солдат, кроме того, погибли на фронте при подавлении мятежа

Краснова; более 30 000 красных казаков было подвергнуто «расказачиванию», с конфискацией их имущества, лишением всех казачьих прав и средств к существованию, были высланы с их семьями за пределы области или отправлены многие из них на каторжные работы в рудники и шахты, а также заключены в тюрьмы. К этой группе гонимых и преследуемых следует приплюсовать те многие тысячи казаков, «расказаченных» по указу Большого войскового круга за переход на сторону советских войск, в рядах которых на конец 1918 года их числилось 30 000, а на конец 1919 года — уже около 40 000 (см.: Гражданская война и военная интервенция в СССР., с. 200). За время правления Краснова около 15 000 противников его режима прошло через тюрьмы. Режим Краснова, по его собственному признанию, вел ожесточенную войну с крестьянством области, местным и иногородним, загоняя крестьян жестоким террором, военно-полевыми судами и расстрелами в мятежную армию, подавляя их восстания, которые, по признанию атамана, «не утихали».

Краснов и его мятежная армия создали против Советской республики опаснейший фронт, являвшийся длительное время главным фронтом Гражданской войны, потребовавшим от Советской власти колоссальных людских и материальных жертв. Подчеркивая важность разгрома белоказачьей контрреволюции, В.И. Ленин в то время писал: «...Без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 277).

На Краснове лежал тяжелейший груз ответственности за предательский союз против России сначала с германским, а затем англо-французским империализмом. Патриотические круги России оценили эти метания Краснова из лагеря в лагерь, как акты национального предательства.

Много еще других черных дел учинил генерал Краснов против России. Но главное свое преступление он совершил в годы Великой Отечественной войны. К этому чудовищному предательству он шел целеустремленно, с хладнокровным расчетом. И неотвратимая расплата за него ждала генерала Краснова впереди.

Представляет большую значимость итоговая оценка правления Краснова генералом Деникиным и сменившим Краснова на посту атамана казачьим генералом Богаевским. Ее особая значимость состоит в том, что первый являлся союзником Краснова в войне против Советской России, а второй был главой правительства при Краснове. Поэтому положение дел в «царстве» Краснова они знали, как никто другой. Их выводы весьма ценны. Главный вывод Деникина: режим Краснова — «реакционный». Это, подчеркнул Деникин, «факт непреложный» (см.: Деникин А.И. Очерки русской смуты..., т. 5, с. 190). И этого не опровергнуть апологетам донских вандейцев.

Данный режим, по мнению Деникина, **«в расчете на казачью силу игнорировал положение иногородних и в ответ вызвал враждебное с их стороны отношение...»**. Декларируя официально «народоправство», «Дон у себя лишал права участия в управлении большую половину неказачьего населения» (там же, с. 189). «Приверженность к «демократическим лозунгам» составляла слабость казачьих политиков, покрывая иногда далеко не демократическую сущность, создавая легенды и неправильные противоположения — «реакции и диктатуры». Вожди белоказачков на словах выдавали себя за поборников «политических свобод» и либерального рабочего законодательства, а практика донских властей применяла неутверждение уставов социалистических партий, вынужденных уйти в подполье, и борьбу как с ними, так и с профсоюзным движением, имея рабочую массу всегда в числе своих недругов» (там же).

Предводители донских вандейцев ратовали за недопущение возврата дореволюционных земельных отношений, а сами держали донских крестьян в черном теле. Они жульнически уклонились от национализации земли, «проведя отчуждение частновладельческих земель — и казачьих и «русских» — в земельный фонд Войска и оставляя за последним право собственности, обязавшись помочь малоземелью коренных крестьян (23% населения), и ничего не обещали другой четверти населения (24%) — «пришлым» крестьянам, на долю которых приходилось лишь 1,3 десятины надельной и купленной земли в среднем на хозяйство. Отчуждение частновладельческих земель стало свершившимся

фактом, а обещанное наделение землей было отодвинуто в отдаленное будущее и подменено взиманием солидной арендной платы, «вызывая недоверие и возбуждение» у обманутых крестьян.

Ничего, по сути, не давая ни местным, ни пришлым крестьянам, белоказачий режим выжимал из них все возможное и даже невозможное. А ведь они составляли почти половину населения Дона. «На донской территории, — отмечал Деникин, — в районах преимущественного расселения иногородних ... Ростовском, Таганрогском и Донецком округах, крестьянские села стонали под бременем самоуправства, реквизиций, незаконных повинностей, поборов, чинимых местной администрацией». Главком вооруженных сил Юга России вспоминал, как к нему летом 1919 года в ставку в Таганрог из задонских волостей прибыла делегация от местных крестьян, которая дышала «страхом и волнением», жалуясь на «горькое их житье». Деникин напомнил также о закрытом заседании Большого войскового круга (март 1919 г.), на котором обсуждался вопрос «о массовом явлении насилий, творимых в задонских станицах отступавшими казаками верхних округов». Отряды обстреливали станицы из орудий. «Потом начинаются насилия над женщинами и девушками и грабежи». Так мстили задонцам за их «нелояльное» отношение к режиму. На предложение применить репрессии против насильников последние угрожающе заявляли о готовности развязать в тылу междоусобную войну. «Суровое время и жестокие нравы», — так подытоживал Деникин внутреннее положение на Дону (там же).

К навязчивой идее Краснова (а затем и Богаевского) о создании на Юге России отдельного от России государственного образования в виде Доно-Кавказского союза генерал Деникин отнесся «резко отрицательно». Он писал: «Проект Доно-Кавказского союза был совершенно искусственной, чисто политической комбинацией, которую проводил ген. Краснов в угоду германцам, видевшим в этой комбинации оплот против зарождавшегося Восточного фронта и одновременно против Добровольческой армии» (Белое движение: начало и конец., с. 202). Создание такого «союза» и его отрыв от России предотвратил только разгром Красной Армией вооруженных сил Юга России, основной

ударный кулак которых составляли белоказачьи формирования Дона, Кубани и Терека.

Не менее убийственную оценку правлению Краснова дал также генерал Богаевский — глава правительства при Краснове, видимо, сам того не желая. В своей первой речи на Круге (февраль 1919 г.) по случаю избрания его донским атаманом Богаевский сделал поистине сенсационное признание: **«Я искренний сторонник народоправства. Я не допущу возобновления у нас темного прошлого»** (Донские ведомости, 12(25) февраля 1919 г.; выделено мной. — П.Г.). Насчет признания правления Краснова «темным прошлым» Богаевский был абсолютно прав: кто лучше его знал это прошлое, так сказать, изнутри, будучи вторым после Краснова лицом во власти, творившим вместе с ним это «темное прошлое». В архивах сохранилось множество документов, подписанных рукой премьера Богаевского и утверждавших террористический режим Краснова. Но, получив из рук Краснова атаманский пернач, новый атаман не испытывал ни малейших угрызений совести за свои прошлые деяния, которые он творил на пару с Красновым. Личность Богаевского была наглядным подтверждением слов генерала Деникина о том, что казачьи политики были весьма падки на демократические лозунги, прикрывавшие зачастую весьма недемократическую сущность их политики. Таких двуликих Янусов, как Богаевский, по свидетельству Деникина, на белоказачьем Дону водилось немало. И, действительно, с первых же шагов на посту атамана Богаевский — этот «искренний сторонник народоправства» — вместе с новым командующим Донской армией генералом В.И.Сидориным перешел в такую яростную атаку на малейшие проявления этого «народоправства», особенно против нежелания рядовых граждан вести преступную войну против трудящихся Советской России, что диктатор Краснов выглядел на этом фоне почти либералом. Именно при Богаевском донские вандейцы неимоверным перенапряжением народных сил и ценой огромных кровавых жертв сумели все же реализовать мечту атаманов Каледина и Краснова (совместно с деникинскими добровольцами) — роковой поход на Москву. И при нем же, атамане Богаевском, донская Вандея была разгромлена Красной Армией и ушла в небытие.

В свете приведенных выше документов и фактов попытки нынешних апологетов донской Вандеи (вроде историков по найму А.И.Козлова и А.В.Венкова) выдать белоказачьи режимы за образцы «народоправства» несостоятельны и ложны. Их мифотворчество разоблачают даже генералы Деникин и Богаевский, знавшие о «темном прошлом» белоказачьего Дона несравненно больше и лучше, чем названные сочинители белоказачьей истории по заказу.

* * *

Отставленный с поста атамана безработный генерал Краснов отправился в дальние края в поисках места, где бы он мог к прежним преступлениям во вред России добавить новые, еще более чудовищные. В сентябре 1919 года он поспешил на помощь генералу Н.Н.Юденичу, наступавшему в то время из Эстонии на Петроград. В Северо-Западной армии Юденича он взялся за пропаганду, которую, как и в Донской армии, успешно провалил. Затем предложил свой полководческий талант на службу генералу П.Н.Врангелю. Но тот, зная о полководческом таланте Краснова не понаслышке, от его услуг отказался, Отвергнутый белой Россией, как отработанный материал, он отбыл за границу, перед которой раболепствовал будучи донским атаманом. Поселился во Франции, затем в милой его сердцу Германии. Занимался литературным творчеством, в котором крайне тенденциозно изображал новейшую историю России и свою роль в ней, как яростного антисоветчика. Восторженно встретил нападение фашистской Германия на СССР, стал активно сотрудничать с нацистами при формировании казачьих частей из казаков-эмигрантов.

В 1942 году, в тяжелейший момент сражения СССР с фашистской Германией, генерал Краснов, как верный союзник нацистов, вдохновлял и наставлял казачью эмиграцию: **«Казак! Помните, вы не русские, вы, казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам. Москва всегда была врагом казаков, давно их эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою, независимую от Москвы жизнь»** (Белые генералы..., с. 164; выделено мной. — П.Г.). Эти слова окон-

чательно дорисовывают образ генерала Краснова, как законченного врага России.

В 1944 году Краснов возглавил Главное управление казачьих войск при гитлеровском министерстве восточных территорий. Под его руководством сформированные казачьи части широко использовались в качестве карателей против партизан Белоруссии, повстанцев Польши, партизан Югославии. Когда в 1918 году Краснов клятвенно заверял союзников, будто сотрудничать с кайзером Вильгельмом заставили его сложившиеся тогда обстоятельства, он просто вульгарно врал. Он шел на предательский союз с германской военщиной сознательно, он был ей предан и тогда и позднее.

После капитуляции Германии английские войска интернировали казачьи части, сосредоточенные в Австрии, разоружили их и передали советскому командованию. Генерал Краснов и ряд белоказачьих офицеров были отправлены в Москву. По совокупности совершенных преступлений Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила в январе 1947 года Краснова к смертной казни. К этой же мере наказания были приговорены известный палач кубанский генерал Шкуро, командир белых черкесов Клыч-Гирей, родственник атамана генерал С.Н.Краснов, казачий генерал Т.И.Даманов и генерал-эсэсовец Х. фон Панвиц. Преступления всех осужденных были безмерны, и они понесли заслуженное наказание.

4. ПОХОД НА МОСКВУ ... НАВСТРЕЧУ КАТАСТРОФЕ

Уволенный с поста донского атамана генерал **Краснов оставил свое «царство» в тяжелейшем состоянии.** Созданный им террористический режим переживал самые мрачные времена. Спинной хребет режима — **армия находилась в глубоком разложении.** Ряд казачьих полков, оккупировавших юг Воронежской губернии, восстал против власти Краснова и его преступной политики и самовольно ушел на Дон.

Наступавшие советские войска освободили от мятежников более половины Донской области, устремляясь к Новочеркаску и Ростову. Дезертирство из деморализованных казачьих полков приняло характер повальной эпидемии. В одном из своих первых приказов новое руководство области — атаман А.П.Богаевский и командующий Донской армии В.И.Сидорин вынуждены были признать, что, несмотря на ряд приказов окружным, станичным и хуторским администрациям, «много малодушных казаков до сих пор безнаказанно скрываются по станицам, хуторам и селениям области, стремясь всеми способами уклониться от службы на фронте, лишь бы спасти себя» (Донские ведомости, 13(26) февраля 1919 г.). Это же подтвердил с крайним раздражением и генерал Деникин, в оперативном подчинении которого с 1919 года находилась Донская армия.

В одном из приказов того времени он буквально бился в истерике, заявляя: «Дальше этого терпеть нельзя: города, деревни и станицы переполнены дезертирами и уклоняющимися от военной повинности, в то время, как армия истекает кровью...» (Донские ведомости, 21 марта (2 апреля) 1919 г.). От казачьего «патриотизма», лицемерно воспетого Красновым, не осталось и следа.

Дон буквально кишел дезертирами — казаками и иногородними. Эта болезнь истощала Донскую армию. С лета 1918 года до весны 1919-го она в своем боевом составе сократилась примерно с 60 тыс. до 15 тыс. человек. Значительными были ее боевые потери. Краснов называл цифру в 30 тыс. павших в боях осенью и зимой 1918 года. Остальную убыль в 10—15 тыс. бойцов, вероятно, составили дезертиры. И Краснов, и Деникин с тревогой отмечали тяжелый кризис, который переживала Донская армия в конце 1918-го — начале 1919 года.

Новое руководство донской Вандеи под давлением Деникина и союзников не оставило идеи атаманов Каледина и Краснова въехать победителями в красную Москву на белом коне и потому начало рьяно разгребать «Авгиевы конюшни», оставленные после себя режимом Краснова. Подчеркнув, что борьба Краснова против дезертирства «не дала желательных результатов», оно объявило против этого «опасного порока» ожесточенную войну, которая затмила все прежние бессильные злобствования атамана Краснова. В ходе этой кампании раскрылась вся глубина разложения, которое переживал белоказачий режим после ухода Краснова. Это ярко высветил чрезвычайный приказ по искоренению массового дезертирства, изданный Богаевским и Сидориним 7 марта 1919 года. Ввиду его особой значимости приведем текст этого «исторического» документа чуть ниже почти полностью в наизидание сочинителям фарисейских од во славу донской Вандеи.

На борьбу с дезертирством встал и запаниковавший Большой войсковой крут, заседавший в это время. Созданная им комиссия выработала программу мер по обороне и восстановлению боеспособности армии, которую всемерно поддержал новый атаман Богаевский. В целях ее реализации он в своем приказе предложил «к неуклонному исполнению» следующие меры:

«1. Из отрядов, сражающихся на фронтах, распоряжениями командующих фронтами выделить особые взводы, полусотни или сотни, составленные из надежных, безупречного поведения казаков, и которым придать **военно-полевые суды**. Задача этих отрядов в полосе до 50 верст глубиной собрать всех оставивших свои части воинских чинов; наиболее преступных из них судить

и на месте приводить приговор в исполнение, а остальных вести с собой от селения к селению и доставлять беглецов в ближайшие воинские части, расположенные в полосе, откуда отряд выслан.

2. В тылу глубже 50-верстной полосы распоряжением окружающих атаманов вылавливать дезертиров также особыми отрядами с приданными к ним военно-полевыми судами и членами Большого войскового крута. Задачи этих отрядов те же, что и в пункте 1-м сего приказа.

3. Временные полевые суды составить из 6 членов: 3 казаков и 3 выборных из числа подлежащих призыву того селения, где происходит суд.

4. Наказания, применяемые судом, должны быть только двух видов: **1) порка розгами или плетью; 2) смертная казнь.**

5. При определении наказания **не стеснять судей никакими законами**, а судить по целесообразности и по совести.

6. Разбор в суде и приведение приговора в исполнение — **не более 24 часов с момента начала суда** (выделено мной. — П.Г.).

7. Наказываются поркой и крупным денежным штрафом и укрывающие дезертиров.

9. Вести учет в частях выловленных дезертиров и уведомлять их под расписку, что в случае повторения побега последует смертная казнь.

Приказ подписали атаман Богаевский и командующий Донской армией генерал Сидорин (см.: Донские ведомости, 23 февраля (8 марта) 1919 г.).

Чтобы те, кому следовало, поняли, что с ними власть не шутит, белоказачья Фемида без промедления издала «Положение о военно-полевых судах». Из этого документа следовало, что учреждались специальные «противодезертирные» суды «скорострельного» характера, которым было приказано руководствоваться не законами, а «целесообразностью», то есть им давался полный простор для беззакония. Подсудимые до есаула включительно присуждались к 50 ударам розгами или плетью; офицеров судили специальные суды, приговаривавшие подсудимых к разжалованию в рядовые без права перевода в другие части. При повторении проступка тем и другим следовала смертная казнь. Дело

в суде рассматривалось не более 3-х суток. Приговор подлежал исполнению через 24 часа. Принесение жалоб и ходатайств на приговор не допускалось (см.: Донские ведомости, 23 апреля (6 мая) 1919 г.).

В истории белого движения той поры было много жестоких приказов. Но подобных приведенному выше и способных соперничать с ним по бесчеловечности, пожалуй, найдется немного. Для белоказачьих верхов Дона приказ, объявлявший истребительную войну против массового дезертирства во имя спасения разлагавшегося режима, был своего рода приказом № 227, изданным за 20 с лишним лет до известного сталинского приказа «Ни шагу назад», появившегося в критические дни обороны Сталинграда во имя защиты советского народа от фашизма. Политические цели у этих приказов были прямо противоположны, но накал борьбы противостоящих сил они выражали очень наглядно. Апологеты донской Вандеи, как и их союзники из лагеря нынешней «демократии», очень любят клеймить Советскую власть за жестокость, проявленную в года Великой Отечественной войны по отношению к изменникам, дезертирам и трусам, ссылаясь часто на приказ № 227. Но они при этом фарисейски обходят, как кот горячую кашу, драконовские приказы белых режимов, подобные процитированному выше приказу вождей донской Вандеи Богаевского и Сидорина. **Этот их приказ придал террору вандейцев высший накал с введением заградотрядов, карательных команд, штрафбатальонов, военно-полевых судов, телесных экзекуций и смертной казни.**

Бурная мобилизационная лихорадка, охватившая Дон после отставки Краснова и его команды, затронула буквально все стороны жизни, связанные с ведением войны. Режим в первую очередь зверски обрушился против дезертиров, устраивая на них облавы, как на диких животных. По станицам и хуторам рыскали карательные и заградотряды, безостановочно работала машина военно-полевых судов, гремели залпы карателей, расстреливавших «беглецов» от войны. Правительственная газета «Донские ведомости» печатала на целые страницы списки дезертиров — казаков и иногородних, которых призывали явиться в части, иначе их ждали военно-полевой суд и смертная казнь. Так, 29 марта был опубли-

кован список 86 казаков-дезертиров и список 134 иногородних-дезертиров. «Всем станичным, волостным, хуторским и сельским властям, — говорилось в документе, — принять энергичные меры для розыска и ареста ниже поименованных лиц. Не явившиеся (до 1.IV) будут преданы вместе с укрывающими их военно-полевому суду» (Донские ведомости, 29 марта (11 апреля) 1919 г.). На следующий день список иногородних-дезертиров увеличился до 449 человек. И это только по одному Черкасскому округу.

Дезертирство, как выражение массового народного недовольства преступной войной, зверски подавлялось режимом атамана Богаевского, который, вступая во власть, клялся, что он истинный сторонник «народоправства». Своим приведенным выше приказом атаман-«либерал» дал еще одно подтверждение правильности вывода генерала Деникина о том, что у донских политиков «приверженность к демократическим лозунгам» зачастую покрывала «далеко не демократическую сущность».

Усиливая войну против дезертирства, власть предпринимала чрезвычайные меры по ликвидации провалов Краснова в материальном обеспечении фронта. Последовали кампании по реквизиции для фронта белья, обуви, верхней одежды, кухонной, чайной, столовой посуды и постельных принадлежностей в городах Новочеркасске, Ростове, Нахичевани, Александровске-Грушевском, Азове, Таганроге и Дмитровске. Реквизиция была объявлена бесплатной. Уклонявшиеся от сдачи вещей подвергались штрафу в 5 000 руб. или тюремному заключению на 3 месяца (см.: Донские ведомости, 7(20) марта 1919 г.).

Были мобилизованы в трудовые дружины студенты высших и средних учебных заведений и даже учащиеся начальных училищ в возрасте с 15 лет. На призывные пункты были призваны студенты, укрывавшиеся от мобилизации на штатных должностях в различных правительственных учреждениях. К обслуживанию санитарных нужд армии были привлечены свободные священнослужители, так как не хватало медперсонала, а лечение раненых и больных находилось в крайне запущенном состоянии. По данным санитарной комиссии Большого войскового круга, в Ростове 13 000 больных лежало на кроватях и около 1 500 — на полу, на вокзале — еще 4 000 больных и раненых; в Новочеркасске более 4 000 боль-

ных размещалось на койках, свыше 900 — на полу из-за отсутствия соломы для изготовления тюфяков (см.: Донские ведомости, 17(30) марта 1919 г.).

В результате жесточайшего нажима новых правителей Дона многие провалы, допущенные при «блистательном» правлении атамана Краснова, удалось выправить. Выловленными дезертирами и дополнительными мобилизациями Донская армия была значительно пополнена. Ее численность, по данным генерала Деникина, возросла с 15 тыс. в начале 1919 года до 45 тыс. в августе 1919 года (см.: Белое движение: начало и конец., с. 116). Улучшилось ее снабжение вооружением и боеприпасами, другими материальными средствами, в достатке доставленными союзниками. **Как свидетельствовал тот же Деникин, войска, находившиеся под его командованием и нацеленные для наступления на Москву, с марта 1919 года получили от Великобритании 558 орудий, 12 танков, более 1,6 млн. снарядов, 160 млн. русских патронов и 250 тыс. комплектов обмундирования и снаряжения.** «Недостаток в боевом снабжении, — признавал Деникин, — с тех пор мы испытывали редко» (Деникин А.И. Очерки русской смуты., т. 4, с. 86). Но главное, **боевая сила донских вандейцев значительно возросла с приходом на Дон Добровольческой армии Деникина, вместе с которой они в июле 1919 года двинулись на Москву, к чему так долго готовились атаманы Каледин и Краснов.**

Донская армия, сведенная в четыре корпуса, согласно известной Московской директиве Деникина, получила приказ наступать на Москву по двум направлениям: 1) Воронеж-Козлов-Рязань и 2) Нижний Оскол-Елец-Кашира (см.: Белое движение: начало и конец., с. 104). Донская кавалерия составила в армии Деникина наиболее многочисленную и боеспособную ее часть. Однако при всем этом она, по отзыву Деникина, страдала опасной болезнью — сепаратизмом, что негативно отразилось на ходе и исходе всего наступления на Москву. «Донская армия, — жаловался Деникин, — представляла из себя нечто вроде «иностранный-союзной». Подчиняясь Деникину только в оперативном отношении, командование Донской армии оказывало ему зачастую пассивное сопротивление. «Переброска донских частей в мой резерв

и на другие фронты, — вспоминал Деникин, — встречала большие затруднения, слушание частных начальников, как, например, ген. Мамонтова, повлекшее чрезвычайно серьезные последствия, оставалось безнаказанным». Во всем этом проявлялось тяготение к преимущественной защите донских границ во вред общей стратегии (см.: там же, с. 191). В течение всего наступления войск Деникина на Москву это «тяготение» проявлялось в том, что донские части, занимавшие правый фланг армии Деникина, явно тяготели к защите границ Донской области, боялись оторваться от них, нарушая тем самым общую стратегию наступления.

Единственным исключением из этого правила явился рейд корпуса Мамонтова по тылам советского Южного фронта. Но и он, в конечном счете, подтвердил то же самое. Рейд корпуса начался в середине августа 1919 года прорывом фронта между Борисоглебском и Бобровом. 18 августа был захвачен Тамбов, 23-го — Козлов, 28-го — Лебедянь. Узнав о неудаче 3-го Донского корпуса в районе Коротояка, Мамонтов самовольно поворачивает ему на выручку, помогает захватить Коротояк, затем важный железнодорожный узел Лиски. Этим, по мнению Деникина, и ограничился его вклад в положительное изменение ситуации на фронте. Перед корпусом отрылись свободные пути и его многоверстные обозы с награбленным имуществом потянулись на Дон. Из 7 тыс. сабель в корпусе едва осталось до 2 тыс. бойцов, остальные с добычей ушли домой (см.: Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 5., с. 122). Полуразвалившийся корпус приказом Деникина был передан из Донской в Добровольческую армию. Но командующий Донской армией Сидорин выступил с сердитым протестом, и корпус снова вернули в Донскую армию, а Мамонтова строптивые донцы возвели в народные герои.

Как показало время, едва ли не самым главным мотивом рейда корпуса стал захват в советском тылу огромной добычи в виде материальных ценностей. Оценивая позже итоги рейда Мамонтова, Деникин писал: «Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовать исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и, сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы новый крупный перелом

в ходе операции» (Белое движение: начало и конец., с. 121). И дополнял: «Обремененный огромным количеством благоприобретенного имущества (апологеты исчисляли обозы корпуса **в 60 верст**), корпус не мог уже развивать энергическую боевую деятельность» (там же, с. 120). Действия Мамонтова ошибочными позже признал и начальник оперативного управления штаба Донской армии полковник В.Добрынин. Он писал: «К сожалению, нужно признать ошибочным поворот корпуса на юг». Движение на Москву дало бы, по его мнению, несравненно больший результат (см.: Добрынин В. Борьба с большевиками на Юге России. — Прага, 1921, с. 81).

В кульминационный период похода генерала Деникина на Москву (октябрь-ноябрь 1919 г.) на главном направлении его движения (Курск-Орел-Воронеж) наиболее боеспособными войсками считались, наряду с Добровольческой армией, казацки корпуса: 2-й Кубанский генерала Науменко, 3-й Кавказский генерала Шкуро и 4-й Донской генерала Мамонтова. Однако к моменту решающих сражений они были, по признанию Шкуро, сильно измотаны боями и ослаблены дезертирством. В корпусе Науменко из числившихся 4 000 было в строю лишь 1 200 бойцов, остальные — в бегах; 3-й корпус Шкуро, по его признанию, как и Кубанский, был сильно подорван дезертирством. 4-й корпус Мамонтова после рейда, по свидетельству Деникина, поредел окончательно (см.: Трагедия казачества. — М., 1994, с. 98).

В этот критический момент на полях сражений появилась сила, оказавшая решающее воздействие на ход вооруженной борьбы в пользу советской стороны, в лице конного корпуса С.М.Буденного (в ноябре 1919 г. преобразованного в 1-ю Конную армию) и сводного конного корпуса Б.М.Думенко. Тем самым острая нехватка кавалерии в советских войсках была частично восполнена. Особенно важным было то, что в сражения с белоказаками и офицерами-добровольцами вступали ранее расказаченные красные казаки и иногородние Дона и Кубани. В свое время изгнанные из родных станиц казачьим кулачеством за свои революционные настроения, они отличались высоким моральным духом и хорошей боевой подготовкой. Как видим, злобная кампания казачьих верхов по расказачиванию красных казаков, в свое время развернутая

атаманом Красновым, «аукнулась» для этих верхов рождением той силы, которая очень помогла разгрому белоказачьей Вандеи. По данным белоказачьих штабов, конница Буденного насчитывала до 15 тыс. бойцов, конница Думенко — 5 тыс. И укомплектованы они были главным образом донскими и кубанскими казаками (см.: Добрынин В. Указ. соч., с. 95).

Генерал Шкуро, испытавший на своей шкуре мощь ударов кавалеристов Буденного, состоявших преимущественно из донских, кубанских и терских казаков, в свое время изгнанных из своих родных станиц за причастность к большевизму, отмечал их поразительное упорство в преследовании противника, то есть шкуровцев (см.: Трагедия казачества..., с. 96). Со Шкуро был согласен и генерал Деникин. При этом он отмечал высокую боеспособность и маневренность кавалерии Буденного и Думенко по сравнению с пехотой. «Конница Буденного и Думенко, — писал он, — состоявшая **главным образом** из донских и кубанских казаков, рвавшихся в родные места, не потеряла боеспособности и активности...» (Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 5., с. 218).

Появление конницы Буденного вызвало панику в командных кругах белогвардейцев. Генерал Шкуро отмечал: «В лице кавалерии Буденного вошел в игру новый и серьезный противник». Бои вокруг Воронежа, который удерживал Шкуро, развертывались, по его признанию, «с инициативой на стороне Буденного» (Трагедия казачества..., с. 95). «Донское командование потребовало, чтобы я перешел в наступление и разбил Буденного. Это было совершенно непосильно для меня. Что мог сделать я с моими 5 000 шашек против 15 000 свежей конницы Буденного». Шкуро категорически отказался выполнять это требование (см.: там же).

Он поспешил в Харьков в штаб Добровольческой армии, где рассчитывал встретить Деникина, чтобы убедить его немедленно принять меры для ликвидации корпуса Буденного. В Харькове Деникина не застал, вел переговоры с начальником штаба и генерал-квартирмейстером Добровольческой армии. Запаниковавший Шкуро старался убедить их в том, что «конная армия Буденного представляет для нас неотвратимую опасность; доказывал необходимость, не теряя времени, напрячь все усилия, чтобы

покончить с ним, хотя бы для этого пришлось отвлечь силы с других участков фронта и отдать вследствие этого территорию даже до Ростова» (там же, с. 98).

План Шкуро был высокомерно отвергнут штабом Деникина. Было решено создать конную ударную группу из наличных сил кавалерии численностью в 10 тыс. сабель под командованием кубанского генерала Улагая. Но из этой затеи ничего не вышло ввиду измотанности белоказачьей кавалерии, в то время как корпус Буденного наращивал сокрушительные удары по войскам Деникина. Так, штаб Донской армии сообщал, что перед конницей Буденного корпус Мамонтова «отходил без особых боев». Донское командование побуждало свою конницу к активным действиям, вплоть до отрешения от должности высших начальствующих лиц, но «ничего сделать не могло, так как конница не исполняла приказов об атаке конницы противника и неудержимо катилась на юг» (Добрынин В. Указ. соч., с. 94).

В ряде успешно проведенных операций — Курско-Орловской, Воронежско-Касторненской, Харьковской, Хоперо-Донской, Ростово-Новочеркасской Конная армия Буденного и сводный конный корпус Думенко проявили себя как главная ударная сила советских войск. При всемерной поддержке стрелковых советских дивизий они внесли решающий вклад в разгром армии Деникина. 7 января 1920 года кавалеристы корпуса Думенко овладели Новочеркасском, а 10 января конники Буденного освободили Ростов (см.: Гражданская война в СССР. — М., 1986, т. 2, с. 197).

Белогвардейское командование, используя благоприятные погодные условия (весеннюю распутицу) и выгодные для обороны водные рубежи Дона и Маныча, решило остановить на этих рубежах победное наступление советских войск и перейти в решительное контрнаступление. **Состоялось крупнейшее за всю Гражданскую войну встречное сражение кавалерийских частей (с обеих сторон в нем участвовало до 25 тыс. кавалеристов), в ходе которого 1-я Конная армия и ударная группа 10-й армии нанесли деникинцам тяжелейшее поражение, в том числе и 1—4-му корпусам Донской армии.**

Судьба войск Деникина была уже фактически решена. Их уцелевшие остатки хлынули в Новороссийск для эвакуации за границу,

или в Крым под начало барона Врангеля, чтобы вскоре повторить кошмарное бегство уже из Крыма, подобное новороссийской катастрофе.

Поражение деникинской армии обнажило все время сохранявшиеся подспудно острые противоречия между «великодержавником» Деникиным и казачьими верхами Дона, Кубани и Терека, неизлечимо болевшими национально-местническим сепаратизмом. Это проявилось в попытках создания еще в октябре 1917 года Калединым Доно-Кавказского союза, продолженных затем режимами Краснова и Богаевского; в постоянных столкновениях между генералами Красновым и Деникиным по вопросам о формах государственного устройства России; в жестокой расправе деникинцев с сепаратистским руководством Кубанской краевой рады (октябрь-ноябрь 1919 г.); в решении казачьего Верховного круга Дона, Кубани и Терека перед бегством из Екатеринодара (март 1920 г.) о разрыве соглашения с Деникиным о совместной борьбе против большевиков и организации самостоятельной обороны казачьих областей. Ко времени эвакуации белогвардейских сил из Новороссийска отношения между Деникиным и командованием Донской армии обострились до последней степени. Командующий Донской армией генерал Сидорин в момент панического отступления измотанных в боях донских частей, стремившихся быстрее эвакуироваться, примчался к Деникину и потребовал погрузки донцов на суда, пригрозив «в случае отказа грузить донские части застрелить Деникина» (Гордеев А.А. История казачества. — М., 2006, с. 628). Угрозы мало помогли Сидорину. Остатки Донской армии (около 27 тыс. штыков и сабель) были блокированы в районе Сочи кавбригадой 1-й Конной армии и частями 9-й советской армии, около 15 тыс. было взято в плен, 12 тыс. удалось уйти в Крым (см.: Гражданская война в СССР., т. 2, с. 209).

Собравшиеся в Крыму остатки Донской армии были сведены Врангелем в 3-й Донской корпус под командованием генерала Абрамова. Корпус участвовал в сражениях в Северной Таврии, в обороне Чонгарского перешейка, но с плачевным концом. Обреченность авантюры Врангеля становилось для белоказачков все более очевидной. О бесполезности дальнейшего кровопролития заговорили даже в верхах донских белоказачков. Штабная газета

«Донской вестник» заявила об этом откровенно. Такая пораженческая акция вызвала взрыв гнева со стороны Врангеля. Он предал военно-полевому суду бывших командующего Донской армией генерала Сидорина и начальника штаба армии генерала Кельчевского, а также редактора газеты дю-Шайла. Подсудимые генералы были разжалованы в рядовые, и суд приговорил их к бессрочной каторге. Но Врангель, видимо, побоялся гнева донцов и заменил приговор всем троим высылкой за границу (см.: Лунченков И. За чужие грехи (казаки в эмиграции). — М.-Л., 1925, с. 20). Кельчевский до самой смерти издавал в Берлине просоветский журнал «Война и мир», а дю-Шайл работал в организации Ф.Нансена по репатриации.

Тем временем авантюра Врангеля в Крыму окончилась катастрофой, как и поход Деникина на Москву. Бегство врангелевцев из Крыма превратилось в настоящий кошмар. По наиболее полным сведениям, из Крыма эвакуировалось около 150 тыс. человек, в том числе до 70 тыс. солдат и офицеров и приблизительно 80 тыс. беженцев (см.: Гражданская война в СССР., т. 2, с. 316).

Для эвакуированных белогвардейских войск началось в Европе подлинное хождение по мукам. Голод, холод, холера, циничное равнодушие — всем этим ответила неблагодарная Европа на страдания десятков тысяч людей, которым она многим была обязана в годы Первой мировой войны. «В Галлиполи и на Лемносе 50 тыс. русских, оставленных всеми, являлись на глазах у все-го мира живым укором тем, кто пользовался их силой и кровью, когда они были нужны, и бросили их, когда они впали в несчастье», — гневно возмущались два белоэмигрантских автора (В.Х.Даватц и Н.Н.Львов) в книге «Русская армия на чужбине», изданной в Белграде (1923, с. 30). Остров Лемнос был по праву назван «островом смерти». И в Галлиполи жизнь, по отзывам его обитателей, «казалась порой беспросветным ужасом» (там же, с. 105).

С мая 1921 года начался переезд эмигрантов в славянские страны, но и там жизнь у них была горькой. В массах белоэмигрантов наступало прозрение. О том, как и чем жила белоказая эмиграция, как зарождалось и ширилось патриотическое движение среди казачьей эмиграции за возвращение на родину, очень

искренне и правдиво рассказал один из эмигрантов казак И.Лунченков в своей книге «За чужие грехи (казаки в эмиграции)». Она вышла в СССР в 1925 году с восторженным отзывом командарма 1-й Конной С.М.Буденного. Прославленный командарм писал в предисловии: «Книгу И.Лунченкова, являющуюся поистине его исповедью, я горячо рекомендую прочесть каждому труженнику — казаку, крестьянину и рабочему... Когда-то заблуждавшиеся, а теперь прозревшие, они — к их числу принадлежит и автор книги — по заслугам бичуют своих бывших «вождей», искренне раскаиваются в совершенных ранее перед Советской властью ошибках» (Лунченков И. Указ. соч., с. 4—5).

Движение среди казачьей эмиграции за возвращение на родину, за разрыв с продажной генеральской верхушкой получило подлинно массовый характер. Патриотические силы этого движения создали в Болгарии свою организацию «Союз возвращения на родину» («Совнарод»), наладили издание газет «На родину» и «Новая Россия». Их агитация имела большой успех. **За 10 лет (с 1921-го по 1931 г.) из Болгарии вернулось на родину 181,5 тыс. казаков и беженцев** (см.: Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. — М., 2001, т. 2, с. 440—441).

Стремление возвратиться на родину среди рядовой массы казачества и солдат оказалось настолько сильным, что оно захватило даже и некоторую часть белых генералов и офицеров. Большой резонанс тогда вызвало обращение группы генералов и офицеров «К войскам белых армий», в котором они заявили о крахе агрессивных планов белогвардейцев, о признании Советского правительства и готовности служить в Красной Армии. Обращение подписали генералы А.С.Секретев (бывший командир донского корпуса, прорывавшего блокаду Вешенского восстания), Ю.Гравицкий, И.Клочков, Е.Зеленин, а также 19 полковников, 12 войсковых старшин, 4 сотника и др. (Лунченков И. Указ. соч., с. 180). В их обращении говорилось: «Солдаты, казаки и офицеры белых армий! Мы, старые ваши начальники и соратники по прежней службе в белой армии, призываем вас всех честно и открыто порвать с вождями белой идеологии и, признав существующее на родине Правительство СССР, смело ехать на родину... Каждый лишний

день нашего прозябания за границей отрывает нас от родины и дает повод международным авантюристам строить свои предательские авантюры на наших головах. Мы должны решительно отмежеваться от этого низкого и подлого предательства нашей родины и всякого, у кого не заглохло чувство любви к отчизне, быстрее присоединяться к трудящимся России... Да здравствует СССР. Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!» (там же, с. 179—180).

Возвращение в СССР многотысячной, более сознательной части военной эмиграции, состоявшей преимущественно из рядовых казаков и солдат, подводило как бы окончательный итог недавно отгремевшей Гражданской войне в России. Оно подтвердило перед всем миром правоту и величие дел тех, кто в рядах Красной Армии защитил завоевания Великого Октября, включая десятки тысяч красных казаков, воевавших под началом Буденного, Думенко, Блинова, Миронова и других военачальников. Десятки тысяч возвратившихся на родину перед лицом всего мира признали несправедный, антинародный характер Гражданской войны со стороны вождей белого движения, раскаялись в поддержке их преступных планов и заявили о готовности загладить свою вину перед трудящимися СССР честным трудом на благо родины. Массовая реэмиграция военных сорвала планы Врангеля, Краснова, Богаевского и их сторонников развязать в России с помощью империалистов Запада новую гражданскую войну. хотя от прежней войны страна все еще не могла прийти в себя. Наступили другие времена.

5. О ЯНВАРСКОЙ (1919 Г.) ДИРЕКТИВЕ ОРГБЮРО ЦК РКП(Б) ПО КАЗАЧЬЕМУ ВОПРОСУ

Немногие решения партии большевиков за годы Гражданской войны подвергались таким яростным нападкам со стороны антисоветчиков разного рода, как Директива Оргбюро ЦК РКП(Б) от 24 января 1919 года по казачьему вопросу. Вокруг этого документа и его практической реализации нагромождено столько вымыслов и домыслов, что его истинное содержание преподносится в совершенно искаженном виде. В результате позитивные и некоторые его ошибочные положения заслоняются примитивной антисоветчиной.

Прежде всего апологеты донской Вандеи изображают дело таким образом, будто январская Директива появилась на свет беспричинно, как якобы выражение «злой воли» большевиков, а не как их адекватный ответ на те чудовищные злодеяния, которые чинили сначала каледицы, а затем особенно красновские палачи. Достигают они этого примитивным жульническим способом: злодеяния донских вандейцев замалчиваются, а ответные действия большевиков на зверства вандейцев преподносятся в жанре средневековых ужасов, хотя **бесчинства, творившиеся режимом Краснова, превосходят действия большевиков многократно**. Это подтверждают сопоставимые цифры жертв с обеих сторон.

Наемные перья вандейцев приписывают январской Директиве большевиков роль детонатора, который якобы вызвал Вешенское восстание (март 1919 г.), открывшее Донской и Добровольческой армиям путь для похода на Москву. Они утверждают: если бы не появилась январская Директива большевиков, не было бы

и Вешенского восстания, а возможно, и наступления Деникина на Москву. Обвинения такого рода беспочвенны и спекулятивны, ибо упомянутая Директива не была первопричиной Вешенского восстания, как это хотят представить наемные адвокаты вандейцев. Мятежи белоказачков вызывались не какими-то отдельными решениями партии большевиков по тем или иным конкретным вопросам, а глобальным противостоянием донской Вандеи народной революции в России.

Как известно, мятежам Каледина и Краснова не предшествовали такие «раздражающие» документы, как январская Директива, тем не менее эти мятежи состоялись. Напомним, калединщина началась в первый день Советской власти, то есть 25 октября 1917 года, когда эта власть еще не успела принять каких-либо актов, касающихся казачества. А мятеж Каледина уже запылал. С мятежом Краснова повторилось то же самое.

Поэтому была бы январская Директива большевиков или ее не было, Вешенское восстание или подобное ему выступление белоказачков состоялось бы. Ибо в штабах Донской и Добровольческой армий, как свидетельствуют документы, шла интенсивная подготовка похода на Москву, в том числе и организация в советском тылу мятежей, подобных Вешенскому. Но они играли подсобную роль в планах белогвардейского командования. Можно даже с большой долей вероятности утверждать, что не будь Вешенского восстания, поход белых армий на Москву все равно бы состоялся. Конечно, мятеж был использован белогвардейским командованием в полной мере, но как частное событие в общем плане подготовки наступления на Москву.

Что ситуация вокруг подготовки Вешенского восстания складывалась именно так, а также, что делали в этом направлении военные штабы белоказачков и деникинцев, подтверждают неопровержимые документы. Так, один из главных руководителей Вешенского восстания сотник П.Кудинов свидетельствовал: «Тут, конечно, контры всех мастей — монархисты, атаманы-богатеи, эсеры — возликовали и давай подливать казачкоманского масла в огонь, давай раздувать его со всех сторон — пламя и полыхнуло» (см.: Прийма К.И. С веком наравне. — Ростов-на-Дону, 1960). В других своих обширных воспоминаниях Кудинов дополнял: «Присланные

по назначению Донского штаба армии 30 обер- и 20 штаб-офицеров учинили дикий саботаж, отказываясь отправляться по назначению, чувствуя унижение и оскорбление, что им приходится подчиняться сотнику, хотя и народному избраннику» (журн. «Вольное казачество», Прага, 1932, № 101, с. 13). Возникшие разногласия как раз отражали разную ориентацию сторон по использованию мятежа: агенты военных штабов стремились подчинить действия восставших общей стратегии военных штабов, ориентированной на подготовку наступления на Москву, местные руководители восстания стремились к решению своих, местных задач. «И только наше близорукое Донское правительство, — отмечал Кудинов, — подчиняясь задачам белых вождей, толкнуло казачество на роковой шаг — пойти на Москву, чтобы навязать русскому народу его вековых угнетателей» (там же). Поэтому после прорыва блокады восставших Кудинов и другие руководители восстания, настроенные подобным образом в отношении планов белых вождей, были уволены в отставку.

Наемные адвокаты донских вандейцев преподносят январскую Директиву большевиков как документ, якобы обвиняющий поголовно все казачество в контрреволюционности. Это — очередная грубая фальсификации. Хорошо известно, что к моменту принятия Директивы десятки тысяч красных казаков сражались против вандейцев в рядах советских войск, а в тылу режима Краснова опять же десятки тысяч казаков были расказачены за поддержку Советской власти. Большевики всемерно поддерживали тех и других казаков, разоблачая злостную ложь о выступлении Советской власти якобы против всех казаков. И в самой Директиве предусматривались нетеррористические меры воздействия на те слои трудового казачества, которые к мятежу не примкнули, но и Советскую власть в то время не поддержали. В Директиве о них говорилось: «К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 178). Все это означало, что **большевики не считали и не могли считать поголовно всех казаков врагами революции**. Но так стремятся представить дело наемные перья вандейцев.

Те, кто очень хотел бы переписать историю Гражданской войны на Дону на свой лад, лицемерно негодуют по поводу жестких мер, намечавшихся в Директиве, в отношении верхов казачества — вдохновителей и организаторов мятежа Краснова. Но **они дружно устраивают заговор молчания в отношении зверских приказов атамана Краснова, указов Большого войскового круга о преследовании казаков, переходящих на сторону Советской власти, постановлений красновского правительства, направленных против тысяч красных казаков и иногородних и написанных рукой осатаневших палачей, и многих других террористических актов.** Эти господа, как истые фарисеи, делают вид, будто всего этого не было. Но все это было и отразилось во множестве сохранившихся документов. В совокупности они воссоздают такую зловещую картину терроризма, которая подчас **недоступна нормальному человеческому восприятию.** Атаман Краснов похвалялся таким накалом зверств своих янычар и восхищался тем, что на Дону отец без колебаний присуждал сына и брат брата к смертной казни за отказ служить мятежному режиму.

Слов нет, январская Директива составлена в жестких и даже жестоких выражениях, но не более жестоких, чем приказы Краснова и указы Большого войскового круга. Не следует забывать: **шла жесточайшая война.** А на войне — как на войне.

Теперь о содержании самой январской Директивы. Ее объективная оценка возможна только при всестороннем учете сложности размежевания казачьего сословия на различные классовые слои и их постоянно изменявшееся соотношение в ходе Гражданской войны. Но апологеты Калединых и Красновых, как черт от ладана, бегут прочь от такой единственно **научной, то есть классовой, оценки событий,** довольствуясь маниловским способом гадания на кофейной гуще, и в результате безнадежно запутываются в неразрешимых противоречиях.

Пример такого маниловского подхода дал сам атаман Краснов. Сначала он провозгласил мятеж общеказачьей войной против большевиков, так как ему очень хотелось представить все казачье сословие, как одно единое целое. Но жизнь безжалостно развеяла эти маниловские иллюзии, и атаману в своих многочисленных

приказах пришлось признать, что единого казачьего сословия нет, что оно разделено на различные социально-классовые группы, действующие каждая в своих классовых интересах.

Составители январской Директивы во введении подчеркнули, что они определяли предстоявшие задачи партии большевиков, «учитывая опыт гражданской войны с казачеством». Этот опыт был оплачен сторонниками Советской власти десятками тысяч жертв и обильно пролитой кровью, утратой на Дону Советской власти, установленной по воле большинства трудящихся области. Утраты были огромные. Отсюда — жесткость и жестокость мер, направленных против виновников этих злодеяний. Как видно из текста Директивы, само ее появление прямо связано с начавшимся в то время наступлением советских войск на антикрасновском фронте, с разложением белоказачьих частей, что создавало весьма благоприятные условия для восстановления на Дону Советской власти и нанесения сокрушительных ударов по казачьей верхушке, двумя мятежами (калединщиной и красновщиной) уже доказавшей, что она была и остается **крайне опасным, агрессивным и абсолютно непримиримым врагом народной революции.**

Главным тезисом январской Директивы был пункт первый, состоявший из двух частей. В первой его части составителями Директивы предлагалось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно» (там же). Такой вывод, сделанный как итог массового кровавого террора при господстве режимов Каледина и Краснова, когда противники этих режимов «истреблялись поголовно», являлся вполне адекватным и оправданным. Иного ответа на чудовищные злодеяния донских вандейцев не могло быть в тех условиях. Поэтому вполне обоснованным является, по нашему мнению, вывод, сделанный авторским коллективом «Очерков истории партийных организаций Дона» о том, что меры подавления верхов казачества, намеченные в январской Директиве, «являлись своевременными и единственно правильными» (Очерки истории партийных организаций Дона. — Ростов-на-Дону, 1973, ч. 1, с. 447).

Вместе с тем столь же однозначной, но отрицательной оценки заслуживает, по нашему мнению, вторая часть первого тезиса,

гласившая: «...провести беспощадный террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Как следует из текста Директивы, здесь имелись в виду те слои казачества, которые не принадлежали к «верхам казачества» и не являлись казачьей беднотой, которая, по общему мнению исследователей, мятеж вандейцев не поддерживала, за исключением отдельных единиц. Короче, имелись в виду средние слои казачества, составлявшие более половины казачьего сословия и в своем большинстве оказавшиеся вовлеченными в мятеж казачьими верхами. В данном случае проявились временные колебания средних слоев казачества между Советской властью и властью буржуазии, то есть явления, которые были характерны тогда для среднего крестьянства таких аграрных районов, как Сибирь и Украина. К таким районам принадлежал и Дон.

Подготовители Директивы уравнивали эти средние слои с казачьими верхами в ответственности за мятеж, хотя роль в нем тех и других слоев была принципиально различной. Верхи были мотором мятежа, его ведущей силой, казаки-середняки ведомыми, зачастую мятежниками поневоле, по принуждению. И меры воздействия на них требовались другие, более щадящие. Уравнение же их в ответственности за мятеж с верхами казачества отталкивало середняков от Советской власти и спланивало вокруг казаков-кулаков. В этом состояла очень серьезная политическая ошибка составителей Директивы.

Позже, когда партия большевиков на мартовском (1919 г.) Пленуме ЦК РКП(б) при руководящем участии В.И.Ленина вскрыла и исправила просчет составителей январской Директивы по отношению к среднему трудовому казачеству, вождь партии в Отчете ЦК РКП(б) VIII съезду партии, имея в виду подобные ошибки по отношению к средним слоям крестьянства в других районах страны, указывал: «...Сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, **удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство.** Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 146; выделено мной. — П.Г.).

Ленинский диагноз допущенных ошибок был, как всегда, и прост и гениален. Но когда готовилась январская Директива, ее составителям, возможно, под влиянием эйфории, охватившей некоторые головы в связи с начавшимся наступлением советских войск на антикрасновском фронте, не хватило ленинской трезвости и прозорливости в оценке ситуации, и они «погрешили чрезвычайно».

Между тем обеспечение прочного союза со средним крестьянством и родственными ему слоями приобретало для России, являвшейся одной из самых мелкобуржуазных стран Европы, 80% населения которой составляли крестьяне, поистине судьбоносное значение. От успешного решения этого вопроса в конечном счете зависел ход и исход Гражданской войны. Это неопровержимо доказал В.И. Ленин на основе анализа итогов выборов в Учредительное собрание в 1917 году. Мелкобуржуазное большинство населения в лице прежде всего крестьянства прошло в эпоху революции и Гражданской войны долгий и трудный путь колебаний и переходов из лагеря в лагерь, пока в конечном счете прочно стало на сторону Советской власти. Этот процесс был особенно мучительным в аграрных районах страны, таких как Сибирь, Украина, Дон, где влияние пролетариата на крестьянство было более слабым.

Выясняя эту зависимость, Ленин писал (декабрь 1919 г.): «Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружались в этих районах с особенной яркостью: сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьяне Урала, Сибири, Украины поворачивают к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт колчаковской и деникинской «демократии», о которой любой газетчик в колчакии и деникии кричал в каждом номере

белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учредилровке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут **окончательно** закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 16—17).

Ленинские выводы о колебаниях крестьянства Сибири и Украины полностью применимы и к поведению среднего казачества Дона с той лишь разницей, что на Дону эти колебания были, пожалуй, еще более мучительными и долгими, чем в Сибири и на Украине. Причин тому было несколько. Как отмечалось в «Тезисах ЦК РКП(б) о работе на Дону» (сентябрь 1919 г.), «Донская область характеризуется крайне слабой промышленностью, малой дифференцированностью и политической отсталостью трудовых масс крестьянства» (Известия ЦК РКП(б), 30 сентября 1919 г.). Рабочий класс в общей массе населения составлял лишь 7%, и его влияние на мелкобуржуазные слои трудящихся было довольно слабым, что соответственно определяло преобладающее влияние на них городской буржуазии и казачьих верхов. Силу последнего воздействия **намного увеличила интервенция германских войск на Дону, ставших главной вооруженной опорой казачьих верхов**, а это придало политике этих верхов чрезвычайную политическую активность и классовое упорство. Белоказачья верхушка, как отмечается в названных Тезисах, умело воспользовалась тем, что «трудовое казачество до последнего времени оставалось скованным тисками казачьей сословности и предрассудков, общности интересов военного казачества» (там же). К сказанному следует добавить, что донской

казачий середняк, как подчеркнуто в Тезисах, был богаче тверского или новгородского кулака, а это определяло большую склонность средних слоев казачества в пользу контрреволюции, особенно при осуществлении продразверстки.

Однако, несмотря на ряд специфических донских условий, ленинский вывод о колебании средних слоев крестьянства ряда районов России в общем виде подтвердился и в поведении среднего казачества Дона. Как известно, казаки-фронтовики (а это в подавляющей массе трудовое казачество), вернувшись с фронтов Первой мировой войны, поддержали большевиков, давших людям труда мир и справедливое решение извечного вопроса о земле, свергли правительство Каледина и установили на Дону Советскую власть. Донские вандейцы в лице казачьей верхушки оказались бессильны помешать этому. Они затаились и ждали своего часа, то есть прихода на Дон германских оккупантов. С ними вандейцы во главе со своим вождем генералом Красновым вступили в противоестественный союз и, опираясь на их силу, повели бешеное наступление на Советскую власть и ее сторонников. Для привлечения на свою сторону трудового казачества они развернули злобную клеветническую кампанию против советской продовольственной политики, а также земельной политики большевиков, изображая последнюю как якобы намерение большевиков лишить поголовно всех казаков привилегий в землепользовании, в том числе и трудовых казаков. На эти провокационные действия верхов откликнулось, к сожалению, немало трудовых казаков.

Передвижка в расстановке классовых сил на Дону в пользу организаторов мятежа Краснова обеспечила его временный успех и падение Советской власти. Большинство трудовых казаков (а это были глазным образом середняки) в результате обмана и принуждения пошло за казачьей верхушкой против Советской власти. Поворот средних слоев казачества к поддержке своей буржуазии на Дону состоялся, как это было с родственными слоями крестьян на Украине и в Сибири. **Такова суровая правда истории. Из всех боеспособных казаков, по сведениям Казачьего отдела ВЦИК, в Красную Армию вступило примерно 18—20%, то есть одна пятая часть, большинство остальных так или иначе**

временно пошло за Красновым. Эти данные подчеркивают всю силу колебаний средних слоев на Дону.

Но каждый новый день террористический режим вандейцев все больше убеждал трудовых казаков, что они воюют за чуждые им интересы, что эта несправедливая война несет им только разорение и смерть. И в среде рядового казачества появляются первые проблески того прозрения, о котором говорил Ленин относительно крестьян Сибири и Украины. 1919 год начинается в тылу армий Колчака и Деникина мощным партизанским и повстанческим движением, которое к концу года перерастает в открытую вооруженную борьбу против этих белых режимов. На Дону к концу 1918 года в Донской армии растет дезертирство, о чем свидетельствуют доклады командования армии Большому войсковому кругу и свирепые приказы атамана Краснова. В январе-феврале 1919 года это «полевение» рядовой массы казаков проявляется фактически в восстании семи казачьих полков на северном участке Южного фронта, которые в знак протеста против продолжения Красновым захватнической войны самовольно покидают оккупированную ими территорию Воронежской губернии и возвращаются на Дон, где их поддерживают родственные им станицы Вешенская, Мигулинская, Казанская и другие (см.: Южный фронт / Сб. документов. — Ростов-на-Дону, 1962, с. 327). Позиция восставших — переговоры с большевиками о мире и окончании преступной войны. И Краснов, и Деникин оценили эти события как серьезный кризис.

Учитывая состояние войск противника, советские армии Южного фронта 4 января 1919 года перешли в наступление и к началу февраля освободили от белоказачьих ряд верхнедонских станиц. В Директиве Главного командования Красной Армии Южному фронту от 1 февраля отмечалось: «Противник против войск Южного фронта разбит и отступает за Дон. Казаки расходятся по станицам. В красновских войсках полное разложение» (там же, с. 333).

Время, однако, показало, что в данном случае советское командование допускало определенную переоценку глубины кризиса в красновских войсках. Он был намного слабее того кризиса, который в то время имел место в деникинском и особенно в кол-

чаковском тылах. Впереди еще были серьезные колебания рядовых казаков в сторону поддержки донских вандейцев: Вешенское восстание, участие их в походе на Москву в составе деникинской армии. Словом, до окончательного преодоления колебаний, о которых говорил Ленин, на Дону было еще далеко.

Как же могло возникнуть такое положение, чтобы в то время, когда обозначился поворот средних слоев крестьянства к поддержке Советской власти и РКП(б) под руководством Ленина приступила к выработке курса на прочный союз с этими слоями, от имени партии большевиков могла появиться Директива, некоторые положения которой прямо противоречили ленинскому курсу? Над этой несообразностью многие исследователи до сих пор ломают в дискуссиях копья, допуская зачастую много спорных суждений.

В связи с этим представляют большой научный интерес те критерии, которыми руководствовалась партия большевиков при определении курса на союз с середняком. Еще в конце ноября 1918 года Ленин, внимательно следивший за поведением трудящегося крестьянства в тылах Колчака и Деникина, прозорливо усмотрел в его настроениях начало поворота к сотрудничеству с Советской властью. Это было явление огромного политического значения. И Ленин оценил его соответственно. Он подчеркнул: «Этот поворот — **не случайный, не личный**. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства, или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 215—216). Обосновывая стратегический курс партии, Ленин указывал: «Беспощадно подавляя буржуазию и помещиков, мы должны привлекать к себе мелкобуржуазную демократию». Она, как известно, представляла огромное большинство населения страны. За несколько дней до открытия VIII съезда РКП(б), одобрявшего ленинский курс на союз с середняком, вождь разъяснял: «...Средний крестьянин, который не эксплуатирует других, который живет своим хозяйством, которому хлеба приблизительно хватает, который не кулачествует, но который к бедноте не принадлежит. Такие крестьяне колеблются между нами и кулаками. Небольшое число их может

выйти в кулаки, если повезет, поэтому их тянет к кулакам, но большинство в кулаки выйти не могут... средний крестьянин колеблется. Сегодня он за нас, а завтра за другую власть; часть за нас, а часть за буржуазию. И в программе, которую мы будем принимать через несколько дней, мы против всякого насилия по отношению к среднему крестьянину. Это наша партия заявляет. Если бывают аресты, мы их осуждаем и будем исправлять. По отношению к кулаку — за насилие, по отношению к среднему крестьянину — против насилия... Если это бывает на местах — это злоупотребление, за которое смещают должностных лиц и предадут суду. Этот вопрос крупный» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 14—15).

Поскольку Директива Оргбюро ЦК РКП(б) в той ее части, которой предусматривались репрессивные меры против участвовавших в мятеже средних казаков, причем меры, которые намечались и по отношению к кулацкой верхушке и прямо противоречили курсу партии на союз с середняком, в том числе и со средним казачеством, Пленум ЦК РКП(б), собравшийся 16 марта с участием Ленина за два дня до открытия VIII съезда партии, это противоречие устранил и допущенную ошибку исправил. В постановлении Пленума говорилось: «Ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону и поскольку северное казачество может содействовать нам, мы приостанавливаем применение мер против казачества и не препятствуем их расслоению» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 163). Тем самым классовый подход к оценке поведения различных слоев казачества был восстановлен.

Постановление Пленума было принято по заявлению члена Реввоенсовета Южного фронта Г.Я.Сокольников, то есть органа, который, как непосредственный исполнитель январской Директивы, первым ощутил ошибочность некоторых ее положений. Сокольников заявил, что постановление это «невыполнимо для донского казачества и что в Донской области есть резкая разница между Севером и Югом, которая делает излишним вмешательство наше» (там же). В данном случае, очевидно, представитель Реввоенсовета Южного фронта имел ввиду восстание нескольких казачьих полков и станиц севера Донской области против режима

Краснова в начале 1919 года. Это очень важное обстоятельство косвенно подтвердило и командование Донской армии. Начальник ее штаба генерал Поляков признавал: «Северную половину области пришлось с боем очищать от большевиков и от казаков, причем «порыв» последних выразился ... в том, что они пополнили собой казачьи красные дивизии и с необыкновенным ожесточением защищали от нас свои станицы и хутора» (Поляков И.А. Указ. соч., с. 230).

В связи с тем, что среди критиков январской Директивы Оргбюро ЦК есть немало тех, кто утверждает, будто применение репрессивных мер против всех казаков — участников мятежей продолжалось и после принятия постановления мартовского (1919 г.) Пленума ЦК РКП(б), необходимо подчеркнуть, что это очередное фарисейство с целью дискредитации политики РКП(б). Репрессивные меры, намеченные январской Директивой Оргбюро ЦК РКП(б), отменялись в отношении трудового казачества, но не казачьих верхов. Ибо мятежи Каледина и Краснова наглядно показали, что в лице кулацких верхов казачества проявил себя вооруженный враг Советской власти, крайне жестокий и опасный. Поэтому Ленин, участвовавший на мартовском Пленуме ЦК РКП(б) при обсуждении и исправлении просчетов, допущенных составителями январской Директивы Оргбюро ЦК, через два дня после Пленума в Отчете ЦК партии VIII съезду четко, однозначно подчеркнул: «...Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 145). А это означало, что меры подавления выступлений верхов казачества, намеченные в январской Директиве, оставались в силе.

5 апреля 1919 года Реввоенсовет Южного фронта срочно сообщил реввоенсоветам входивших в него армий, а также донским окружным ревкомам и, для сведения, в ЦК партии и в Реввоенсовет республики подробную Директиву об осуществлении политики, намеченной мартовским Пленумом ЦК РКП(б). Подчеркнув необходимость беспощадного подавления попыток организуемых кулачеством мятежей в тылу, Реввоенсовет указал: «В то же время в отношении мирных районов не прибегать к массовому террору, преследовать только активных контрреволюционеров,

не предпринимать мер, могущих остановить разложение казачества, строжайше преследовать произвольные реквизиции, тщателью организовать расплату за законные реквизиции и поставку подвод, не допуская реквизиций рабочего скота. Абсолютно воспретить взимание контрибуции, организованное обложение чрезвычайным налогом производить только по особому распоряжению Реввоенсовета Южфронта. Немедленно приступить к составлению списков граждан, понесших убытки от действий контрреволюционных банд, грабежей, незаконных поборов. Беспощадно карать всех должностных советских лиц, виновных в злоупотреблениях» (Филипп Миронов. Документы., с. 177).

Поскольку январская Директива Оргбюро ЦК РКП(б) вызвала среди антисоветчиков разного рода злобную реакцию и сегодня широко используется в обвинении партии большевиков в якобы беспричинном и огульном «расказачивании» казаков, очень важно остановиться на обстоятельствах принятия этого документа. В этих обстоятельствах имеется ряд неясных, противоречивых моментов. Прежде всего остается открытым вопрос, кто являлся инициатором подготовки документа, поскольку нет сведений о лицах, участвовавших в заседании Оргбюро ЦК 24 января 1919 года, о ходе обсуждения Директивы и мотивировки ее принятия. При этом важно отметить, что само Оргбюро было создано лишь 16 января 1919 года в составе Свердлова, Крестинского и Владимирского. Непосредственной задачей этого органа были тогда организационная подготовка VIII съезда партии и решение внутривпартийных вопросов. Оргбюро не обладало правом принимать постановления по крупным общеполитическим вопросам и по установившейся позже традиции передавало такие вопросы на рассмотрение в Политбюро или на Пленумы ЦК РКП(б).

В данном конкретном случае при рассмотрении столь важного и острого вопроса «об отношении к казакам» Оргбюро превысило свои полномочия и, видимо, поэтому на места Директива была послана уже как директива ЦК РКП(б), а не Оргбюро ЦК. Видимо, поэтому и потребовалось к ней сопроводительное письмо Я.М.Свердлова от 29 января. При таком своеобразном прохождении этой Директивы о ее принятии вполне могли не знать многие члены ЦК партии. В частности, есть свидетельство, что о ней

не знал тогда и Ленин. По данным историка Р.А.Медведева, ссылающегося на свидетельство комиссара Казачьего отдела ВЦИК Макарова, Ленин после известной беседы с Ф.К.Мироновым по поводу репрессий против белоказаков сказал: «Жаль, что вовремя мне этого не сообщили» (журн. «Подъем», Воронеж, 1989, № 3, с. 17—18). О негативном отношении к Директиве Оргбюро ЦК многих членов ЦК РКП(б) свидетельствует хотя бы тот факт, что на Пленуме ЦК партии они проголосовали за приостановку реализации Директивы Оргбюро. Возможно, поэтому составители январской Директивы, вопреки установленному распределению полномочий между Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б), решили провести ее через Оргбюро, поскольку ни в Политбюро, ни на Пленуме ЦК она поддержки не получила бы.

Кто же этот анонимный автор (авторы) Директивы, сумевший провести ее в нарушение полномочий Оргбюро и вопреки курсу партии на установление прочного союза со средним крестьянством и средним казачеством? Очевидно, это было в партии влиятельное лицо. Критики Директивы о «расказачивании» (Р.А.Медведев, Г.Магнер, З.Л.Серебрякова и другие историки) предположительно называли Я.М.Свердлова. Но взвесив объективно все данные «за» и «против», они сошлись в том, что Свердлов, хотя и являлся в то время руководителем Оргбюро ЦК, но по своим взглядам не мог быть ни инициатором, ни тем более автором январской Директивы. Во многих предшествующих документах по казачьим делам, подписанных председателем ВЦИК, проводилась установка на самое благожелательное отношение к трудовому казачеству. С этим выводом, по нашему мнению, следует согласиться.

На роль инициатора принятия январской Директивы некоторые авторы выдвигают И.В.Сталина: он-де, как глава Наркомнаца, курировал в ЦК РКП(б) и Совнаркомке казачьи дела. И относился якобы ко всем казакам негативно. Это не соответствует действительности. В данном случае авторы под влиянием личных оценок Сталина подменяют научные доказательства субъективными мнениями, что мешает установлению истины. В этой связи необходимо прежде всего отметить, что РКП(б) и Советское правительство не считали казачество особой национальностью, и Первый съезд

трудовых казаков (февраль-март 1920 г.) авторитетно это подтвердил. Поэтому казачьи вопросы не могли находиться в ведении Наркомнаца. Особой национальностью считали казачество его атаманы и генералы. Так, атаман Краснов, не стесняясь, возглашал: «Кзаки! Помните, вы не русские, вы, кзаки, самостоятельный народ» (Белые генералы. — Ростов-на-Дону, 1998, с. 164). Критики январской Директивы (Г.Магнер и др.), обвиняя Сталина в ее принятии, прибегают к весьма сомнительным доказательствам. Они считают, что «поскольку мы не знаем со стороны Наркомнаца ни одного высказывания против массового террора на Дону», то это «свидетельствует о том, что эти действия производились с его согласия». Станный способ доказательств, не правда ли? Не высказывали в тот момент осуждения террора, объявленного в январской Директиве, многие правительственные органы. Но разве это означает поддержку ими этого документа? Есть основание говорить, что это происходило из-за неосведомленности об этом документе.

В вину Сталину ставят его высказывание в письме Ленину (август 1918 г.) из Царицына, что «казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией» (Сталин И.В. Соч., т. 4, с. 124). Критики Сталина считают это его высказывание «явной ложью». Их опровергает такой авторитетный свидетель, как Ф.К.Миронов, в то время (ноябрь 1918 г.) начальник 1-й Медведицкой красноказачьей дивизии. В письме некоторым волостным Советам начдив писал: «Много солдат ваших волостей дезертировало из вверенной мне дивизии. В то время, когда казаки, которых вы же обвиняли в контрреволюции, целыми полками присоединяются на борьбу с генералом Красновым, граждане волостей Даниловки и Ореховки позорно бегут с революционного поля брани, отказавшись от борьбы за землю и волю» (Филипп Миронов. Документы..., с. 100). Таких явлений было немало, в чем проявлялись колебания среднего казачества. Мятеж кавалерийского казачьего корпуса во главе с самим Мироновым (август 1919 г.) подтвердил то же самое. С героизмом и стойкостью в боях одной части трудовых казаков соседствовали дезертирство и измена другой ее части. Так было, если смотреть правде в глаза.

Тех, кто приписывает Сталину заглавную роль в принятии январской Директивы, не смущает тот факт, что он имел против обвинителей ряд неопровержимых алиби. Во-первых, Сталин не входил в состав Оргбюро ЦК, принимавшего 24 января 1919 года указанную Директиву. После 24 января он несколько дней отсутствовал в Москве, находясь вместе с Дзержинским в командировке на Урале, где по заданию ЦК РКП(б) выяснял причины сдачи колчаковцам Перьми. Нет доказательств того, что Сталин уже был в Москве, когда Свердлов подписывал 29 января сопроводительное письмо к Директиве для рассылки ее на места. Тем не менее некоторые историки (Г.Магнер, З.Серебрякова) допускают ничем не подтвержденные импровизации и изображают дело таким образом, будто 29 января Сталин встречается со Свердловым в Москве (что не доказано), «берет у Свердлова сопроводительное письмо к какому-то документу, который якобы необходимо срочно направить в казачьи районы. Вместо документа, о котором он говорил со Свердловым, Сталин направляет на Дон вместе с сопроводительным письмом Свердлова циркулярное письмо» (Магнер Г. Рассказывание в системе массовых репрессий // Альтернативы, 1999, № 4, с. 137). Так в угоду своим умонастроениям совершенно бездоказательно сочиняется обвинение Сталина в каких-то неблагоприятных делах. Нельзя столь вольно обращаться с историей, если мы не хотим превратить ее в кривое зеркало.

Подлинную, а не вымышленную позицию Сталина в отношении январской Директивы проясняет один из сохранившихся документов, подписанных им. В ответ на запрос ревкома Уральской области, какого курса придерживаться в казачьих районах, Сталин 21 марта, то есть через 5 дней после принятия на Пленуме ЦК РКП(б) решения о приостановке январской Директивы, направил следующую телеграмму: «ЦК считает необходимым держать курс на разложение уральского казачества путем изоляции офицерско-кулацких элементов и привлечения бедных и средних слоев. Объявление казаков вне закона сплачивает их в единый лагерь, подрывает политику разложения, тормозит дело освобождения области. ЦК предлагает вам соответственно изменить политику по

отношению к казакам. По поручению ЦК Сталин» (Филипп Миронов. Документы..., с. 704). Очевидно, что автор этой телеграммы не мог быть одновременно и автором январской Директивы. А если бы он был автором январской Директивы, то ЦК РКП(б) после Пленума не поручил бы Сталину информировать казачьи районы о новой политике по казачьему вопросу. Это несомненно.

Итак, вопрос о том, кто же был инициатором и главным куратором январской Директивы, остается открытым. Между тем он очень важен и с конкретно-исторической, и с политической, и даже с теоретической точек зрения.

Как следует из содержания и целенаправленности январской Директивы, она носит главным образом военный характер и прямо адресована военно-партийным работникам, возглавлявшим армейские органы на антиказачьих фронтах. На антикрасновском фронте это были Реввоенсовет Южного фронта, реввоенсоветы входивших в него VIII, IX и X армий, политотделы фронта, армий и дивизий, а также создававшиеся ими ревкомы на местах. Создание органов гражданской власти в освобождавшихся от белоказаков районах возглавляло Донбюро РКП(б), но и оно действовало как вспомогательный орган при Реввоенсовете Южного фронта. Январская Директива ставила перед этими органами конкретные задачи с целью разгрома белоказачьей контрреволюции, то есть являлась как бы военным приказом на самом высоком уровне.

Что было именно так, подтверждают сохранившиеся документы о ходе практической реализации директивы. Она была направлена по назначению, то есть Реввоенсовету Южного фронта. 4 февраля состоялся разговор по телеграфу между Свердловым и членом Реввоенсовета Южного фронта И.И.Ходоровским, который сообщил: «Директиву ЦЕКА получили и уже сообщили армиям... Вырабатывается и завтра будет готова и сообщена к руководству и исполнению армиями подробная инструкция по осуществлению директивы ЦК». Такая инструкция была разработана, 7 февраля утверждена Реввоенсоветом Южфронта и направлена на места, для сведения — во ВЦИК и в ЦК РКП(б) (см.: там же, с. 145—146).

В свете приведенных документов есть достаточные основания предполагать, что Директива была инициирована и готовилась в недрах военного ведомства, возглавляемого Л.Д.Троцким.

Напомним, что с 4 января 1919 года Южный фронт находился в наступательной операции против армии атамана Краснова и Директива Оргбюро, по замыслу ее составителей, должна была способствовать разгрому белоказачьей армии. Троцкий, как председатель Реввоенсовета республики и руководитель военного ведомства, практически руководил тогда организацией вооруженной борьбы против войск Краснова, повседневно находился в связи с Реввоенсоветом Южного фронта и реввоенсоветами входивших в него армий, давал указания по важнейшим военно-оперативным и политическим вопросам. Так, по сведениям Ходоровского, 3 февраля Троцкий дал указание: «впредь до особого распоряжения военные и гражданские власти на Дону целиком подчиняются Реввоенсовету Южфронта». Реввоенсовет фронта поставил перед Троцким вопрос о том, что «проведение поставленных ЦК задач требует строгой централизации». Речь шла о необходимости создания единого органа по руководству восстановлением Советской власти на Дону. «Троцкий, — сообщил Ходоровский, — обещал сегодня (4 февраля) дать на это официальный ответ» (там же, с. 143). Такие установки фронту по многим вопросам Троцкий давал почти ежедневно.

Поэтому несостоятельны, на наш взгляд, утверждения некоторых критиков, будто Троцкий, «несомненно, тоже (как и Ленин. — П.Г.) не знал о январской Директиве» (журн. «Подъем», Воронеж, 1989, № 4, с. 98). С таким утверждением, несомненно, нельзя согласиться, ибо это противоречит приведенным выше документам.

Об авторстве Троцкого в составлении январской Директивы, по нашему мнению, свидетельствует ее сопоставление с известным приказом Троцкого об общем выступлении советских войск на подавление Вешенского восстания белоказаков. Их поразительное сходство и по содержанию, и по форме выражения дают основание предполагать, что оба документа написаны одной и той же рукой. «Никакой пощады станицам, которые будут

оказывать сопротивление. Милость только тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону» — это выдержки из приказа Троцкого. «Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути не допустимы» — это выдержки из январской Директивы. Таких аналогий в обоих документах много. Эти аналогии вряд ли случайны.

Наконец, в «пользу» авторства Троцкого в составлении январской Директивы свидетельствует, на наш взгляд, еще один принципиальный момент. О нем очень важно вспомнить в связи с дискуссией по проблеме «рассказачивания». Как известно, в теории «перманентной революции» Троцкого все крестьянство в целом, казачество, как привилегированное и военизированное сословие в особенности, считалось реакционной силой, что находилось в противоречии с ленинской оценкой расстановки движущих сил революции в России. По Троцкому, российский пролетариат мог одержать победу только при поддержке государственно организованного европейского пролетариата. Отсюда проистекало маниакальное упорство троцкистов в искусственном разжигании революции в Западной Европе, даже ценой утраты уже установленной в России Советской власти. Троцкистская концепция революции в России особенно масштабно проявилась во время острой борьбы в партии за заключение Брестского мира. Троцкий не видел в казачьем сословии уже происходившего в нем классового расслоения и присоединения части трудового казачества, хотя и меньшей его части, к поддержке Советской власти. **Стремление Троцкого рассматривать все казачье сословие как сплошь враждебную революции массу, на наш взгляд, отразилось в январской Директиве весьма ощутимо.** Такими нам представляются свидетельства о причастности Троцкого к составлению январской Директивы.

Подытоживая рассмотрение этой Директивы, необходимо решительно опровергнуть, как абсолютно несостоятельные, утверждения апологетов донской белоказачьей Вандеи, будто большевики объявляли в ней войну всему казачеству поголовно. Что касается репрессивных мер против мятежных верхов казачества, то после оргии расстрелов и повешений по меньшей мере 45 тыс. сторонников Советской власти Краснов и его вандейцы заслужи-

вали самого сурового возмездия, ибо они с головы до пят были забрызганы кровью своих бесчисленных жертв. Наемные адвокаты донских вандейцев и их сообщники в лице рати господ тряпичкиных из нынешних СМИ, разыгрывая лицемерные причитания по поводу «рассказывания казаков», в то же время дружно устраивают заговор молчания по поводу кровавых дел атамана Краснова и его янычар, малюя этих палачей непогрешимыми. Кровавыми делами янычар Краснова, их жестокостью возмущался даже генерал Деникин, по части подобных дел далеко небезгрешный человек. Его поражали «произвол и дикие самосуды» красновских янычар, «наводивших ужас и панику на население».

Многие из этих кровавых оргий с беспощадной правдивостью воспроизведены на страницах шолоховского «Тихого Дона». Таковы сцены зверской расправы над правительственной экспедицией во главе с премьером правительства Донской Советской республики Ф.Г.Подтелковым и наркомом М.В.Кривошлыковым, картины нечеловеческих издевательств над пленными коммунистами Сердобского полка Красной Армии, надругательства над убитым комиссаром Лихачевым, хладнокровного уничтожения семьи красного казака Михаила Кошевого, неимоверного истязания в «казнительном отряде» старшины Прянишникова людей, заподозренных в большевизме, и т. д. Эти дикие сцены зверств красновцев взяты из реальной жизни тех дней и воспроизведены с потрясающей художественной силой в «Тихом Доне» писателем-казаком М.А.Шолоховым в назидание потомкам. **ЧТОБЫ ПОМНИЛИ!**

Таковы правда и ложь о «рассказывании» казаков, о крайне драматических событиях истории Гражданской войны на Дону.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ, КАК ПОДГОТОВКА РОССИЙСКОГО ТЕРМИДОРА

5

2. ПЕРВЫЙ АНТИСОВЕТСКИЙ МЯТЕЖ ВАНДЕЙЦЕВ ДОНА (КАЛЕДИНЩИНА)

18

3. ВТОРОЙ АНТИСОВЕТСКИЙ МЯТЕЖ ВАНДЕЙЦЕВ ДОНА (КРАСНОВЩИНА)

46

4. ПОХОД НА МОСКВУ ... НАВСТРЕЧУ КАТАСТРОФЕ

106

5. О ЯНВАРСКОЙ (1919 Г.) ДИРЕКТИВЕ ОРГБЮРО ЦК РКП(Б) ПО КАЗАЧЬЕМУ ВОПРОСУ

120

Приложение
к журналу «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Голуб П.А. Правда и ложь о «рассказывании» казаков. — М., 2009. — 144 с.

В предлагаемом читателям очерке известный советский историк П.А.Голуб на основе многих ранее неизвестных и малоизвестных документов, взятых в основном из архивов Донского белоказачества, освещает много новых важных моментов революции и Гражданской войны на казачьем Дону. Он глубоко анализирует пресловутый вопрос о «рассказывании» казаков, восстанавливает правду истории по этому вопросу, развенчивает фарисейские фальсификации против политики Советской власти в отношении трудового казачества.

Книга рассчитана на специалистов-историков, пропагандистов КПРФ, на всех интересующихся подлинной, а не придуманной историей нашего Отечества.

Подписано в печать 14.04.2009. Тираж 3000 экз.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций — свидетельство ПИ № 77-16383 от 22 сентября 2003 г.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография». Заказ № 806.
143400 Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.
